This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK 1
M5824
v. 6
no. 2

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
JAN 15 1973

ДРЕВНОСТИ

ТРУДЫ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАННЫЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Е. РУМЯНЦОВА,

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Съ портретомъ Н. М. Потулова (въ текстѣ) и 40 страницами нотъ.

МОСКВА
1876.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. **ИЗСЛѢДОВАНІЯ.**

Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ. Глава II. Д. чл. **К. К. Герца** . . . . . 86—119.

Славянскій Краковъ. Д. чл. **С. М. Крыжановскаго** . 120—134.

Село Пречистая-Каменка, Новоторжскаго уѣзда. Д. чл. **А. К. Жизневскаго**. . . . . 135—139.

Николай Михайловичъ Потуловъ и его труды по разработкѣ древнецерковнаго русскаго пѣнія (съ портретомъ Н. М. Потулова). Д. чл. **Д. В. Разумовскаго**. . . . 140—149.

II. **БИБЛІОГРАФІЯ.**

Катакомба съ фресками, найденная въ 1872 году близь Керчи и описанная Владиміромъ Стасовымъ. (Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1872 годъ, съ атласомъ. Спб. 1875 г., стр. 235—339; рисунки на табл. I—XVIII).

I. Обзоръ изслѣдованія о фрескахъ Керченской катакомбы. Д. чл. **А. А. Котляревскаго**. . . . . 23—26.

II. Объясненіе Керченскихъ фресокъ. **С. А. Усова**. . 27—34.

III. Нѣсколько замѣчаній о Керческихъ фрескахъ. Д. чл. **Д. И. Иловайскаго**. . . . . 34—40.

III. **ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.** №№ 99—103.

IV. **ПРИЛОЖЕНІЕ.**

О бумажныхъ оттискахъ съ древнихъ надписей и воспроизведеніи ихъ изъ гипса. . . . . 5—6.

Таблицы.

1. Портретъ Н. М. Потулова (политипажъ въ текстѣ).
2. Ноты на 40 литограф. страницахъ.

Отвѣтственное лицо гр. А. С. Уваровъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ И ОТКРЫТІЙ

НА ТАМАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ

съ конца XVIII столѣтія до 1859 года.

ГЛАВА II.

Раскопки 1852 года.

Новая эпоха въ исторіи раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ начинается со времени личнаго посѣщенія этой мѣстности графомъ Л. А. Перовскимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ цѣли раскопокъ становятся возвышеннѣе, такъ и самые методы изслѣдованія точнѣе, опредѣленнѣе и внимательнѣе. Не одно добываніе золотыхъ вещей составляетъ цѣль раскопокъ, но приступаютъ и къ рѣшенію нѣкоторыхъ научныхъ вопросовъ посредствомъ изслѣдованія извѣстныхъ мѣстностей. Съ этихъ поръ ведутся болѣе точные и подробные журналы всѣхъ раскопокъ, иногда съ приложеніемъ плановъ и рисунковъ, и на основаніи этихъ журналовъ составляются по временамъ отчеты, представляемые начальству. Иниціатива всѣхъ этихъ улучшеній и преобразованій принадлежитъ самому покойному министру. Назначенный

министромъ Удѣловъ, графъ Л. А. Перовскій сохранилъ за собою надзоръ за тою вѣтвью своихъ прежнихъ обязанностей, какъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ которой онъ принималъ и прежде живѣйшее участіе. Высочайшимъ указомъ отъ 30 августа 1852 г. Государю Императору благоугодно было подчинить, между прочимъ, г. министру Удѣловъ всѣ археологическія розысканія въ Россіи, и, по всеподданнѣйшему докладу графа, всѣ они причислены были къ Кабинету Его Императорскаго Величества. Многочисленныя доказательства глубокой преданности и любви къ археологіи покойнаго графа мы находимъ въ оффиціальныхъ бумагахъ, изученныхъ нами съ глубокимъ сочувствіемъ къ лицу, котораго дѣятельность еще не была представлена съ этой стороны. Въ послѣдующихъ строкахъ мы желали бы отъ имени науки воздвигнуть памятникъ благодарности дѣятелю, котораго научились уважать въ его дѣйствіяхъ, хотя и не имѣли счастія знать его при жизни.

Среди многочисленныхъ и иногда чрезвычайно важныхъ археологическихъ изслѣдованій, которыя, по мысли графа Л. А. Перовскаго, производились въ Керчи и Ѳеодосіи, въ Ольвіи и на развалинахъ Херсониса, въ Недвиговкѣ и Александрополѣ, на берегахъ Айдара и на поляхъ битвъ въ средней Россіи, отъ вниманія его не ускользнулъ и малоизслѣдованный Таманскій полуостровъ, хотя курганы его, по словамъ прежнихъ изслѣдователей, являлись большею частію расхищенными и не подавали большихъ надеждъ на счастливыя и богатыя находки; но слава случайныхъ открытій, на немъ сдѣланныхъ въ послѣдніе годы, побуждала къ новой дѣятельности. Лица, въ дѣлѣ археологическихъ изслѣдованій окружавшія графа Льва Алексѣевича, указывали ему на важность изслѣдованій этихъ мѣстностей. Въ 1849 году посѣтилъ Таманскій полуостровъ графъ А. С. Уваровъ и, занимаясь преимущественно рѣшеніемъ связанныхъ съ нимъ топографическихъ вопросовъ, обратилъ особое вниманіе графа Л. А. Перевскаго на то, сколько бы желательно было археологическое изслѣдованіе полуострова для обогащенія науки босфорскихъ древностей положительными фактами. Уже при первомъ посѣщеніи города Тамани въ 1851 г., у графа Л. А. Перовскаго возникла мысль поручить производство раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ исправляющему должность директора Керченскаго музея Кириллу Родіоновичу Бѣгичеву, который съ начала 1852 года и приступилъ къ этимъ работамъ. Еще болѣе живѣйшее участіе къ изслѣдованію этой мѣстности возродилось въ графѣ при второмъ личномъ посѣщеніи полуострова, при видѣ остатковъ древности, еще существующихъ на немъ, и его безчисленныхъ погребальныхъ памятниковъ. Графъ Л. А. Перовскій путешествовалъ

по Кавказу въ 1852 году и, на обратномъ пути, посѣтилъ Таманскій полуостровъ и Керчь. Въ свитѣ его находилось нѣсколько лицъ, извѣстныхъ и въ области науки, каковы Н. И. Надеждинъ и князь А. Сибирскій. Графъ остановился близь станціи Сѣнной, на хуторѣ столь хорошо извѣстнаго всѣмъ путешественникамъ гостепріимнаго черноморскаго старожила и страстнаго любителя мѣстныхъ древностей, войсковаго старшины П. Д. Семеняки. Къ пріѣзду его были подготовлены два кургана близь станціи Сѣнной, и въ одномъ изъ нихъ, въ каменной гробницѣ, въ присутствіи графа, открыты были двѣ вазы, сдѣланныя въ формѣ статуэтокъ, о которыхъ будетъ упомянуто подробнѣе ниже. Графъ Л. А. Перовскій на хуторѣ Семеняки пробылъ не долго: два или три дня неболѣе, и потомъ отправился въ Керчь. Но кромѣ раскопокъ, произведенныхъ въ его присутствіи, онъ посѣтилъ и замѣчательныя окрестности Сѣнной, молъ древней Фанагоріи, Ахтанизовку, мѣстность т. н. храма Діаны и т. д. Посѣщеніе его глубоко сохранилось въ памяти мѣстныхъ жителей.

Съ этого-то времени начинается рядъ мѣръ и предписаній, показывающій, какое живое и теплое участіе принималъ графъ Л. А. Перовскій не только въ ходѣ археологическихъ раскопокъ, но и въ участи, въ благоденствіи и въ доставленіи жизненныхъ удобствъ лицамъ, которымъ онъ довѣрялъ раскопки въ этой безлюдной и пустынной странѣ, гдѣ труженикъ науки, окруженный могилами, ведетъ отшельническую жизнь. Мы коснемся только нѣкоторыхъ распоряженій, относящихся къ работамъ на Таманскомъ полуостровѣ: пусть другіе прослѣдятъ мѣры, предпринятыя графомъ относительно работъ въ другихъ мѣстностяхъ. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ видна внимательность къ дѣлу, наблюдательность и даже столь широкіе виды, что должно замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ еще не приведены въ исполненіе.

При археологическихъ раскопкахъ въ Керчи, графъ Л. А. Перовскій замѣтилъ, что производители работъ не имѣютъ инструментовъ, необходимыхъ при окончательномъ разслѣдованіи содержанія открытыхъ гробницъ. Поэтому онъ препроводилъ въ Керчь и Тамань четыре комплекта подобныхъ инструментовъ *). Въ Керчи, при раскопкѣ кургановъ, толпа любопытныхъ имѣла обыкновеніе окружать работы. Прежде, чѣмъ разрытое мѣсто совершенно изслѣдовано, посторонніе люди приходили рыться въ землѣ. Такъ какъ отъ этого посторонняго вмѣшательства легко могли быть утрачены вещи, заслу-

*) Дѣло Канцеляріи Министра Удѣловъ за № 15, листъ 59. Отношеніе къ Керчь-Еникольскому Градоначальнику отъ 22 апрѣля 1853 года, за № 661.

живающія вниманія, то графъ Л. А. Перовскій предписалъ, чтобы никто изъ постороннихъ лицъ не былъ допускаемъ къ мѣсту раскопокъ, прежде чѣмъ могила будетъ оставлена производящими раскопку, какъ ничего уже болѣе не заключающая *). Въ слѣдствіе необходимыхъ при археологическихъ розысканіяхъ на Таманскомъ полуостровѣ разъѣздахъ, онъ, послѣ продолжительной переписки, выхлопоталъ распоряженіе о предписаніи Екатеринодарской войсковой почтовой конторѣ, чтобы чиновникамъ, занимающимся археологическими розысканіями, безпрепятственно были отпускаемы почтовыя лошади для разъѣздовъ въ сторону отъ большой дороги **). При невозможности найти другіе пути сообщенія въ этой малонаселенной странѣ, мѣра эта была чрезвычайно важная. Наконецъ лица, производящія раскопки, не имѣли въ этой странѣ, гдѣ жилья отстоятъ иногда другъ отъ друга на нѣсколько верстъ, никакого помѣщенія, ни для себя, ни для рабочихъ и инструментовъ, ни складнаго мѣста для временнаго храненія открываемыхъ предметовъ, изъ которыхъ иные имѣли значительный объемъ, какъ напр. громадныя вазы, надгробные камни, колонны и разные архитектурные фрагменты. Правда, они находили всегда гостепріимный кровъ въ домѣ Семеняки, гдѣ часто жили нѣсколько мѣсяцевъ сряду, но нельзя было расчитывать на дальнѣйшую продолжительность этого гостепріимства, потому что семейство хозяина росло и въ намѣреніяхъ графа Л. А. Перовскаго лежало дать бо́льшее развитіе раскопкамъ на Таманскомъ полуостровѣ. Тогда, по представленію директора Керченскаго музея, онъ назначилъ особую сумму для постройки особаго дома, съ сараемъ и другими помѣщеніями, близь станціи Сѣнной, въ центрѣ всѣхъ раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ. Домъ былъ выстроенъ и меблированъ подъ наблюденіемъ П. Д. Семеняки и съ тѣхъ поръ служитъ жилищемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ своимъ цѣлямъ ***).

Но не только объ матеріальномъ улучшеніи быта подвѣдомственныхъ ему лицъ заботился графъ Л. А. Перовскій, но онъ и безпрерывно морально поддерживалъ ихъ въ работахъ, которые, въ виду большихъ издержекъ, казались имъ совершенно безуспѣшными. Онъ поддерживалъ упадавшій отъ неуспѣховъ духъ, вселялъ надежды. «Считаю нужнымъ увѣдомить васъ», пишетъ онъ, «что при археологи-

---

*) Дѣло подъ тѣмъ же №, листъ 73. Отношеніе къ Керчь-Еникольскому Градоначальнику отъ 9-го мая 1853 г., за № 788.

**) Дѣло подъ тѣмъ же №, листъ 203. Отношеніе къ директору Керченскаго Музея древностей отъ 25 декабря 1853 г., за № 2077.

***) Дѣло подъ тѣмъ же №, листъ 188. Отношеніе къ директору Керченскаго музея отъ 8-го декабря 1853 г., за № 1979.

ческихъ розысканіяхъ никогда не должно терять надежды и отъ первой неудачи отчаиваться въ возможности сдѣлать замѣчательныя открытія» *). Только теплое участіе къ дѣлу могло внушить ему подобныя ободрительныя слова. Это не голосъ высокопоставленнаго сановника и начальника, а друга.

Наконецъ, при всѣхъ археологическихъ изслѣдованіяхъ, графъ Л. А. Перовскій имѣлъ въ виду и дорожилъ всего болѣе интересами науки. Не добываніе дорогихъ античныхъ вещей было ихъ цѣлью, а обогащеніе науки новыми фактами о жизни, обычаяхъ и искусствѣ народовъ классической древности. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ шелъ даже впереди лицъ, которымъ поручалъ раскопки. Въ его предписаніяхъ встрѣчаются указанія, которые поняты и приводятся въ дѣйствіе только въ настоящее время. Онъ ясно видѣлъ недостатки всѣхъ прежнихъ раскопокъ и указывалъ на мѣры къ усовершенствованію метода раскопокъ. «Въ прежнее время, пишетъ онъ, при разрытіи кургановъ не принимались мѣры къ предохраненію находимыхъ вещей отъ утраты и не обращалось должнаго вниманія на внутреннее расположеніе склепа и вещей, въ немъ заключавшихся, такъ что рисунокъ расположенія предметовъ, найденныхъ въ извѣстномъ Куль-обскомъ курганѣ, составленъ былъ уже послѣ, по однимъ воспоминаніямъ». — Поэтому онъ предписалъ приставлять немедленно караулъ ко входу въ гробницу или катакомбу и никого не впускать, кромѣ самихъ производителей раскопокъ или лицъ, которыхъ послѣдніе признаютъ возможнымъ допустить. За тѣмъ, не трогая ни одного предмета, онъ предписалъ составить архитектурный планъ внутренности склепа и рисунокъ расположенія каждой вещи въ отношеніи къ костяку. Если на гробѣ (мраморномъ, каменномъ или деревянномъ) встрѣтится рѣзьба или живопись, то онъ требовалъ, чтобы при вскрытіи или перенесеніи гроба наблюдать, чтобы не повреждены были имѣющіяся на немъ изображенія. Но, кромѣ того, и на внутреннихъ пространствахъ (стѣнахъ, потолкѣ, сводѣ) могутъ встрѣтиться живописныя и рельефныя изображенія, надписи и т. д. Въ такомъ случаѣ онъ предписывалъ снятіе точныхъ копій или слѣпковъ. Хотя въ тѣ времена только немногіе понимали важность антропологіи и этнографіи въ связи съ археологическими изслѣдованіями, но графъ Л. А. Перовскій первый оцѣнилъ, какое важное значеніе имѣютъ костякъ и черепъ для опредѣленія народности покойника, а слѣдовательно, и

*) Дѣло подъ тѣмъ же №. Отношеніе къ директору Керченскаго музея отъ 3-го сентября 1853 года, за № 1519.

предметовъ, открытыхъ въ гробницѣ. Поэтому онъ предписалъ, чтобы находимые въ гробницахъ костяки тоже тщательно сохранялись и присылались вмѣстѣ съ вещами въ Петербургъ. «По образованію черепа», пишетъ онъ, «можно заключить, къ какому племени принадлежалъ погребенный». Наконецъ, весьма замѣчательно, что для правильнаго и нагляднаго изученія цѣлаго устройства гробницъ Босфора Киммерійскаго, онъ, въ случаѣ открытія какого либо замѣчательнаго и еще не тронутаго древняго склепа или катакомбы, предполагалъ устроить въ Императорскомъ Эрмитажѣ совершенно подобный склепъ и расположить въ немъ всѣ предметы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они найдены. Остается пожалѣть, что ему не удалось привести въ исполненіе этотъ планъ: тогда посѣтители Императорскаго Музея могли бы получить столь же живое представленіе о гробницахъ босфорскихъ грековъ, какое имѣли на парижской всемірной выставкѣ 1867 года посѣтители при видѣ модели римскихъ катакомбъ въ натуральную величину, исполненную по указаніямъ Дж. Б. де Росси. Вотъ каковы были желанія и требованія, высказанныя графомъ Л. А. Перовскимъ, относительно производства археологическихъ изысканій *). Если они не всѣ приведены были въ исполненіе, то это зависѣло отъ отсутствія въ тѣ времена лицъ, которыя могли бы понять все значеніе задачи, которую онъ на нихъ возлагалъ.

Раскопки, предпринятыя на Таманскомъ полуостровѣ графомъ Л. А. Перовскимъ въ 1852 году, были задуманы въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Хотя во время проѣзда его, осенью 1851 года, черезъ земли черноморскаго войска, и была произведена раскопка нѣсколькихъ кургановъ, которые оказались расхищенными, тѣмъ не менѣе эта неудача не охладила въ немъ намѣренія—изслѣдовать основательнѣе этотъ малоизвѣстный край и его древности. Онъ остался убѣжденъ, что Таманскій полуостровъ представляетъ вообще весьма любопытную для науки мѣстность. Цѣлью этихъ изслѣдованій онъ постановилъ—возможность опредѣлить настоящее положеніе древняго города Фанагоріи, которое оставалось неизвѣстно ученому свѣту. Основываясь на предположеніи Дюбуа, что Фанагорія лежала близь станціи Сѣнной, онъ предполагалъ разрыть непрерывную насыпь, которая тянется здѣсь вдоль берега Таманскаго залива. Онъ надѣялся, что при этихъ раскопкахъ откроется городская стѣна или отыщется какая-либо надпись, которая опредѣлитъ названіе города, стоявшаго на этомъ мѣстѣ. Онъ намѣревался также тщательно изслѣдовать

*) Дѣло подъ тѣмъ же №, листъ 73. Отношеніе къ Керчь-Еникольскому градоначальнику отъ 9-го Мая 1853, за № 788.

одинъ или два изъ большихъ кургановъ, находящихся близь станціи, сдѣлавъ поперечный имъ разрѣзъ до материка, чтобы опредѣлить, какимъ правиломъ древніе руководствовались при возведеніи насыпей надъ могилами усопшихъ. Съ этою цѣлью, испросивъ Высочайшее разрѣшеніе приступить къ разслѣдованіямъ на Таманскомъ полуостровѣ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, графъ Л. А. Перовскій исходатайствовалъ особую сумму для этихъ раскопокъ, которую намѣревался еще увеличить, если того потребуютъ обстоятельства. Желаніемъ его было, чтобы предположенныя работы лишь совершены были безостановочно. Затѣмъ онъ обратился къ Намѣстнику Кавказскому князю М. С. Воронцову, завѣдывавшему въ то время раскопками на югѣ Россіи, съ просьбою, возложить раскопки на штабсъ-капитана К. Р. Бѣгичева. Послѣдній былъ уже знакомъ графу съ 1851 года, потому что, въ слѣдствіе приказанія кн. М. С. Воронцова, былъ командированъ изъ Керчи въ Тамань, для наблюденій за разрытіемъ кургановъ возлѣ послѣдняго города, производившимся въ присутствіи графа. Еще въ этомъ 1851 году, графъ лично указывалъ послѣднему на Таманскомъ полуостровѣ тѣ мѣста, гдѣ онъ предполагалъ производить изслѣдованія. Кромѣ того, талантъ К. Р. Бѣгичева, какъ рисовальщика, могъ быть весьма полезенъ для передачи разрѣза кургановъ, которые должны быть разрыты. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратился къ Керчь-Еникольскому градоначальнику, генералъ-маіору князю Д. Гагарину, непосредственно наблюдавшему за производствомъ работъ, съ просьбою содѣйствовать пріисканію способныхъ для этихъ занятій рабочихъ и о снабженіи ихъ необходимыми инструментами. Онъ просилъ его имѣть въ виду главнѣйшее—предотвращеніе всякой медленности и остановки въ работахъ. Онъ просилъ князя Д. Гагарина увѣдомлять его объ этихъ работахъ черезъ каждыя двѣ недѣли, а объ открытіяхъ особенно замѣчательныхъ немедленно доносить ему; производящему же работы предписалъ вести самый подробный и отчетливый журналъ раскопкамъ. Сколь живое участіе онъ принималъ въ этомъ дѣлѣ, видно изъ того, что въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи сохранилась цѣлая переписка о желаніи графа — получить самую подробную карту Таманскаго полуострова. Это желаніе наконецъ исполнилъ генералъ Н. С. Завадовскій, и препроводилъ ему изъ Ставрополя 8 листовъ подлинной и инструментальной съемки Таманскаго полуострова, въ масштабѣ двухъ верстъ въ англійскомъ дюймѣ, съ сборнымъ листомъ. Карта была разбита на квадраты, изъ которыхъ каждый былъ означенъ особою цифрою и подраздѣленъ еще на четыре меньшіе квадрата, отмѣченные первыми четырьмя буквами латинскаго алфа-

вита *). Съ этой карты снята была копія, которая была отправлена къ лицу, которое должно было производить раскопки. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему предписано было въ донесеніяхъ своихъ о производимыхъ работахъ каждый разъ означать нумеръ и букву той мѣстности, гдѣ работы производятся. Другой экземпляръ этой карты находился въ рукахъ графа и онъ такимъ образомъ могъ провѣрить весь ходъ работъ. Наконецъ имѣя въ виду, что эти розысканія имѣютъ исключительною цѣлью разъясненіе любопытнаго для науки вопроса, графъ Л. А. Перовскій обратился въ Одесское общество исторіи и древностей съ предложеніемъ—отправить кого либо изъ своихъ членовъ для присутствованія при раскопкахъ **). Какой отвѣтъ послѣдовалъ отъ общества—намъ неизвѣстно.

По полученіи согласія князя М. С. Воронцова, производство археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ въ 1852 году поручено было исправляющему должность деректора Керченскаго музея К. Р. Бѣгичеву. Въ этомъ году розысканія произведены были на четырехъ отдѣльныхъ пунктахъ, занимающихъ собою протяженія болѣе 45 верстъ; а именно: 1) близъ южнаго кордона, лежащаго на южной оконечности азіатскаго берега пролива; 2) близъ города Тамани, на мѣстѣ, гдѣ была старая турецкая крѣпость; 3) близъ станціи Сѣнной и 4) въ селеніи «Фонтанъ», лежащемъ на полуостровѣ, называемомъ Киммерійскимъ ***). Мы разскажемъ ходъ и результаты каждой изъ этихъ раскопокъ.

1.

Раскопки близъ южнаго кордона, лежащаго на южной оконечности азіатскаго берега пролива.

Раскопки на Тузлѣ, близъ южнаго кордона, производились съ 17-го по 29 Апрѣля 1852 года. Въ нѣкоторыхъ курганахъ, лежащихъ отдѣльно, на незначительномъ разстояніи отъ сплошныхъ насыпей, открыты были гробницы, обложенныя камнями неправильной формы

---

*) Департамента общихъ дѣлъ М. В. Д. 1-го отдѣленія, по 3-му столу, дѣло за № 111, листы: 1, 13, 20, 21, 24, 51.

**) Дѣло за тѣмъ же №, листъ 5. Письмо Его Сіятельству кн. М. С. Воронцову отъ 21 января 1852, за № 261, листъ 16. Предложеніе г. Керчь-Еникольскому градоначальнику отъ 14 марта 1852 за № 918, листъ 23. Предложеніе испр. д. директора Керченс. музея отъ 7 апрѣля 1852, за № 1139.

***) Дѣло Канцеляріи министра Удѣловъ, за № 15 (214), листъ 44. Рапортъ испр. должность директора Керченскаго музея, за № 113.

и различной величины, и покрытыя такими же камнями бо̀льшаго размѣра. Въ одной изъ таковыхъ гробницъ, на днѣ ея, найдены были два совершенно истлѣвшіе скелета, лежавшіе рядомъ одинъ возлѣ другаго. У ногъ покойника съ лѣвой стороны оказались четыре простыя вазы, изъ которыхъ одна покрыта была грубымъ рисункомъ, полинявшимъ отъ времени, и одинъ простой, глиняной кувшинчикъ; возлѣ рукъ—двѣ глиняныя чашечки, два простые кувшинчика и мѣдная небольшая монета; у головы—еще одна такая же монета и три стеклянныя монисты. Въ другой гробницѣ, устроенной также изъ обломковъ дикаго камня, найдено только на пальцѣ лѣвой руки покойника мѣдное колечко и возлѣ него двѣ мѣдныя небольшія пантикапейскія монеты. Это устройство гробницъ изъ остатковъ камня, употребленнаго на устройство гробницы, назначенной для важнаго лица, указываетъ, что покойники принадлежали къ классу небогатыхъ людей, а присутствіе вещей изъ стекла—что они относятся къ римскимъ временамъ.

Разслѣдованіе прочихъ насыпей не имѣло большаго успѣха; однѣ гробницы оказались уже расхищенными, другія представили слѣдующіе неважные предметы: нѣсколько штукъ обломанной мелкой посуды; двѣ-три мѣдныя пряжки, одна глиняная амфора, съ неясной надписью на ручкѣ, обломки меча, мѣдныя острія стрѣлъ. Лучшею находкою были украшенія отъ бронзовыхъ уздечекъ; изъ нихъ одни представляли головки барановъ, барса, фигуры гриффоновъ и проч. Эти узды были открыты въ курганѣ ($\frac{c}{202}$ на картѣ) на глубинѣ $1^1/_2$ саж., въ земляной гробницѣ, въ которой были зарыты вмѣстѣ скелеты двухъ лошадей покойника, вѣроятно ихъ хозяина, оказавшейся уже расхищенною. Гробницы, въ которыхъ найдены были всѣ эти вещи, были вырыты просто въ землѣ и покрыты однимъ слоемъ камки или рядомъ деревянныхъ брусьевъ, совершенно истлѣвшихъ; другія—не большими плитами изъ мягкаго известковаго камня. Наконецъ въ одной насыпи открыты были, одна возлѣ другой, три каменныя гробницы, устроенныя изъ небольшихъ штукъ мягкаго пиленаго камня, съ каменными же крышами, составленными изъ небольшихъ плитъ; на одной изъ нихъ, на сторонѣ, обращенной во внутрь гробницы, находилась надпись въ двѣ строки:

ΟΣΤΡΑΚΙΟΙ
ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ *)

*) П. В. Беккеръ принимаетъ этотъ камень, вышиною 1 арш., а шириною въ 11 вершковъ, за надгробный и говоритъ, что на немъ находилось крышеобразное украшеніе и трехстрочная надпись, въ которой первая строка совершенно изгладилась. Во второй онъ прочелъ только ΟΣΤΡΑ; чтеніе третьей совершенно согласно съ нашимъ. См. Пропилеи, т. 3, стр. 389.

Въ работахъ, произведенныхъ близъ южнаго кордона, въ тридцати шести мѣстахъ, разслѣдованныхъ вообще, вырыто было 74 ямы; изъ нихъ 58 оказались совершенно пустыми. Въ разныхъ мѣстахъ сплошныхъ насыпей рыли ямы, въ которыхъ ничего не оказалось. Въ остальныхъ 16 ямахъ отрыто 23 гробницы, въ томъ числѣ 8,—и вѣроятно самыхъ богатыхъ,—расхищенныхъ. Такъ какъ дальнѣйшія изслѣдованія близъ южнаго кордона не представляли никакой надежды на открытіе сколько нибудь замѣчательное, то работы были перенесены въ окрестность города Тамани. *)

Къ этимъ свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, слѣдуетъ прибавить показанія извѣстнаго нашего ученаго П. В. Беккера, посѣтившаго эти раскопки лѣтомъ 1852 года, въ сообществѣ К. Р. Бѣгичева. Онъ говоритъ **), что были открыты нѣсколько амфоръ съ ручками и два надгробные камня изъ песчаника. На одной изъ амфоръ, вышиною въ одинъ аршинъ съ вершкомъ, на крышкѣ была двухстрочная надпись, которой нельзя было разобрать; это должно было быть просто имя фабриканта, и отъ этого имени въ первой строкѣ Н. В. Беккеръ прочиталъ ΦΙΛΟΓ. Что касается до двухъ надгробныхъ камней, то они были найдены въ различныхъ могилахъ. Одинъ изъ нихъ былъ разбитъ, и въ этомъ видѣ имѣлъ 14 вершковъ въ вышину и $9^1/_2$ въ ширину. На лицевой сторонѣ, въ верхней ея части, обведенной каймою въ $1^1/_2$ вершка, изображена была въ грубомъ рельефѣ мужская фигура, на лошади, пущенной въ галопъ; о второмъ надгробномъ камнѣ сказано выше въ примѣчаніи. Работа обоихъ камней гораздо грубѣе работы на камняхъ, найденныхъ въ Керчи.

2.

Раскопки близъ города Тамани.

а) Раскопки въ насыпи, видимой въ Тамани, на берегу пролива, гдѣ была старая турецкая крѣпость.

Въ этой насыпи, въ разстояніи 40 саженей отъ берега моря, случайно, при добываніи камня тамошними жителями, на глубинѣ аршина ниже поверхности насыпи, были отрыты каменныя стѣны, имѣвшія

*) Дѣло № 111, листъ 53 и 56. Рапорты № 45 и 46. Черновый журналъ раскопокъ К. Р Бѣгичева, стран. 107—113.

**) См. Пропилеи, сборникъ, издаваемый П. М. Леонтьевымъ. Т. 3-й, стр. 379.

въ ширину до $2^1/_2$ арш., устроенныя изъ мягкаго и дикарнаго камня на извести. Наружность этихъ стѣнъ была обтесена; внутренность же наполнена щебнемъ, залитымъ известью, которая отъ времени получила необыкновенную прочность и составила какъ бы сплошную массу, болѣе крѣпкую, чѣмъ камень. Съ перваго взгляда эти стѣны представляли безобразныя груды камня, жалкіе остатки постройки, нѣкогда, можетъ быть, замѣчательной; они носили на себѣ всѣ признаки насильственнаго разрушенія со стороны здѣшнихъ жителей, которые воспользовались ими, какъ готовою каменоломнею.

Одна изъ этихъ стѣнъ, длиною 5 саж. 1 арш., шла по прямому направленію вдоль восточной стороны крѣпостнаго рва, устроеннаго вѣроятно Турками. Двѣ другія, длиною 4 саж. $2^1/_2$ арш., примыкали къ ней подъ прямыми углами, составляя такимъ образомъ квадратъ, четвертая сторона котораго скрывалась подъ насыпью, образующею западную сторону крѣпостнаго вала, возвышающеюся со внѣшней стороны вала до 2 саженей надъ ложемъ обводной канавы или рва, имѣющемъ болѣе сажени въ основаніи. Ровъ этотъ проходилъ такимъ образомъ черезъ середину этой постройки, отъ чего обѣ поперечныя стѣны ея оказались уже разобранными на столько, сколько того требовала глубина рва. Это доказываетъ, что стѣны эти, по происхожденію своему, болѣе древни, чѣмъ ровъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ были разобраны, стѣны имѣли въ поперечникѣ по три квадратныя отверстія, въ $2^1/_2$ арш. каждое, образовавшіеся, какъ замѣтно по стѣнкамъ самыхъ отверстій, отъ деревянныхъ брусковъ, отъ времени совершенно истлѣвшихъ, положенныхъ при сооруженіи стѣнъ для равномѣрной осадки камня.

При разслѣдованіи этихъ стѣнъ, съ 30 апрѣля по 2 мая, онѣ не представили ничего замѣчательнаго. Онѣ большею частію оказались уже разрушенными и, мѣстами, даже разобранными до основанія. Къ сожалѣнію должно прибавить, что пространство, которое заключаютъ эти стѣны, вовсе не было изслѣдовано. Самъ К. Р. Бѣгичевъ, въ черновомъ своемъ журналѣ, изъявляетъ желаніе, чтобы во всякомъ случаѣ внутренность этой постройки была очищена отъ земли, чтобы удостовѣриться въ ея происхожденіи и назначеніи, которыя могутъ быть важны для заключенія объ основаніи и происхожденіи всей насыпи вообще, которая своею громадностью обращаетъ на себя постоянное вниманіе ученыхъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, однимъ изъ Таманскихъ жителей, въ этой самой насыпи, К. Р. Бѣгичеву указано было другое мѣсто, въ разстояніи отъ перваго до 100 саж. и отъ берега моря на 50 саж., близъ фонтана, находящагося у подошвы крѣпости,—въ 8 саженяхъ отъ берега

моря. Мѣсто это лежитъ уже внѣ предѣловъ турецкой крѣпости, хотя составляетъ продолженіе общей насыпи, внизу идущей вдоль берега пролива и имѣющей здѣсь до 2 саж. высоты. Здѣсь, какъ и тамъ, проходила огромная канава, построеніе которой надобно отнести къ эпохѣ построенія самой крѣпости. Вдоль этой канавы, идущей перпендикулярно къ морю, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, по разсказамъ жителей, тоже случайно, два года передъ тѣмъ, была отрыта каменная стѣна, имѣвшая нѣсколько круглыхъ отверстій, устроенныхъ вертикально, на одинаковомъ одно отъ другаго разстояніи и по четыре вмѣстѣ. Это отверстія, по словамъ очевидцевъ, не были замѣтны на поверхности земли, но ясно обозначались по мѣрѣ того, какъ стѣна была разбираема здѣшними жителями для своихъ построекъ, и шли постоянно въ всю глубину стѣны, до основанія которой, будто бы, въ то время не добрались. Нѣкоторые изъ жителей пытались опустить въ эти отверстія щупы, желая узнать ихъ глубину, но до дна ихъ не доставали, что и заставило предполагать, что отверстія эти суть ничто иное, какъ продушины, имѣющія сообщеніе съ подземными погребами, устроенными въ глубинѣ насыпи. Это предположеніе тѣмъ болѣе интересно, что, по преданію, сохранившемуся въ народѣ и перешедшему отъ Турковъ, въ Тамани непремѣнно существуютъ такіе погреба. Разслѣдованіе этого мѣста не представило однако ничего подобнаго. Была ли уже эта стѣна вовсе разобрана, что можетъ быть не всѣ знали, или К. Р. Бѣгичеву было указано не то мѣсто; но, по самомъ обширномъ разслѣдованіи его, никакихъ признаковъ такой стѣны или постройки не открыто *).

в) Раскопки въ обрывѣ, на берегу Таманскаго залива, съ лѣвой стороны отъ пристани, гдѣ были найдены Пуленцовскія золотыя монеты.

Эти раскопки, продолжавшіяся съ различными перерывами отъ 2-го мая до сентября, въ высшей степени интересны въ археологическомъ отношеніи. Онѣ показываютъ, какъ, постепенно, одинъ народъ селился на пепелищѣ жилищъ другаго, болѣе древняго народа. Эта насыпь вообще состоитъ изъ трехъ слоевъ, рѣзко отдѣляющихся одинъ отъ другаго цвѣтомъ и составомъ частей наносной земли.

Верхній слой, толщиною до двухъ саженей, представляетъ смѣсь чернозема, камки, золы и всякаго мусора, показывающаго его недавнее образованіе. Средній, почти такой же толщины, состоитъ пре-

*) Дѣло за № 111, листъ 59. Черновой рукописный журналъ раскопокъ К. Р. Бѣгичева, стр. 115—117.

имущественно изъ наноснаго ила, смѣшаннаго съ золою, и отдѣляется отъ верхняго неправильнымъ слоемъ камня, образовавшимся отъ развалинъ бывшихъ на немъ построекъ. Слой этотъ, по формѣ сосудовъ, въ немъ найденныхъ во время изслѣдованій, а также по устройству гробницъ, которыя всѣ земляныя и безъ всякой покрышки, очевидно, турецкаго происхожденія.—Подъ нимъ лежитъ слой древней насыпи, собственно греческой, отличающейся цвѣтомъ ровнымъ сѣроватой глины, перемѣшанной съ черепками битыхъ сосудовъ греческой работы. Въ этой насыпи мѣстами прорѣзываются тонкіе слои камки, показывающіе присутствіе древнихъ гробницъ.

Раскопки произведены были въ томъ мѣстѣ этой насыпи, гдѣ, съ внѣшней стороны, она казалась наиболѣе возвышенною сверху и наиболѣе углубленною снизу. Общая высота обрыва простиралась въ этомъ мѣстѣ до 10 саженей; собственная же насыпь занимала отъ 5 до 6 саж. толщины. Здѣсь-то было занято протяженіе по обрыву на $15^1/_2$ саж. въ длину и $8^1/_2$ въ ширину и произведены изслѣдованія, которыя привели къ слѣдующимъ результатамъ.

Въ верхнемъ слоѣ насыпи найдены были двѣ мѣдныя монеты, изъ которыхъ одна оказалась русская, а другая была слишкомъ затерта и неясна для опредѣленія; три глиняные, обезображенные временемъ и сыростью, кувшина объ одной ручкѣ, формы турецкой, отрытые на глубинѣ отъ 2 до 3 саж. На такой же глубинѣ, въ другомъ мѣстѣ этой насыпи, открыты были одна совершенно покрытая ржавчиною мѣдная монета и нѣсколько окаменѣлыхъ (?) частицъ скелета, заключавшихся въ гробницѣ, вырытой просто въ землѣ, безъ всякой покрышки и весьма неглубокой. Встрѣчавшіеся въ этомъ слоѣ черепки принадлежали простымъ сосудамъ грубой работы, изъ грубой глины. По углубленіи въ насыпь на четыре сажени, открыто еще нѣсколько турецкихъ сосудовъ, также поврежденныхъ и разбитыхъ; два обломка стеклянныхъ браслетовъ, голубаго и бѣлаго цвѣта; нѣсколько мѣдныхъ, совершенно окисшихъ монетъ и костяная палочка въ $^1/_4$ арш. длины, обдѣланная съ однаго конца въ видѣ змѣиной головки.

На высотѣ двухъ саженей отъ поверхности материка, въ насыпи, которую, по отличительнымъ признакамъ, слѣдуетъ называть собственно древнею или греческою, между грудами камней и остатками каменныхъ стѣнъ отъ бывшихъ на этомъ мѣстѣ построекъ, открытъ былъ обломокъ нижней части мраморной статуи, небольшаго размѣра, покрытой драпировкою, по показанію П. В. Беккера, работы довольно грубой *). На глубинѣ $4^1/_2$ саж., между стѣнами зданій и

*) См. Пропилеи. Сборникъ, издаваемый П. М. Леонтьевымъ. Томъ III, стр. 376.

камнемъ, котораго здѣсь встрѣчаютъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, была найдена небольшая мраморная плита, обезображенная временемъ, безъ всякой надписи и изображеній. Еще ниже на полсажени, въ другомъ мѣстѣ, былъ найденъ большой остроконечный сосудъ, въ видѣ амфоры, поврежденный сыростью, съ обломанными горломъ и ручками; внутри сосуда ничего не находилось. Между обломками мелкихъ греческихъ сосудовъ, въ этомъ нижнемъ слоѣ открыто было до семи амфоръ разной величины и формы, большею частію подавленныхъ тяжестью земли, и наконецъ, нѣсколько мѣдныхъ монетъ, сильно покрытыхъ окисью, принадлежавшихъ, судя по типу, къ монетамъ босфорскимъ.

По углубленіи на семь саженей отъ поверхности земли, въ одномъ изъ мѣстъ, гдѣ производились раскопки, наконецъ дошли до материка. Надобно полагать, что въ обрывѣ поверхность матерой земли была неровная. Сверхъ того, въ разныхъ мѣстахъ, она оказалась изрытою продолговатыми углубленіями, въ родѣ канавъ, и круглыми ямами различнаго объема. Вѣроятно эти углубленія были сдѣланы въ древности мѣстными жителями для какихъ-либо домашнихъ потребностей, какъ то: погребовъ, винохранилищъ и т. д. На самомъ материкѣ лежала чистая насыпь, состоявшая изъ слоевъ чернозема, сланца и песку. Выше этаго чистаго слоя, въ древнѣйшей насыпи, и преимущественно въ одной части ея, срытой въ обрывѣ, собрано было значительное количество черепковъ разбитыхъ греческихъ вазъ, превосходной работы, до тѣхъ поръ рѣдко встрѣчавшейся на Тамани. Нѣкоторые фрагменты этихъ сосудовъ были покрыты рисунками; на другихъ замѣтны были, большею частію на днѣ, нарѣзанныя слова и монограммы, на подобіе монограммъ, встрѣчаемыхъ на греческихъ монетахъ. Между фрагментами сосудовъ отыскана была небольшая ваза съ чернымъ рисункомъ по красному полю, изображавшимъ битву съ животными (вѣроятнѣе, охоту). Рисунокъ этой вазочки, по увѣренію рукописнаго журнала раскопокъ, былъ весьма замѣчательнаго характера и относился къ древнѣйшей эпохѣ греческаго искусства. Сверхъ того найденъ былъ фрагментъ верхней части небольшой вазы, покрытой чернымъ лакомъ, на которомъ замѣтны были слова:

MENEΓΘΓMHTEP

Всѣ эти обломки были представлены графу Л. А. Перовскому, лично присутствовавшему при окончательныхъ работахъ въ обрывѣ 13 августа 1852 г. Видя, что материкъ въ обрывѣ не находился на равномъ углубленіи отъ поверхности земли, графъ приказалъ углубиться еще на сажень въ материкъ, который хотя и былъ обнаруженъ тогда

на всемъ простанствѣ срытой площади, на глубинѣ уже $6^1/_2$ саж., но мѣстами скрывался еще подъ наносною землею. Эта окончательная работа продолжалась еще до двухъ недѣль, въ теченіе которыхъ материкъ былъ срытъ болѣе, чѣмъ на полсажени. Но какъ на поверхности материка, такъ и въ самомъ материкѣ не оказалось рѣшительно никакихъ предметовъ древности. Послѣ этого работа въ обрывѣ, составлявшая всего до 925 куб. саж., была прекращена *).

Въ различныхъ мѣстахъ Греціи, и преимущественно на островахъ Архипелага и Средиземнаго моря, гдѣ въ новѣйшее время произведены были археологическія изслѣдованія г. Зальцманомъ, встрѣчаются подобные же примѣры историческаго наслоенія народовъ, обитавшихъ одинъ за другимъ на той же мѣстности. За Византійцами и Римлянами слѣдуютъ, постепенно углубляясь, гробницы Грековъ. На многихъ островахъ Греціи самый нижній слой принадлежитъ даже Финикіянамъ. Подобнаго явленія мы не встрѣчаемъ на мѣстности, находящейся не далеко отъ города Тамани. Нижній слой насыпи въ обрывѣ принадлежитъ Грекамъ: они были первыми поселенцами, жившими на этой мѣстности. Само собою разумѣется, что это замѣчаніе относится именно только къ этой мѣстности, а не ко всему Таманскому полуострову. Будущія изслѣдованія можетъ быть укажутъ, что ниже греческаго слоя, въ другихъ мѣстахъ, лежитъ слой, свидѣтельствующій о древнихъ, болѣе отдаленныхъ по времени народахъ, обитавшихъ на этой почвѣ. Можетъ быть будутъ найдены древности, относящіяся къ первымъ жителямъ Босфора, къ каменному вѣку, котораго существованіе обнаружено и въ самой Греціи. Археологія будетъ говорить языкомъ памятниковъ тамъ, гдѣ молчитъ исторія. Во всякомъ случаѣ, древнѣйшій слой въ обрывѣ, лежащій на материкѣ, есть слой чисто-эллинскій, свидѣтельствующій о значительномъ поселеніи, находившемся на этомъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ въ VI столѣтіи до Р. Х. Значительность его свидѣтельствуется развалинами множества каменныхъ построекъ, и присутствіемъ въ нихъ мрамора и даже мраморныхъ статуэтокъ; древность—архаическимъ, но уже развитымъ стилемъ живописи на вазахъ, тутъ найденныхъ. Остатки народовъ, поселявшихся тутъ, на развалинахъ греческихъ жилищъ, говорятъ сами за себя. Но нельзя не выразить желанія, чтобы вся мѣстность, на которой стояла турецкая крѣпость, и вся окрестность ея, были изслѣдованы точнымъ образомъ. Правда, расходы подобныхъ раскопокъ никогда, по всей вѣро-

*) Дѣло подъ № 111, листъ 59, 62 и 65. Рапорты испр. д. директора Керченскаго музея древностей за №№ 52, 58, 65. Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 15 (214), листъ 44. Рапортъ его же за № 113. Рукописный черновой журналъ К. Р. Бѣгичева, стр. 115—126 и 165 и 166.

ятности, не окупятся цѣнностью находокъ, но открытіемъ надписей, произведеній ваянія и т. д. они прольютъ свѣтъ на исторію народовъ и опредѣлятъ мѣста ихъ жительства точнѣе, чѣмъ догадки, основанныя на шаткомъ толкованіи мѣстъ древнихъ писателей.

3.

Раскопки близь станціи Сѣнной.

Изъ всѣхъ мѣстъ, изслѣдованныхъ въ 1852 году, самыя обширныя раскопки были произведены въ курганахъ близь станціи Сѣнной. Тамъ было разработано 17 кургановъ, изъ коихъ восемь изслѣдованы окончательно. Въ курганахъ этихъ отрыто 35 разнаго рода гробницъ; въ томъ числѣ 23 цѣлыхъ и 12 расхищенныхъ. Изъ числа первыхъ, только въ восьми открыты болѣе или менѣе замѣчательные предметы древности; другія же 15 не заключали въ себѣ ничего, кромѣ истлѣвшихъ костей покойниковъ *). Работы начаты были 29 іюля и окончены въ ноябрѣ, по случаю наступившей ненастной погоды. Изслѣдованные курганы лежали по слѣдующимъ направленіямъ: на возвышенности между Босфорскимъ заливомъ и Ахтанизовскимъ лиманомъ; на вулканической горѣ въ томъ же направленіи; по берегу Босфорскаго залива; возлѣ самаго хутора Семеняки, на низменности, составляющей прибрежье Босфорскаго залива и, наконецъ, на аллеѣ кургановъ, идущей у Ахтанизовскаго лимана. Мы сперва разсмотримъ главныя характеристическія черты внѣшняго вида кургановъ и устройства гробницъ, вытекающія изъ наблюденій, сдѣланныхъ въ этихъ раскопкахъ, и за тѣмъ исчислимъ и опишемъ подробно открытыя древности.

Начнемъ съ внѣшняго вида кургановъ. Извѣстно, что на боковыхъ сторонахъ и на вершинахъ ихъ весьма часто встрѣчаются впадины. Причины появленія этихъ впадинъ до тѣхъ поръ объяснялись обыкновенно тѣмъ, что они образовывались вслѣдствіе расхищенія гробницъ посредствомъ минъ. Впадина на курганѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что находящаяся въ немъ гробница уже пуста: оттого изслѣдователи обыкновенно не приступаютъ къ раскопкѣ подобныхъ кур-

*) Обзоръ археологическихъ розысканій, произведенныхъ въ окрестностяхъ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ съ августа 1852 по настоящее время, и образованіе новаго штата Керченскаго музея. Рукопись изъ собранія Я. М. Лазаревскаго.

гановъ, а ищутъ кургановъ цѣлыхъ, сохранившихъ свой первоначальный видъ и потому обѣщающихъ вознаградить труды изслѣдователя. Открытіе, сдѣланное въ курганѣ съ впадиною, привело къ другому предположенію о происхожденіи впадинъ. Именно, раскопки были начаты съ самаго большаго кургана, лежащаго въ вышеназванномъ первомъ направленіи. Этотъ курганъ, правильной конической формы, имѣвшій въ центрѣ до четырехъ саж. высоты и до 60 въ окрестности у подошвы, имѣлъ большую впадину съ западной стороны, и раскопки были именно начаты съ самой впадины. Какъ значительный объемъ кургана, такъ и сосѣдство съ курганомъ, гдѣ найденъ былъ мраморный саркофагъ, обѣщали открытіе замѣчательныхъ предметовъ древности. Ожиданіе это оправдалось: сперва показался толстый, въ полъ-аршина, слой отесковъ изъ мягкаго керченскаго камня, свидѣтельствовавшій, что въ курганѣ находится каменная постройка. Оставивъ на время разслѣдованіе этого слоя, продолжали раскопку далѣе, и, въ разстояніи $4^1/_2$ саж. отъ подошвы и на глубинѣ 2 саженей отъ поверхности кургана, обнаружена была постройка изъ землянаго кирпича, имѣющая 5 арш. длины, $4^1/_2$ ширины и $2^1/_2$ высоты. Толстые деревянные брусья, перекрывавшіе эти стѣны, составляли крышу этой постройки. Съ теченіемъ времени они сгнили и, отъ давленія насыпи сверху, рушились во-внутрь гробницы. При открытіи, брусья оказались совершенно истлѣвшими. Подъ ними была открыта нетронутая похитителями гробница, съ разными вещами. Отсюда вывели слѣдствіе, что впадины вовсе не суть слѣдствія прежняго разрытія, но происходятъ отъ обрушившейся внутри кургана постройки. Это предположеніе К. Р. Бѣгичевъ передалъ П. В. Беккеру, въ іюлѣ мѣсяцѣ видѣвшему эту раскопку. И онъ раздѣлялъ сангвиническія надежды изслѣдователя. «Можетъ быть, углубленія и на всѣхъ другихъ курганахъ, пишетъ онъ, происходятъ отъ той же причины, и допустивши это, мы можемъ ожидать находокъ» *). Изслѣдователь заключилъ, что сохраненіемъ гробницы, въ которой найдены были прекрасныя золотыя вещи, мы обязаны, конечно, впадинѣ, которая образовалась сама собою отъ провала земли во-внутрь гробницы. Провалъ земли вмѣстѣ съ сгнившею крышею образовалъ на поверхности кургана впадину, принятую всѣми за углубленіе, происшедшее отъ тайной раскопки кургана. Обстоятельство это казалось тѣмъ болѣе важно, что близь станціи Сѣнной находится весьма много большихъ кургановъ съ подобными впадинами. Для бо̀льшаго удостовѣренія въ томъ, что впадины, видимыя на этихъ курганахъ, оди-

*) Пропилеи. Сборникъ, издаваемый П. Леонтьевымъ, т. III, стр. 380.

наковаго образованія, тѣмъ болѣе, что гробницы, устроенныя изъ кирпичныхъ стѣнъ съ деревянною крышкою—одна изъ самыхъ распространеныхъ формъ гробницъ на Таманскомъ островѣ,—приступлено было къ разрытію нѣсколькихъ кургановъ съ впадинами на боковыхъ сторонахъ или на вершинѣ; но предположенія эти во всѣхъ раскопкахъ 1852 года не оправдались: всѣ гробницы оказались расхищенными до основанія, и въ одномъ изъ кургановъ, подъ самой впадиной, не найдено и малѣйшаго признака существованія постройки, такъ что сдѣланное открытіе нетронутой гробницы подъ впадиной оказалось исключеніемъ, а не правиломъ. Это побудило К. Р. Бѣгичева въ письмѣ къ графу Л. А. Перовскому, сказать: «Курганы въ Черноморіи, какъ съ правильною, нетронутою поверхностью, такъ и со впадинами, представляютъ собою загадку, неразрѣшенную до тѣхъ поръ, пока они стоятъ на мѣстѣ». Вѣроятно, эта загадка разрѣшится не скоро, потому что эти насыпи—безъ числа: каждый шагъ земли—могила *).

Для познанія метода насыпанія кургановъ, бывшаго въ употребленіе у древнихъ, весьма поучительно было изслѣдованіе одного кургана на берегу Босфорскаго залива, лежащаго нѣсколько ближе къ станціи и обозначеннаго въ журналѣ раскопокъ подъ № 10. Курганъ этотъ, имѣвшій въ центрѣ до 4 саж. высоты и до 70 въ окружности, былъ прорѣзанъ на-крестъ, при чемъ въ центрѣ его, на половинѣ высоты отъ поверхности кургана, найдена была вѣха, стоящая вертикально. Одинъ разрѣзъ шелъ отъ сѣвера къ югу, другой отъ востока къ западу. Въ сѣверномъ и южномъ концахъ этого кургана открыты были двѣ гробницы, устроенныя изъ нежженаго кирпича и оказавшіяся нерасхищенными. Въ срединѣ же кургана, не смотря на бывшую тамъ деревянную вѣху, показывавшую, по предположенію изслѣдователя и надсмотрщиковъ надъ работами, центръ кургана, гдѣ должна находиться главная гробница, по углубленіи до материка,—ничего не открыто. Вслѣдствіе этого должно сдѣлать предположеніе, что первоначально здѣсь было два кургана, принадлежавшіе, быть можетъ, одному семейству, и заключавшіе въ центрѣ своемъ каждый упомянутыя выше двѣ гробницы. Въ послѣдствіи оба кургана были соединены въ одинъ, при чемъ вѣха, открытая при раскопкѣ, вѣроятно поставлена рабочими, при слитіи двухъ кургановъ въ одинъ, чтобы показать центръ ихъ соединенія. Замѣчательно, что курганъ этотъ имѣлъ присыпь, идущую на значительное протяженіе, въ которой тоже найдено нѣсколько гробницъ, что еще болѣе подтверждаетъ

*) Дѣло за № 111, листъ 69.

догадку, что онъ служилъ кладбищемъ одному семейству въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній *).

Особое явленіе представляла поверхность материка въ другомъ курганѣ, находившемся въ недальнемъ разстояніи отъ сейчасъ описаннаго. Въ этомъ курганѣ, разрытомъ совершенно до основанія, и гдѣ нашлась только одна незначительная гробница, отрыли нѣсколько круглыхъ ямъ отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ арш. въ діаметрѣ и почти такой же глубины. Эти ямы были всѣ наполнены золою, но безъ всякаго признака погребенія въ нихъ человѣка. Такихъ ямъ открыто было въ этомъ курганѣ семь; изъ нихъ только двѣ наполнены были золою, перемѣшанною съ мелкими раковинами; остальныя пять заключали чистую золу. Гробница же, находившаяся въ этомъ курганѣ, устроена была на насыпи, которою были прикрыты всѣ эти ямы. Случайное ли они явленіе, или въ нихъ сложена была, какъ нѣчто священное, зола отъ другихъ костровъ, такъ какъ въ нежженыхъ гробницахъ сохраняется большею частію только небольшое количество золы, и именно съ того мѣста, гдѣ лежалъ сожженный покойникъ?

Другое явленіе, которое археологи не въ состояніи объяснить, есть крѣпость земли, которую иные курганы получаютъ вѣроятно вслѣдствіе времени и свойства земли, служившей для насыпки такихъ кургановъ. Земля дѣлается столь тверда, что рабочіе не только не въ состояніи дѣлать разрѣзъ желѣзными заступами, но принуждены колоть землю желѣзными кирками и ломами. Таково было разслѣдованіе насыпи, видимой на вершинѣ волканической горы, лежащей по направленію между Босфорскимъ заливомъ и Ахтанизовскимъ лиманомъ., и кургана, лежащаго близь этой же горы. Земля въ обоихъ случаяхъ была солонцеватая, но была ли она взята съ окружности кургановъ, или привезена изъ дали? Для насыпанія компактнаго кургана, даже небольшихъ размѣровъ, нужно огромное количество ея. Откуда брали эту землю? Безъ сомнѣнія, ее привозили съ разныхъ мѣстъ, иначе нельзя себѣ представить построеніе такого огромнаго кладбища, каково то, которое окружаетъ Сѣнную станцію. Здѣсь около 300 кургановъ, тѣсно стоящихъ другъ возлѣ друга, изъ которыхъ множество—цѣлыя горы. Изслѣдованіе этого археологическаго вопроса естествоиспытателемъ было весьма интересно для науки, иначе нельзя объяснить себѣ, почему на одной и той же мѣстности стоятъ

*) Совершенно характеръ фамильной гробницы носитъ на себѣ одна земляная гробница, найденная въ присыпѣ этого кургана (№ 10). Въ этой гробницѣ находилось шесть скелетовъ, различнаго пола и возраста. Одинъ, женскій, лежалъ въ деревянномъ гробѣ; два дѣтскіе находились у ногъ его, поперегъ гробницы; третій дѣтскій лежалъ въ изголовьѣ и два остальные скелета лежали съ боку гроба.

иногда рядомъ, курганы изъ рыхлой и изъ твердой земли. Рабочіе неохотно приступаютъ къ изслѣдованію такихъ кургановъ, и сланецъ вышеупомянутаго втораго кургана былъ столь крѣпокъ, что рабочіе отказались отъ раскопки этого кургана до наступленія осени, полагая, что земля въ это время отсырѣетъ и сдѣлается болѣе мягкою.

Наконецъ, говоря объ устройствѣ кургановъ, слѣдуетъ сказать о многочисленныхъ минахъ, открытыхъ въ раскопкахъ 1852 года. Всѣ мины вели прямо къ цѣли, т. е. къ какой-либо гробницѣ, найденной и расхищенной, и въ одномъ курганѣ (№ 11) ихъ было даже три. Опытъ научилъ изслѣдователей покидать разработку кургана при открытіи минъ. Что они проведены были людьми, знавшими положительно, гдѣ съ покойникомъ схоронено много золота, было ясно. Мины были найдены проведенными не только къ гробницамъ, сложеннымъ изъ кирпича или камня, но даже къ простымъ землянымъ гробницамъ. Такъ въ одномъ курганѣ, обозначенномъ № 13, найдена была значительная мина, ведущая прямо къ гробницѣ, вырытой просто въ материкѣ и покрытой нѣсколькими слоями камки. Очевидно, что на существованіе ея не могли указать ни отески, ни какіе либо другіе признаки.

Что касается до гробницъ, открытыхъ въ этихъ раскопкахъ, то, по устройству, они принадлежали къизвѣстнымъ видамъ. Особенно часты были находки земляныхъ гробницъ, которыхъ стѣны были сложены изъ нежженаго кирпича, а крыша состояла изъ толстыхъ деревянныхъ брусьевъ. Послѣдній родъ особенно часто встрѣчается на Таманскомъ полуостровѣ и составляетъ здѣсь признакъ богатаго класса умершихъ, точно такъ, какъ въ Керчи гробницы, сложенныя изъ штукъ мягкаго раковистаго керченскаго камня. При отсутствіи на Таманскомъ полуостровѣ подобнаго рода дешеваго и въ изобиліи находящагося въ Керчи матеріала, мѣсные жители употребляли для гробницъ (и, вѣроятно, и для жилищъ) кирпичь, высушенный на солнцѣ. Только одна подобная гробница въ курганѣ на берегу Босфорскаго залива, обозначенномъ № 11, имѣла также и круглый кирпичный сводъ, впрочемъ найденный уже обрушившимся, вѣроятно вслѣдствіе давленія на него насыпи.— Каменная гробница была открыта только одна, на южной сторонѣ кургана, лежащаго на берегу Босфорскаго залива, нѣсколько ближе къ станціи, и обозначеннаго № 10, необыкновенно замѣчательная по конструкціи. Она была устроена изъ небольшихъ (привозныхъ) штукъ мягкаго керченскаго камня и была длиною 2 арш. и 14 верш., шириною 1 арш. 5 верш. и вышиною 2 арш. и $2^1/_2$ верш., съ крышею подъ прямымъ угломъ, вершина коего сведена надъ центромъ гробницы и основанія на ея продольныхъ стѣнкахъ. Этотъ родъ постройки,

крытой на подобіе остроконечной кровли дома, былъ первымъ примѣромъ, какъ на европейскомъ, такъ на азіатскомъ берегахъ Босфора. Стѣнки гробницы, устроенныя параллельно въ основаніи, нѣсколько съуживаются къ верху, такъ что въ основаніи имѣли между собою разстоянія 1 арш. 5 верш., а вверху только $15^1/_2$ вершковъ. Плиты крыши, длиною 10 вершковъ, сходились съ своими вершинами подъ прямымъ угломъ надъ центромъ гробницы, образуя высоту гробницы въ 2 арш. и $2^1/_2$ верш., тогда какъ боковыя стѣнки ея имѣли 1 арш. и 12 верш.—Входъ въ эту гробницу былъ устроенъ въ одной изъ поперечныхъ стѣнокъ гробницы съ западной ея стороны, и лежалъ на второмъ ряду камня снизу, имѣя въ ширину 12 верш. внизу и 9 верш. вверху, и 1 арш. 6 верш. высоты, представляя собою срѣзанный конусъ. Входъ этотъ, заложенный небольшими штуками камня, проходилъ не по срединѣ гробницы, а прилегалъ къ одной изъ боковыхъ стѣнокъ гробницы, къ южной сторонѣ, приходясь вверху, съ другой своей стороны, противъ вершины крыши. Гробница эта лежала на материкѣ (на четыре арш. ниже поверхности кургана), имѣя отъ своей вершины до поверхности кургана около полутора арш. Къ сожалѣнію, гробница эта, сосѣдняя съ той, въ которой открыты были вазы въ видѣ статуй,—о которыхъ мы будемъ сейчасъ говорить,—оказалась уже расхищенною. Двѣ плиты ея крыши были сняты и все, что въ ней могло быть драгоцѣннаго, унесено похитителями, оставившими въ ней только нѣсколько остріевъ мѣдныхъ стрѣлъ, одну маленькую мѣдную монету типа Пантикапеи и нѣсколько черепковъ сосудовъ простой греческой работы.

Изъ погребальныхъ обычаевъ мѣстныхъ жителей, свѣдѣнія о которыхъ можно извлечь изъ этихъ раскопокъ, нѣкоторые, безъ сомнѣнія, указываютъ на обычаи скиѳскіе, варварскіе. Такъ въ курганѣ № 1, на ряду съ гробницами воиновъ, одѣтыхъ въ полномъ воинскомъ костюмѣ того времени, открыта была, устроенная также изъ нежженаго кирпича, гробница, занимавшая болѣе 3 квадр. саж. плоскости, гдѣ найдено четыре скелета лошадей, лежавшихъ головами въ одну сторону—на юго-востокъ. Возлѣ гробницы другихъ двухъ воиновъ, лежавшихъ въ панцыряхъ, въ курганѣ № 2, открыто было пять скелетовъ лошадей съ уздами. Скелеты эти лежали не въ одну сторону, въ какъ предыдущей гробницѣ, но были расположены слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: одна лошадь лежала головою къ хвосту другой, другая хвостомъ къ головѣ третьей и т. д. Съ другой стороны гробницы двухъ воиновъ найдено было еще отдѣленіе, въ которомъ открыты были также шесть скелетовъ лошадей, лежавшихъ попарно, одна къ другой хребтами и головами вмѣстѣ. На головахъ ихъ также находились мѣд-

ныя узды. Вся постройка съ двумя отдѣленіями для лошадей занимала до 12 квадр. саженей. Такое положеніе ясно указываетъ, что лошади положены были сюда не вслѣдствіе ихъ естественой смерти, но убиты, по обычаю Скиѳовъ, о которомъ упоминаетъ Геродотъ, при погребеніи ихъ властелина. Вотъ почему кони, товарищи походовъ, лежатъ возлѣ могилы самого воина. Подобное же предположеніе о перенесеніи чисто-скиѳскихъ обычаевъ на почву, гдѣ жило смѣшанное населеніе, мы позволяемъ себѣ вывести изъ другаго факта. Передъ входомъ въ гробницу въ курганѣ № 7, открытъ былъ человѣческій скелетъ, лежавшій бокомъ просто на землѣ, безъ всякихъ вещей. Ясно, что это былъ рабъ, умерщвленный, по обычаю Скиѳовъ, при похоронахъ господина. Къ числу странныхъ явленій должно отнести, что въ одномъ курганѣ найдена была, къ центру кургана, съ южной его стороны, земляная гробница, занимавшая не болѣе квадратнаго аршина. Въ ней прахъ покойника, совершено истлѣвшій, находился въ скорченномъ положеніи. Возлѣ костей ничего не найдено.

Переходя къ описанію предметовъ древности, открытыхъ въ раскопкахъ 1862 года, мы должны сперва устранить нѣсколько турецкихъ гробницъ, которыя открыты были въ курганѣ, лежащемъ возлѣ хутора Семеняки, на низменности, составляющей прибрежье Босфорскаго залива, и имѣющемъ въ центрѣ болѣе 8 саж. высоты. По углубленіи на $1^1/_2$ саж., встрѣченъ былъ материкъ, состоящій изъ чистаго бѣлаго песка, перемѣшаннаго съ слоями мелкаго морскаго камня. Въ насыпи же открыта, на глубинѣ одной сажени, гробница, устроенная изъ небольшихъ штукъ мягкаго камня, въ коей находилось два покойника, между костями коихъ, весьма хорошо сохранившимися, никакихъ вещей не найдено. Въ другомъ мѣстѣ этого кургана оказались, на незначительной глубинѣ насыпи, такія же гробницы. Почему изслѣдователь назвалъ ихъ турецкими, трудно рѣшить; можно предположить, что вслѣдствіе устройства ихъ на незначительной глубинѣ въ насыпи. По всему видно, что, по нахожденіи этихъ гробницъ, работы въ этомъ курганѣ были прекращены, потому что курганъ въ центрѣ имѣлъ 5 саж. высоты. Вѣроятно рабочіе, дошедъ до слоя песка, не пожелали продолжать работы: античныя гробницы, вѣроятно, лежали ниже этаго слоя (подобный курганъ былъ раскопанъ и въ 1859 году). Единственными предметами древности, открытыми въ насыпи этаго кургана, были, двѣ мѣдныя монеты, изъ коихъ одна принадлежала городу Амизосу, а другая Синопу. Нахожденіе этихъ античныхъ монетъ въ насыпи свидѣтельствуетъ, что, по происхожденію своему, она принадлежитъ не новѣйшей эпохѣ, напр. турецкаго владычества, но насыпана во времена существованія Босфорскаго царства. Четыре мѣдныя небольшія

монеты типа Пантикапеи были открыты также въ насыпи, видимой на вершинѣ вулканической и не разрытой окончательно вслѣдствіе крѣпости грунта, о чемъ сказано выше.

Самыя интересныя и замѣчательныя находки предметовъ древности были сдѣланы въ двухъ курганахъ: №№ 1 и 10. Разсмотримъ сперва находки, сдѣланныя въ курганѣ № 1, лежавшемъ на возвышенности между Босфорскимъ заливомъ и Ахтанизовскимъ лиманомъ. Подъ впадиною, находившейся на этомъ курганѣ, открыта была описанная выше постройка или склепъ изъ нежженаго кирпича, который имѣлъ крышу изъ деревянныхъ брусьевъ. Въ правомъ углу этой постройки отрыты были въ землѣ два глиняные сосуда, въ видѣ амфоръ, съ двумя ручками, уже раздавленные землею. Внутри каждаго изъ нихъ найдено по одной золотой подвѣскѣ, сдѣланныхъ въ видѣ продолговатыхъ, остроконечныхъ шариковъ, съ вытиснутыми на нихъ украшеніями, изображавшими: подвѣску, звѣздочку, змѣйку и большую муху. По очисткѣ земли, сосуды распались на части. Возлѣ сосудовъ собрано было нѣсколько мѣдныхъ остріевъ стрѣлъ, сильно окисшихъ и большею частію поломанныхъ, и, наконецъ, желѣзное копье, тоже окисшее и поломанное.

На днѣ постройки открыты были два совершенно истлѣвшіе скелета, обращенные головою на востокъ, оба въ деревянныхъ гробахъ, стоявшихъ одинъ возлѣ другаго. Доски гробовъ такъ сгнили, что нельзя было судить ни объ величинѣ его, ни о наружномъ видѣ. Первый скелетъ былъ мужской. Желѣзный панцырь съ мѣдными связями, въ видѣ листковъ, покрывалъ верхнюю часть корпуса. Множество стрѣлъ, мѣдныхъ, болѣе ста, и желѣзныхъ до сорока, обломки меча и копье были найдены возлѣ лѣваго бока покойника, но все до такой степени покрыто ржавчиною и поломано, что едва можно было составить себѣ понятіе о прежнемъ видѣ этихъ предметовъ. Гробъ мужчины былъ украшенъ мѣдными скобами и стоялъ на мѣдныхъ ножкахъ, изящно отдѣланныхъ.

Другой гробъ заключалъ прахъ женщины, можетъ быть, жены воина, погребеннаго съ нею рядомъ. Кромѣ хрупкой бѣлой массы, въ гробѣ женщины ничего не сохранилось изъ костей. На прахѣ ея были найдены слѣдующіе предметы:

1. Нѣсколько золотыхъ бляшекъ, съ выпуклыми изображеніями, служившихъ, вѣроятно, украшеніемъ, которое нашито было, по обычаю босфорскихъ грековъ, на верхнюю одежду покойницы. Подобныя легкія, но съ большимъ вкусомъ сдѣланныя, украшенія, часто встрѣчаются въ пантикапейскихъ гробницахъ и недавно найдены также въ значительномъ количествѣ въ прекрасной гробницѣ въ Таманскомъ

курганѣ «Близнецы». Вытиснутые на этихъ золотыхъ листочкахъ предметы изображали; двѣ—звѣздочки, двѣ—птичекъ, три мухъ (по Беккеру—жуковъ) и три—оленей (по Беккеру, лежащихъ козъ).

2. Пара (золотыхъ) подвѣсокъ, въ видѣ змѣекъ, съ пирамидальными оконечностями.

3. Нѣсколько (по Беккеру, 8) продолговатыхъ, въ видѣ подвѣсокъ, золотыхъ шариковъ, съ ушками. Эти два номера принадлежали или составляли часть ожерелья.

4. Пара серегъ массивнаго золота, сдѣланныхъ въ видѣ змѣекъ, съ пирамидальными оконечностями, совершенно схожая съ тѣми, которыя были найдены весною 1852 года въ Керчи, при розысканіяхъ, произведенныхъ К. Р. Бѣгичевымъ въ курганахъ возлѣ татарской слободки.

У входа въ гробницу лежали, одинъ возлѣ другаго, два большіе остроконечные глиняные сосуда, въ родѣ амфоръ, уже раздавленные землею, въ которыхъ найдено по одной подвѣскѣ, въ родѣ вышеупомянутыхъ. Третій сосудъ, малаго размѣра, находился нѣсколько далѣе отъ входа, и тоже былъ раздавленъ землею.

Послѣ этого открытія, раскопки перенесены были на южную сторону того же кургана. Здѣсь, по углубленіи не болѣе одного аршина къ внутренней сторонѣ кургана, слѣдовательно въ насыпи, были отысканы слѣдующіе сосуды, раздавленные тяжестью земли: простая глиняная чашечка; чашечка съ двумя горизонтальными ручками, покрытая чернымъ лакомъ, и маленькій сосудъ, покрытый чернымъ лакомъ, особаго устройства и формы, съ пыпкомъ съ боку и съ ручкою черезъ верхъ. Подобные сосуды часто находятъ въ насыпи, гдѣ ихъ часто разбивали при поминкахъ, во время насыпанія кургана.

Наконецъ въ разрѣзѣ, взятомъ съ сѣверной стороны кургана, отъ самой его подошвы къ центру, открыта была устроенная въ насыпи, на глубинѣ 2 арш. отъ поверхности кургана и почти столько же отъ материка, гробница, боковыя стѣнки которой, сложенныя изъ нежженаго кирпича, возвышались не болѣе полуаршина. Мужской скелетъ, лежавшій въ этой гробницѣ, головою обращенъ былъ на востокъ. Съ правой стороны его лежалъ проржавленный и поломанный мечь, безъ всякихъ украшеній. Подлѣ меча найдена серебряная чашечка съ нарѣзанными на ней украшеніями, отъ времени почти совершенно истлѣвшая. Возлѣ лѣваго плеча находилась простая глиняная чашечка и другая, покрытая чернымъ лакомъ, съ двумя ручками; возлѣ лѣвой руки—бронзовый сосудъ, въ видѣ ложки, съ длинною вертикальною ручкою. Нѣсколько мѣдныхъ стрѣлъ были разбросаны по гробницѣ.

Въ насыпи на восточной сторонѣ былъ найденъ глиняный кувшинчикъ.

Въ курганѣ № 2, лежащемъ по близости перваго, въ гробницѣ, сложенной изъ нежженаго кирпича и покрытой брусьями, найденъ былъ почти изчезнувшій скелетъ человѣка, возлѣ лѣвой стороны котораго находился пукъ мѣдныхъ острій стрѣлъ, числомъ болѣе 160, сильно окисшихъ и большею частію слипшихся вмѣстѣ. Немного далѣе найдена была золотая круглая бляшка, съ вытиснутымъ на ней изображеніемъ звѣздочки. Лѣвѣе перваго скелета лежалъ другой, тоже совершенно истлѣвшій, возлѣ котораго находилась другая связка такихъ же стрѣлъ, еще въ большемъ противу перваго количествѣ. Оба скелета были облечены въ стальные (?) панцыри чешуйчатообразнаго устройства. Возлѣ стрѣлъ оказались еще двѣ золотыя бляшки, представляющія: одна—изображеніе мухи, другая—мужскую комическую маску. Подлѣ панцыря, съ боку перваго покойника, найдены были обломки желѣзныхъ копій, обыкновеннаго устройства и величины, и обломки меча, совершенно перержавленные и подавленные землею, также какъ и самый панцырь, котораго уцѣлѣли только весьма незначительныя частицы. На нѣкоторомъ разстояніи влѣво, открытъ былъ третій скелетъ, облеченный въ такой же панцырь, но безъ всякаго оружія. У ногъ его найдена была небольшая чашка, простой работы, и маленькая чашечка, покрытая чернымъ лакомъ, съ ручками, обѣ раздавленныя. Другая гробница въ этомъ курганѣ, отрытая съ западной его стороны, ближе къ подошвѣ кургана, была каменная, но совершенно расхищенная и разломанная до основанія. Должно предполагать, что эта гробница, по величинѣ своей, тоже вмѣщавшая нѣкогда нѣсколько скелетовъ, была женская: она-то привлекла своими богатствами грабителей, которые оставили въ покоѣ мужскія, зная, что въ нихъ однѣ мѣдныя вещи, на отысканіе которыхъ нестоитъ тратить труда, какъ-то: панцыри, мечи, копья, стрѣлы и т. д.

Въ небольшомъ курганѣ № 4, лежащемъ на возвышенности, по берегу Босфорскаго залива, по близости почтовой станціи, найдена была земляная гробница, въ которой, возлѣ истлѣвшаго скелета, найдены были: одинъ простой глины кувшинчикъ, такой же маленькій сосудецъ и глиняная лампочка, черной глины, простой работы; на головѣ покойника собрано нѣсколько золотыхъ листочковъ отъ погребальнаго вѣнца.

Въ курганѣ № 5, лежащемъ тоже на берегу Босфорскаго залива, при самомъ материкѣ, открыто было нѣсколько большихъ глиняныхъ амфоръ, лежавшихъ одна на другой, совершенно подавленныхъ землею, въ которыхъ ничего не было.

Въ курганѣ № 8, лежащемъ по аллеѣ, идущей отъ Ахтанизовскаго лимана, въ центрѣ, на материкѣ, отрыта была земляная гробница, наполненная золою и углемъ, между которыми отысканы были коекакія мелочи, нѣсколько обломковъ сосудовъ, одна каменная съ рѣзьбою мониста, серебряное колечко,—все сильно поврежденное огнемъ, при сожженіи покойника. Ясно, что въ вырытую земляную гробницу сложено было все содержаніе погорѣвшаго съ покойникомъ костра. Эта гробница была открыта Н. И. Надеждинымъ, по порученію Л. А. Перовскаго, въ бытность графа 13-го августа 1852 года.

Переходимъ къ описанію одной изъ самыхъ замѣчательныхъ находокъ, сдѣланныхъ на Таманскомъ полуостровѣ. Въ курганѣ № 10, лежащемъ на берегу Босфорскаго залива, нѣсколько ближе къ станціи, имѣвшемъ въ центрѣ до 4 саж. высоты и до 70 въ окружности, съ сѣверной стороны, на глубинѣ 4 арш. отъ поверхности кургана, въ насыпи, а не на материкѣ, открыта была гробница, устроенная изъ нежженаго кирпича и перекрытая брусьями, внутреннія стѣны которой были обшиты сосновыми досками. На днѣ ея, наполненномъ землею, отрыты были два скелета, лежавшіе въ одномъ деревянномъ гробѣ, головою на востокъ, рядомъ одинъ возлѣ другаго. Возлѣ головы одного изъ нихъ найдены обломки маленькой вазочки, украшенной пальметкой и простая глиняная чашечка. На пальцѣ лѣвой руки скелета было небольшое золотое колечко, безъ камней, простой работы, а возлѣ ногъ разбитая алебастрида. Возлѣ костей другаго скелета ничего не найдено. Бѣдное содержаніе гробницы тѣсно связано съ ея положеніемъ въ насыпи. Гробницы, вырытыя на материкѣ, болѣе богаты по содержанію.

Съ южной стороны того же кургана открыта была на материкѣ, 14 августа 1852 года, въ присутствіи графа Л. А. Перовскаго, гробница, которой разслѣдованіе поручено было имъ князю А. Сибирскому. По словамъ рукописнаго черноваго журнала К. Р. Бѣгичева, писаннаго карандашемъ и котораго, слѣдовательно, нельзя заподозрить въ лести, «князь А. Сибирскій исполнилъ это дѣло съ удивительнымъ искусствомъ». Этому же ученому нумизмату и археологу мы обязаны описаніемъ этой раскопки, которое передаемъ здѣсь во всей полнотѣ.

Гробница находилась на материкѣ, на глубинѣ 8 арш. и 8 вершковъ отъ поверхности кургана. По сдѣланному измѣренію, длина ея оказалась 3 арш. и $^1/_2$ вершка, ширина 1 арш. $1^1/_2$ вершка, глубина же полтора аршина и полтора вершка. Она была, по показанію К. Р. Бѣгичева, сложена изъ нежженаго кирпича и выложена внутри обшивкой изъ досокъ. Внутренность гробницы была совершенно плотно наполнена землею, насыпавшеюся сюда послѣ разрушенія истлѣвшей

деревянной покрышки гробницы. Обстоятельство это мало подавало надежды на сохраненіе всѣхъ не металлическихъ вещей, которыя могли находиться въ гробницѣ; однакоже, при осторожномъ разрытіи земли, въ ней найдены прекрасно сохранившіеся глиняные сосуды, въ видѣ статуэтокъ. Землею раздавлены были только два арибалла, находившіеся по обоимъ сторонамъ изголовья и одинъ изъ двухъ алабастроновъ (ἀλαβάστρον), лежавшихъ у правой и лѣвой руки.

Въ этой гробницѣ, на днѣ, открытъ былъ скелетъ женщины, лежавшей въ деревянномъ гробѣ, головою на востокъ. На черепѣ умершей найдены: 1) два золотые змѣевидные согнутые спирально украшенія, съ пирамидальными оконечностями, въ видѣ фибулъ, аграфъ, или пряжекъ; 2) 43 кружка изъ тонкаго листа золота, одни съ оттискомъ Медузиной маски впрямь (en face), въ четырехъ варіантахъ, другіе—съ профильнымъ женскимъ изображеніемъ. Головной уборъ этой женской профили, согласно съ мѣстомъ, гдѣ найдены упомянутыя золотыя украшенія, можетъ послужить къ объясненію того, какъ распредѣлены были найденныя вещи на головѣ покойницы. На этомъ изображеніи видна повязка съ украшеніями, расположенными или нашитыми на ткани звѣздообразно; повязка эта шире сзади, спереди же она съужена и стянута на челѣ двухконечнымъ аграфомъ, который кажется совершенно схожимъ съ фигурою найденныхъ золотыхъ фибулъ. На изображеніи другое, совершенно подобное украшеніе, продѣтое въ волосахъ, на вершинѣ головы: вотъ, повидимому, объясненіе назначенія спиральныхъ украшеній, совершенно подобные которымъ найдены, такъ же парно, въ двухъ женскихъ гробницахъ, одной—въ Керчи, другой—у Сѣнной станціи.

Еще одинъ кружокъ самаго тонкаго листоваго золота найденъ въ черепѣ; судя по встрѣчавшимся примѣрамъ, онъ находился, вѣроятно, во рту. Листокъ этотъ представляетъ женскую же профиль, прекрасной отдѣлки, но самаго древняго характера, какъ свидѣтельствуетъ особенно очертаніе глаза. Мечъ, представленный позади этого изображенія, совершенно сходный съ обыкновеннымъ представленіемъ Персеева меча (арпа), какъ то видно, между прочимъ, на такъ называемыхъ Евмеловыхъ монетахъ,—даетъ поводъ думать, что это есть профильное изображеніе той же Медузы.

У шеи и у груди найдено: 18 золотыхъ бусинокъ овальной формы, львиная головка, съ ушкомъ для привѣски и круглая золотая пуговка. Всѣ эти вещи составляли, очевидно, шейное ожерелье. Серебряная пряжка на поясѣ, серебряные же браслеты въ видѣ согнутаго обода, съ львиными головками по концамъ, и колечко изъ тонкой золотой проволоки, дополняли убранство умершей.

У ногъ, съ правой стороны, найденъ желѣзный (бронзовый?) стригиль, крючекъ желѣзный и три глиняныя чашечки, въ видѣ патеръ или блюдцевъ. Съ лѣвой стороны: кусокъ деревяннаго гребня, нѣсколько мѣдныхъ булавокъ, мѣдное (?) круглое зеркало съ деревянной ручкой, глиняная чашечка, въ видѣ стакана, расписанная вокругъ вѣнкомъ изъ листьевъ и четыре глиняныя раскрашенныя статуэтки.

Послѣдніе четыре предмета, и изъ нихъ въ особенности два, составляютъ лучшую находку гробницы. Всѣ четыре статуэтки превосходно сохранились, но двѣ изъ нихъ замѣчательны еще своимъ превосходнымъ сочиненіемъ, тщательной отдѣлкой и разрисовкою, что̀ все прямо относитъ ихъ къ самой цвѣтущей эпохѣ керамическаго искусства. На геніѣ даже сохранились слѣды позолоты. Первая изъ этихъ статуэтокъ, образующая сосудъ съ тонкимъ горлышкомъ, представляетъ крылатаго генія. Голова его увѣнчана вѣнкомъ изъ виноградныхъ листьевъ; горло сосуда образуетъ родъ модіуса на головѣ генія. Въ рукахъ его два одинаковые предмета, въ родѣ песочныхъ часовъ или клепсидровъ. Съ правой стороны—алтарь. Геній кажется только слетѣвшимъ къ алтарю; крылья его еще широко распущены и не потеряли еще своего напряженія отъ полета. Нижняя часть его женскаго дорическаго хитона отлетѣла влѣво и составляетъ складки, еще волнующіяся отъ вѣтра. Это изображеніе представляетъ, повидимому, генія жизни или смерти, если оно не есть только особое представленіе Гермеса Психопомпоса, т. е. Меркурія, путеводителя душъ и воскресителя мертвыхъ.

Другая статуэтка представляетъ мужчину съ волосами, убранными по женски, и украшенными вѣнкомъ виноградныхъ листьевъ, съ сосудомъ (οἰνοχοή) въ правой рукѣ и барсовой или львиной шкурой въ лѣвой. Эта статуэтка въ высшей степени изящнаго созданія, по всѣмъ признакамъ, есть изображеніе соннаго Вакха, или, еще вѣроятнѣе, его виночерпія—Ампелоса *). Внутренняя пустота, широкое отверстіе, сверху образующее пространное горло, и ручка позади, составляютъ изъ этой статуэтки кружку, подходящую къ разряду ритоновъ (ῥυτὸν), сосудовъ для питія.—То же значеніе кружекъ или сосудовъ

*) Ампелосъ, хотя изъ числа сатировъ, представляется всегда въ видѣ юноши благородныхъ и прекрасныхъ формъ тѣла; иногда только остроконечныя уши указываютъ на его происхожденіе. Образецъ подобнаго происхожденія находится въ прекрасной статуѣ Дрезденскаго музея. Изящной работы изваяніе въ собраніи лорда Эгремонта представляетъ ту же позу οἰνοχόος'а, съ прибавкою хвоста и надписью: Απολλωνος ἐποιει. Здѣсь также можетъ быть упомянутъ подходящій къ тому же разряду Коссутіевъ сатиръ Британскаго музея. Ampelos intonsus, Ovid. F. III, 49.

имѣютъ и двѣ остальныя, меньшія статуэтки, представляющія пляшущихъ Вакханокъ.

Вмѣстѣ съ этими четырьмя статуэтками найдена пара глиняныхъ крыльевъ, окрашенныхъ голубою краскою и нарочно разломанныхъ на четыре части. Крылья эти не представляютъ никакихъ слѣдовъ излома на тѣхъ своихъ оконечностяхъ, которыми они могли бы быть прикрѣплены къ статуэткамъ или какимъ-либо другимъ предметамъ. Ихъ отдѣльное положеніе, вмѣстѣ съ нарочнымъ симметрическимъ изломомъ каждаго на двѣ части, ясно указываютъ на ихъ аллегорическое значеніе въ погребальномъ обрядѣ. Значеніе это вѣроятно имѣетъ связь съ орфической идеей о превращеніяхъ души, давшей начало миѳу о Психеѣ, означеніемъ которой служила часто бабочка или крылья оной *).

Мѣдная, покрытая окисью монета, двѣ монисты (одна въ головахъ, другая у ногъ), орѣхи, въ головахъ и ногахъ, составляли остальныя принадлежности этой замѣчательной гробницы, которая должна быть отнесена къ глубокой древности и къ лучшимъ временамъ искусства, судя по красотѣ статуэтокъ и по работѣ золотыхъ вещей. Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ, т. е. золотые круглые оттиски съ изображеніемъ ужасающаго идеала Горгонеона или Медузиной маски, и, особенно, самый тонкій листокъ съ профильнымъ изображеніемъ и арпою, при всей тщательности отдѣлки, носятъ несомнѣнные признаки той эпохи, когда искусство, достигнувъ совершенства въ формахъ, не всегда еще было свободно отъ воспоминанія прежнихъ гіератическихъ условій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, полное изящество въ созданіи статуэтокъ, указываетъ на то время, когда были современны и живы въ памяти лучшіе образцы греческаго ваянія, когда подобныя статуэтки создавались художнически, а не ремесленно такъ сказать, не грубо и иногда совершенно варварски, какъ то видно во множествѣ статуэтокъ позднѣйшаго времени Босфорскаго царства, найденныхъ въ Керчи.

По отъѣздѣ гр. Л. А. Перовскаго, земля, находившаяся въ гробницѣ, была еще разъ изслѣдована (просѣяніемъ), и въ ней найдена одна золотая буса и двѣ круглыя, золотыя бляшки, съ вытиснутыми на нихъ изображеніями масокъ. Свѣдѣніе это сообщаетъ рапортъ К. Р. Бѣгичева подъ № 89 **).

---

*) По орфическимъ идеямъ, тѣло есть темница души. Душа проводитъ жизнь свою на землѣ въ воспоминаніи своего полнаго блаженства первобытнаго соединенія съ Эротомъ. Но, отвергнутая имъ, она горитъ напрасной къ нему страстью, пока смерть не соединитъ ее снова съ богомъ любви.

**) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ подъ № 15 (214), листъ 2.

Наконецъ въ этомъ курганѣ были найдены еще слѣдующія древности: въ расхищенной гробницѣ, устроенной въ материкѣ, отыскано было нѣсколько рельефныхъ глиняныхъ украшеній отъ деревяннаго гроба, большею частію раздавленныхъ землею, представляющихъ раскрашенныя изображенія головы Медузы. Подобные орнаменты часто встрѣчались въ керченскихъ гробницахъ. Въ земляной гробницѣ, находившейся въ присыпи этого кургана, идущей на значительное протяженіе къ западу, найдено было пять скелетовъ различнаго пола и возраста, описанныхъ выше. Въ гробѣ, возлѣ костей покойницы, найдены двѣ сережки; изъ нихъ одна простая, сдѣланная изъ золотой проволоки, другая—изъ крученой золотой проволоки, съ подвѣскою, въ видѣ вазочки, и съ филигранными украшеніями, вазочка же убрана голубыми и зелеными камешками; наконецъ, одно золотое колечко съ двумя такими камешками. Возлѣ костей другихъ скелетовъ отысканы еще четыре простенькія колечка съ простыми камешками и глиняная лампочка *).

4.

Раскопки кургана въ селеніи «Фонтанъ».

Раскопки огромнаго кургана, лежащаго въ селеніи «Фонтанъ», начаты были 27 іюня и окончены 7-го августа 1852 года. К. Р. Бѣгичевъ имѣлъ въ виду окончательно изслѣдовать курганъ, но онъ не успѣлъ исполнить своего намѣренія: огромный и сильно раскопанный курганъ остается не вполнѣ изслѣдованнымъ и до настоящаго времени, не смотря и на позднѣйшія раскопки Я. М. Лазаревскаго. Тѣмъ не менѣе раскопки 1852 года въ высшей степени интересны, потому что знакомятъ насъ съ устройствомъ одной изъ самыхъ большихъ и загадочныхъ насыпей Таманскаго полуострова. Мы назвали курганъ селенія «Фонтанъ» загадочнымъ—на томъ основаніи, что во всѣхъ курганахъ этой мѣстности находимы были, кромѣ центральной гробницы, обыкновенно и боковыя гробницы, иногда многочисленныя и богатыя по содержанію. Въ курганѣ селенія «Фонтанъ», не смотря на многочисленныя раскопки, боковыхъ гробницъ не найдено. По видимому, онъ былъ насыпанъ для одной центральной гробницы, вырытой глу-

*) Черновой рукописный журналъ раскопокъ К. Р. Бѣгичева, писанный имъ собственноручно карандашемъ и хранящійся въ архивѣ Керченскаго Музея древностей.

боко въ материкѣ, и въ этомъ отношеніи представляетъ замѣчательное сходство съ чисто-скиѳскими курганами, каковъ напр. Чартомлыкскій курганъ. Съ устройствомъ этой насыпи знакомятъ насъ именно раскопки 1852 года.

Работы въ этомъ курганѣ начаты были съ самой подошвы, съ тѣмъ, чтобы, идя по материку, можно было удобно разслѣдовать курганъ. При этомъ обнаружилось, что прежнія раскопки далеко не доходили до материка. Такъ какъ сѣверо-восточная сторона кургана являлась раскопанною менѣе прочихъ, то и работы были начаты именно съ этой стороны. Первый разрѣзъ, проведенный въ этомъ направленіи отъ подошвы къ центру, по углубленіи до самаго материка, хотя привелъ только къ отрытію одной мѣдной окисшей монеты, но указалъ на своиство насыпи. Она вообще состояла изъ глины, безъ всякой примѣси черепковъ или камней, и представлялась одною сплошною массою отъ самой поверхности до материка. Разработка кургана, по причинѣ мягкой земли, была весьма удобна. Вышеозначенная мѣдная монета, столь важная для опредѣленія эпохи насыпи и найденная на глубинѣ одного аршина отъ поверхности кургана, къ сожалѣнію, ни въ рапортахъ, ни въ рукописномъ журналѣ раскопокъ К. Р. Бѣгичева, не опредѣлена подробнѣе: рапортъ говоритъ только, что она была типа монетъ Босфорскихъ. Не смотря на разницу въ показаніи глубины, на которой найдена была монета *), я полагаю что это таже монета, о которой говоритъ П. Беккеръ. Она принадлежала временамъ Рескупориса II, принадлежитъ къ извѣстнымъ и не рѣдкимъ монетамъ. Вотъ ея описаніе: голова Рескупориса вправо, съ монограммою: ВАР за головою и съ буквами I В ниже лица; точки по каемкамъ. ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ. Голова Калигулы вправо. Ясно, что насыпь кургана въ селеніи «Фонтанъ» не позднѣе I-го вѣка по Р. Х.

Не смотря на сплошную массу глинозема, изъ котораго насыпанъ этотъ курганъ, уже въ первомъ разрѣзѣ, на глубинѣ 4 арш. отъ поверхности кургана, обнаружился съ правой стороны обрѣза тонкій слой мягкаго каменнаго мусора, а съ противуположной—слой мелкаго дикарнаго камня, въ сажень длины и аршина два шириною. Изслѣдователь не счелъ этихъ признаковъ за указанія существованія въ курганѣ гробницы или другой какой либо постройки. Странно, что онъ не рѣшился продолжать идти далѣе къ центру, хотя это былъ бы единственный и лучшій способъ удостовѣриться въ своемъ предполо-

---

*) По рапорту № 113, она найдена была на глубинѣ одного аршина отъ поверхности кургана; по Беккеру, (см. 382) 2 на двухъ саженяхъ глубины.

женіи, а счелъ за лучшее начать работу съ другаго конца кургана. Онъ полагалъ изслѣдованіе центра кургана безполезнымъ на томъ основаніи, что тамъ уже находилась глубокая яма прежней раскопки, хотя самъ зналъ, что эти раскопки не доходили до материка. Очевидцы разсказывали ему, что на материкѣ отрыты были три штуки пиленаго мягкаго керченскаго камня, величиною обыкновеннаго пятерика, положенные въ видѣ буквы П. Этотъ очень темный и недостовѣрный разсказъ, вѣроятно, возбудилъ въ немъ мысль, что центральная гробница давно открыта и расхищена. Считая поэтому безполезнымъ продолжать работу въ томъ же направленіи, К. Р. Бѣгичевъ началъ второй разрѣзъ въ курганѣ, съ сѣверо-западной его части, остававшейся тоже еще не разрытою, такъ что она показывалась наиболѣе возвышенною, какъ будто бы это была присыпь. Вѣроятно, этотъ видъ ея происходилъ только оттого, что она была менѣе тронута заступомъ копателей. Въ этомъ второмъ разрѣзѣ, гораздо значительнѣйшемъ противъ перваго, насыпь составляла ту же сплошную массу земли, въ которой незамѣтно почти никакихъ слоевъ, черепковъ, камня и т. д. Это отсутствіе черепковъ и прочаго мусора показывало, что курганъ былъ насыпанъ изъ свѣжей земли, взятой по близости и въ одно время. Только въ этомъ разрѣзѣ, къ срединѣ кургана, обозначались двѣ полосы земли, возвышающіяся къ центру. Эти полосы, по мнѣнію К. Р. Бѣгичева, показывали первоначальное образованіе кургана. По его мнѣнію, за основаніе его была принята природная возвышенность, въ видѣ небольшаго бугра. И въ этомъ разрѣзѣ изслѣдователь имѣлъ цѣлію идти, по направленію основныхъ слоевъ кургана, къ его центру, гдѣ предполагалось существованіе постройки. Идя по материку, онъ убѣдился, что ямы, сдѣланныя прежними раскопками (въ 1846 г.), не доходили на 5 арш. до материка. Это открытіе убѣдило въ необходимости окончательно раскопать всѣ прежнія ямы, видимыя на курганѣ, до материка, что составляетъ необходимое условіе всякой находки древностей въ курганахъ. Въ началѣ разрѣза, на материкѣ, найдены были двѣ мѣдныя монеты неодинаковаго типа; но дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этой важной находкѣ мы опять не имѣемъ. Страннымъ явленіемъ въ постройкѣ этого кургана было слѣдующее открытіе. Ближе къ центру кургана, на глубинѣ одной сажени отъ его поверхности, отрыта была каменная стѣна, шириною 2 арш. и вышиною въ 1 арш., сложенная изъ мягкаго и дикарнаго камня. Между кусками камня найденъ былъ обломокъ надгробнаго камня, съ изображеніемъ бюста женщины, обезображеннаго временемъ или рукою человѣка. Стѣна эта шла, по направленію отъ запада къ востоку, на протяженіи почти четырехъ

сажень, и съ обоихъ концовъ оказалась разобранною. По положенію ея въ курганѣ на три сажени выше материка и по роду самой постройки (или, вѣроятнѣе, по кладкѣ стѣны), изслѣдователь заключилъ, что ее должно отнести къ позднѣйшему времени. Но онъ не высказалъ никакого предположенія относительно вопросовъ: съ какою цѣлью она была воздвигнута, или не имѣла ли она еще такую же, паралельную стѣну?—Вопросы эти остались вопросами. Не воздвигались ли подобныя стѣны на извѣстной высотѣ насыпи для большей ея прочности?

Отъ послѣдняго разрѣза до средней ямы оставались еще три сажени, но тутъ раскопки остановились. Въ глазахъ изслѣдователя они были совершенно безуспѣшны. «Успѣхъ раскопки этого кургана», пишетъ онъ въ своемъ черновомъ журналѣ, «не представляющей до сихъ поръ никакой надежды на открытіе чего-либо, становится болѣе нежели сомнительнымъ». Тѣмъ не менѣе въ рапортѣ своемъ къ начальству, несмотря на «неудачныя свои попытки», онъ говорилъ о необходимости дальнѣйшаго разслѣдованія этого кургана, котораго положеніе въ центрѣ «древняго поселенія» и самая его величина придаютъ высокій интересъ. «Остается еще», пишетъ онъ въ черновомъ журналѣ, «дойти до центра кургана, гдѣ онъ хотя уже раскопанъ, но, судя по поверхностной раскопкѣ боковыхъ ямъ, слѣдуетъ полагать, что если въ центрѣ кургана есть постройка, то она осталась нетронутою. «Если предположить», заключаетъ онъ въ рапортѣ № 113, «что вся раскопка этого кургана, состоящая изъ восьми ямъ, сдѣлана столь же поверхностно (какъ и та, которая открыта во второмъ разрѣзѣ), то курганъ этотъ должно считать еще вовсе не разслѣдованнымъ» *).

Разслѣдованіе кургана въ селеніи «Фонтанъ» было снова возобновлено въ 1853 году.

Таковы были раскопки, исполненныя въ 1852 году. Графъ Л. А. Перовскій, лично осмотрѣвъ работы, предписалъ тогда же имѣть въ виду на будущее время слѣдующія мѣстности, по личнымъ его указаніямъ:

1. Произвести разрѣзъ Киммерійскаго вала, отдѣляющаго полуостровъ того же имени отъ мѣстоположенія древней Фанагоріи.

*) Черновой журналъ раскопокъ К. Р. Бѣгичева, хранящійся въ архивѣ Керченскаго Музея древностей, стр. 135—139. Дѣло канцеляріи Министра удѣловъ за № 15 (214), листъ 44. Рапортъ № 113.

2. Изслѣдовать курганы близь урочища Стеблеевки, называемые Близнецами.

3. Произвесть разрѣзъ одной изъ сплошныхъ насыпей близь станціи Сѣнной

4. Окончательно разслѣдовать курганъ въ селеніи «Фонтанъ» и насыпи на берегу пролива въ Тамани.

5. Разслѣдовать мѣста близь Сѣверной Косы и въ Босфорскомъ заливѣ, противъ хутора Семеняки, гдѣ были видимы мраморный пьедесталъ и мраморныя колонны надъ водою.

Изъ этихъ предначертанныхъ для будущаго времени работъ, нѣкоторыя были приведены отчасти въ исполненіе въ слѣдующемъ и послѣдующемъ годахъ, другія оставлены не оконченными, третьи исполнены гораздо позднѣе, совершенно иными лицами и при другихъ обстоятельствахъ, и наконецъ четвертые остались до сихъ поръ нетронутыми. Между тѣмъ, случайное открытіе, сдѣланное въ первыхъ мѣсяцахъ 1853 года на Таманскомъ полуостровѣ, снова побудило дѣлать изслѣдованія на этой мѣстности.—не въ одномъ смыслѣ добыванія рѣдкихъ вещей,—и привело къ розысканіямъ, начатымъ въ 1853 и продолжавшимся въ 1859 году.

Славянскій Краковъ.

Д. чл. С. М. Крыжановскаго.

«Si in concordia et amore manseritis inseparati, nunquam vos hostes vestri superabunt, neque captivos abducent: si vero per contentionem ambitionemque principatum dividetis, maximo fratri obedire recusantes, et a vobis ipsis vastabimini, et a finitimis hostibus funditus delabimini».

Constantini Porphyrogenetae Imperatoris: De administrando imperio, cap. XLI, de Moraviae regione.

Кому дорого славянское прошлое, кто дорожитъ славянскимъ братствомъ, тому, конечно, дороги и завѣтные памятники славянской старины того отдаленнаго времени, когда родственныя племена были ближе другъ къ другу, когда политическая рознь не разъединяла ихъ, не тормозила единства мысли и слова, не пятнала чужеземщиной обычаевъ и нравовъ, не искажала преданій.

Въ этомъ отношеніи древній, величественный градъ Кракуса также дорогъ долженъ быть для каждаго благомыслящаго и просвѣщеннаго славянина, какъ дороги для него Кіевъ и Прага, Псковъ и Новгородъ, Дубровникъ и Полоцкъ, Москва и Вильна, Перемышль и Любляна и многія другія мѣстности, гдѣ еще уцѣлѣли памятники древности и сохранились преданія и нравы, напоминающіе тѣ узы, которыя связывали общую славянскую семью.

Краковъ во многомъ даже превосходитъ другіе славянскіе города. Здѣсь не было той тяжкой, горестной и разрушительной религіозной борьбы, которая столь многое исказила, перепутала въ понятіяхъ и древнихъ обычаяхъ, такъ много истребила обще-славянскихъ памятниковъ. Въ Краковѣ до сихъ поръ еще живы и осязательны тѣ рѣзкія особенности, какъ въ вещественныхъ памятникахъ, такъ и въ

преданіяхъ, нравахъ и обычаяхъ, особенности, которыя роднятъ и сближаютъ славянъ, заставляютъ ихъ забывать про племенную вражду, про религіозные споры,—которыя даже слабостями, причудами, проблесками народной фантазіи, пожалуй, даже самыми пороками убѣждаютъ ихъ во-очію, что это—нѣчто свое, близкое, хотя и въ другой формѣ, въ иныхъ ризахъ, съ иными затѣями и причудами.

Вотъ почему Краковъ болѣе, чѣмъ какой нибудь другой славянскій городъ, скорѣе напомнитъ Москву—своими храмами, иконописью, обычаями.

Кромѣ того, здѣсь еще уцѣлѣло нѣсколько драгоцѣнныхъ памятниковъ русской старины, какъ равно—очевиднаго вліянія византизма, не говоря уже про многое, весьма достопримѣчательное въ обще-славянскомъ смыслѣ.

Такъ понимая значеніе историческаго Кракова, мы рѣшаемся указать на нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, памятники и тѣ особенности, которыя роднятъ его съ обще-славянскимъ міромъ.

Однимъ словомъ, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о Славянскомъ Краковѣ.

I.

Баснословныя времена польской исторіи носятъ отпечатокъ чисто славянскій. Сказанія о Лешкахъ, Кракусахъ, Попеляхъ могли бы составить замѣчательный народный эпосъ, но онъ задавленъ, стертъ латинствомъ. Рано началась борьба съ нѣмцами: почти съ разсвѣтомъ исторіи мы видимъ уже проявленія страшной и непримиримой ненависти къ нѣмцамъ. Эта ненависть вылилась въ народной пословицѣ, относимой къ древнѣйшимъ, но и до сихъ поръ повторяемой: jak swjat swjatem, nie bedzie Polak Niemcowi bratem.

Первыя сѣмена христіанства водворены здѣсь не нѣмцами, а братьями-славянами: Чехами и Моравами. Поэтому и первая христіанская проповѣдь, первыя поученія народа на главной городской площади, называемой Большимъ рынкомъ *), были произносимы на языкѣ ему знакомомъ, славянскомъ, который въ то время, вѣроятно, былъ очень близокъ къ мѣстному говору и совершенно понятенъ народу.

Потомъ, когда, при Мечиславѣ, все уже населеніе страны приняло

*) Въ главномъ рынкѣ находился небольшой костелъ св. Войцѣха (Адальберта), построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 995 году Войцѣхъ, епископъ пражскій, проповѣдывалъ на славянскомъ языкѣ. Послѣ мученической его кончины, жители Кракова воздвигли въ память его эту святыню (Длугошъ, книга 2, стр. 117), возобновленную въ 1611 году.

христіанство по западному обряду, латинскій языкъ сдѣлался преобладающимъ въ богослуженіи. Наставники и руководители были уже нѣмцы или итальянцы,—и мѣстный говоръ сталъ отторгаться отъ церкви, лишаясь возможности совершенствоваться и развиваться. Конечно, это болѣе всего могло подѣйствовать на притупленіе народной рѣчи, свободно развивавшейся, пока служеніе совершалось на народномъ языкѣ. Не здѣсь ли надобно искать причины, что польскій эпосъ заглохъ такъ рано, и что у насъ нѣтъ ничего подобнаго Пѣсни о полку Игоря, ни Краледворской рукописи, ни даже Суду Любуши? Не смотря на преобладающее вліяніе латинства, восточные обряды и славянская рѣчь на столько уже привились въ народѣ, что не могли быть искоренены вдругъ. Знаменитый орденъ монаховъ Венедиктиновъ, этихъ замѣчательныхъ славянскихъ дѣятелей, явился и въ здѣшней странѣ, въ первое время послѣ водворенія здѣсь христіанства. Надобно полагать, что первые миссіонеры чешскіе были именно Венедиктинцы. Болеславъ же Храбрый (933—1025) основалъ для нихъ близъ Кракова за рѣкою Виллою, на высокой скалѣ, въ очаровательной мѣстности, монастырь, называвшійся Тынецкимъ. Это былъ первый разсадникъ просвѣщенія всей страны. Подобно Сазавскому, Тынецкій монастырь славился ученостью своихъ монаховъ *). И здѣсь, какъ и тамъ, богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ; и хотя нѣтъ положительныхъ данныхъ, можно однако предполагать, что въ Тынцѣ славянскій элементъ господствовалъ долѣе, чѣмъ въ Сазавскомъ монастырѣ, гдѣ, какъ извѣстно, уже подъ конецъ XI столѣтія окончательно водворилось латинское духовенство. По крайней мѣрѣ есть доказательства, что въ самомъ городѣ, въ предмѣстіи, называемомъ Клепаржъ, еще до временъ Мечислава и введенія въ 966 году католическаго богослуженія, именно съ начала X столѣтія, существовалъ уже славянскій костелъ во имя св. Креста, воздвигнутый на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде существовало языческое капище. Здѣсь пріютились Венедиктинцы, бѣжавшіе изъ Моравіи отъ преслѣдованій угорскихъ язычниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Венедиктинцы изъ Тынца и Венедиктинцы св. Креста составляли, такъ сказать, общую семью въ отношеніи отправленія богослуженія.

---

*) Въ половинѣ XVI столѣтія, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и ученнѣйшихъ аббатовъ этого монастыря былъ одинъ изъ моихъ предковъ, Гіеронимъ Кржижановскій, сынъ Ивана, трибуна Сандомирскаго и Екатерины съ Рущы Браницкой, владѣлецъ с. Смогаржева. Чрезъ долгое время онъ исполнялъ тамъ обязанности начальника лѣчебницы и секретаря. Съ 1553 до 1569 года онъ управлялъ монастыремъ, будучи избранъ аббатомъ. Въ польской литтературѣ XVI столѣтія онъ прославился изданными двумя сочиненіями богословскаго содержанія, которыхъ языкъ и слогъ еще до сихъ поръ считается классическимъ образцомъ и важнымъ памятникомъ словесности своего времени.

Трудно опредѣлить, когда именно прекратилось славянское богослуженіе въ Тынцѣ. Судя однако потому, что Венедиктинцы пользовались особенными милостями королей *), надѣлившихъ ихъ богатыми имѣніями, равнымъ образомъ имѣя въ виду, что вообще до XVI столѣтія славянскій элементъ пользовался здѣсь большимъ уваженіемъ, мы не преувеличимъ, предположивъ, что славянское богослуженіе продолжалось здѣсь по крайней мѣрѣ до конца царствованія Казиміра Ягеллона, извѣстнаго покровителя славянскаго языка.

Что же касается до костела св. Креста на Клепаржѣ, то здѣсь богослуженіе на славянскомъ языкѣ продолжалось до XVI столѣтія, а можетъ быть и далѣе, и самый костелъ до начала нынѣшняго столѣтія назывался славянскимъ (Sclavorum). Древній храмъ св. Креста разрушенъ былъ пожаромъ; тогда Ягайло и Ядвига, въ 1390 году, не только воздвигли новый храмъ, никогда, впрочемъ, по первоначальному плану не оконченный, но и надѣлили монаховъ Венедиктиновъ значительными записями, упрочившими ихъ положеніе **). Въ 1584 году, вмѣсто прежняго, воздвигнутъ на томъ же мѣстѣ новый костелъ св. Креста, просуществовавшій до начала нынѣшняго столѣтія. Нынѣ нѣтъ даже и развалинъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ костелъ,—замѣтно только возвышеніе.

Со временъ бракосочетанія Ягайлы съ Ядвигою, славянскій элементъ опять усиливается въ Краковѣ. Литовско-русскіе вельможи окружаютъ престолъ короля польскаго, своего великаго князя.

Многіе изъ нихъ приняли католическую вѣру, но сохранили языкъ и любовь къ народности. Оставались еще и православные знаменитые роды, какъ князей Острожскихъ, князей Олельковичей, Слуцкихъ, князей Сангушковъ, Гарабурдовъ, Тышкевичей и многихъ другихъ. Всѣ они тѣснились ко двору. Славнѣйшій и древнѣйшій родъ Гастольдовъ еще со временъ Ольгерда былъ уже католическимъ; не менѣе того, Гастольды являются главнѣйшими покровителями русской письменности въ Краковѣ.

При такой обстановкѣ нѣтъ ничего удивительнаго, что русская ти-

---

*) Польскіе историки единогласно говорятъ о великихъ заслугахъ Тынецкихъ монаховъ, какъ просвѣтителей страны. Какъ велики были милости королей польскихъ,—довольно сказать, что Тынецкій монастырь въ 1456 году владѣлъ 95 деревнями, а кромѣ того настоятель монастыря—аббатъ пользовался особыми значительными доходами (см. Нарушевичъ, т. II, кн. 3, прим. 19. Длугошъ, кн. XIII, стр. 40. Щигельскій, Tinecia, pag. 185). Монастырь этотъ, считавшійся самымъ богатымъ изъ всѣхъ польскихъ монастырей, просуществовалъ до 1815 года, когда австрійское правительство совсѣмъ упразднило орденъ Венедиктиновъ. До сихъ поръ сохранились развалины этого древняго монастыря, костелъ же и нынѣ существующій построенъ въ 1622 году.

**) Длугошъ, Liber beneficiorum, т. III, стр. 225—227. Historia, lib. X, 126. Шайноха, Ядвига и Ягайло IV, 164.

пографія явилась въ Краковѣ ранѣе польской. Едва въ 1475 году напечатана въ Краковѣ въ первый разъ по-польски молитва Господня «Отче нашъ» и «Вѣрую», какъ приложеніе къ латинской книгѣ Statuta Synodalia. Потомъ, въ 1506 году, напечатанъ по-польски гимнъ Богородицѣ, опять какъ приложеніе къ статуту Ласкаго, — и едва въ 1522 году видимъ первую цѣльную польскую книгу. Между тѣмъ, съ 1491 года видимъ уже славянскія изданія въ Краковѣ, печатавшіяся въ типографіи Святополка Фіоля (Swajbold Fiol, Feyl, Fejel, Veyl Sweybold).

Долгое время не могли опредѣлить съ точностію происхожденіе этого Фіоля. Нѣкоторые считали его нѣмцемъ-франкомъ. Все это потому, что на одномъ изъ изданій напечатано было, что печатаніе окончено краковскимъ мѣщаниномъ Святополкомъ Фіолемъ, из нѣмець нѣмецкаго родоу франкъ. Въ настоящее время дѣло вполнѣ разъяснилось: Фіоль былъ краковскій уроженецъ, компаніономъ же его былъ нѣмецъ Франкъ.

Изъ первыхъ изданій краковскихъ, Фіоля, извѣстенъ Октоихъ или Осьмогласникъ (Шестодневъ), съ картиной, изображающей Спасителя. Замѣчательна здѣсь послѣдняя страница, объ окончаніи печатанія книги, о которой мы упомянули выше; на ней изображенъ гербъ города Кракова, и до сихъ поръ употребляемый, и изображающій три башни. Строевъ ошибочно прочелъ знаки, или буквы на этой виньеткѣ, именно, S. V. (латинскія) и съ лѣвой стороны (славянское) З. Онъ полагалъ, что эти буквы означаютъ: Sigillum urbis Krakowa, тогда какъ, несомнѣнно, это значило: Sweybold Veyl (Fiol) z Krakowa. Нѣкоторые полагали, что S. V. означаютъ монограммы знаменитаго Вита Ствоша; но монограммы послѣдняго слишкомъ извѣстны и не имѣютъ ничего схожаго съ этими буквами *). Кромѣ того, извѣстны еще изданія Фіоля: Часословъ того же 1491 года **), Псалтырь слѣдованная ***), Тріодь цвѣтная, Тріодь постная.

Надобно думать, что всѣ эти пять книгъ изданы одновременно, въ 1491 году, по окончательномъ напечатаніи, но вѣроятно печатались нѣсколько лѣтъ,—полагаютъ, съ 1485 года. Въ Краковской Университетской библіотекѣ найденъ одинъ листокъ Тріода въ переплетѣ книги

---

*) См. палеографическіе снимки Строева, Москва, 1829, стр. 2. Кеппенъ, Библіогр. лист. № 16. Строевъ, Дополненія и пр., стр. 241. Сахаровъ, Обозрѣніе т. I, ч. 2, стр. 1. Линде, Pam. Warsz. 1815, т. III, 140. Шафарикъ, Чешскій музей 1842, 98. Калайдовичъ, Свѣдѣнія о трудахъ, и проч. Москва, 1820. Durichius, Biblioth. Slavica. 1779, стр. 126. Jocher, Obraz bibl. № 2349, 7102. Estreicher, Günter Zainer i Swietopolk Fiol. Warszawa, 1867.

**) Митрополитъ Евгеній. Кіевопечерская лавра, стр. 66, изд. 2-е, 1831 года.

***) Сахаровъ, Сопиковъ и Эстрейхеръ.

Петра de Апоно: Conciliator, изданной въ Венеціи въ 1483 году: кажется, того самаго Тріода, о которомъ упоминаетъ Захарія Копыстенскій (въ Палинодіи), увѣряя, что онъ напечатанъ въ Краковѣ.

При современномъ развитіи библіографической науки въ Польшѣ и въ особенности въ Краковѣ, гдѣ при Академіи Наукъ существуетъ особая Библіографическая коммиссія, можно надѣяться, что еще откроютъ новые памятники здѣшней русской письменности.

II.

Къ древнѣйшимъ славянскимъ памятникамъ въ Краковѣ и его окрестностяхъ надобно отнести два кургана, называемые могилами Кракуса и Ванды. Къ этимъ могиламъ надобно еще отнести драконову пещеру,— и тогда эти памятники составятъ миѳическій эпосъ древняго Кракова. Этотъ вещественный эпосъ соединенъ съ легендами,—пѣснями, относящимися къ древнѣйшимъ памятникамъ народнаго творчества. Легенда говоритъ, что Кракусъ, князь хорватскій, въ 700 году пришелъ въ эту страну, побѣдилъ дракона (holophag), обитавшаго въ глубокой пещерѣ на скалистой горѣ Вавель и пожиравшаго людей и животныхъ, и на этой же горѣ Вавель основалъ свой замокъ, сдѣлавшись основателемъ города, названнаго отъ его имени Краковомъ. Дочь его Ванда была избрана послѣ кончины Кракуса королевою. Преданія о ней различны. Одна легенда говоритъ, что на Краковъ напалъ нѣмецъ Ритигерусъ, но, пораженный ея красотою, пронзилъ себя мечемъ. Другая легенда говоритъ, что Ванда, посвятивъ свою дѣвственность богамъ, не хотѣла выйти за мужъ, бросилась въ Вислу и утонула. Тѣло ея вода выбросила на томъ мѣстѣ, гдѣ Длубня впадаетъ въ Вислу, въ семи верстахъ отъ города. Надъ прахомъ ея насыпана обожавшими ее подданными высокая гора. Такая же гора насыпана и надъ могилою Кракуса, близь Кракова. Такъ повѣствуютъ о Кракусѣ и Вандѣ лѣтописцы: Мартинъ Галлъ, Кадлубекъ, Длугошъ и Бѣльскій. Обѣ могилы и до сихъ поръ чтимы народомъ. Сарницкій говоритъ въ своихъ Annales (Lib. IV, cap. XX), что онъ самъ видѣлъ (т. е. во второй половинѣ XVI столѣтія) на могилѣ Ванды статую съ ея изображеніемъ. Нынѣ нѣтъ и слѣдовъ ея. Сохранился однако каменный четырехгранный столбъ, безъ всякой надписи. Что означаетъ этотъ столбъ,—и лѣтописи и преданія ничего не говорятъ. Думаемъ однако, что столбъ этотъ, можетъ быть, водруженъ въ память дарованія Кракову магдебургскихъ законовъ, какъ это мы видимъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Пользоваться магдебургскими законами считалось

такимъ благодѣяніемъ, что событіе это всегда ознаменовывалось памятникомъ. Впрочемъ, это только наше предположеніе.

Преданія о могилахъ Ванды и Кракуса, конечно, не выдержатъ исторической критики. Нельзя однако и отвергать ихъ безусловно, какъ это весьма логично доказалъ одинъ изъ лучшихъ польскихъ историковъ, Шайноха *). Что Кракъ, или Кракусъ, существовалъ въ VII или началѣ VIII столѣтія,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но замѣчательно то, что такія же преданія сохранились и въ Скандинавіи: между Бергеномъ и Арконой существуетъ даже до сихъ поръ поселеніе Краковъ. Преданіе же говоритъ, что тамъ властвовалъ князь Ругардемъ или Ридгердемъ, умертвившій себя потому, что его отвергла прекрасная Венда, королева Вендовъ.

Нельзя, наконецъ, не обратить вниманія и на то, что уже въ началѣ XIII столѣтія курганъ этотъ считался могилой; это явственно доказывается тѣмъ, что Иво Одровонжъ въ 1221 году основалъ монастырь монаховъ ордена Цистерсовъ въ деревнѣ Clarae tumbae, у подножія могилы Ванды. Монастырь этотъ и до сихъ поръ существуетъ, а мѣстность называется Могилой.

Хроники и другіе письменные памятники отдаленнаго времени называютъ могилу Кракуса ренкавкой (отъ рука, по-польски ręka),—полагать надобно, названной такъ потому, что могила эта руками насыпана. Названіе это сохранилось и до сихъ поръ. Но оно еще имѣетъ другое значеніе, общеславянское. Ренкавка здѣсь означаетъ то же, что стыпа, дзяды, тризна, хаутуры, радауница, однимъ словомъ—поминки по умершемъ, какъ извѣстно, совершаемыя большею частью всегда весною въ цѣлой Россіи, у бѣлоруссовъ и малоруссовъ, въ Сербіи, Чехіи, даже у славянъ балтійскихъ. Въ Краковѣ же, ежегодно, во второй день Свѣтлаго Христова Воскресенія почти все населеніе, большіе и малые, богатые и бѣдные, спѣшатъ на кладбище, чтобы помолиться за близкихъ сердцу, здѣсь почивающихъ. Затѣмъ на слѣдующій день, т. е. въ третій день праздника, все населеніе спѣшитъ на Ренкавку, т. е. къ могилѣ Кракуса—и здѣсь, съ сосѣдней горы, называемой Кржеменкой (krzemień—кремень), бросаютъ мальчишкамъ яйца, яблоки, лимоны, калачи и прочее съѣстное. Въ прежнее время здѣсь зажигались огни. Обычай этотъ существовалъ издревле. Въ росписи расходовъ во время коронаціи Генриха Валезія въ 1574 году есть статья «за сожженіе огней на Ренкавкѣ». Раздача бѣднымъ съѣстнаго въ дни Пасхи и даже бросаніе яицъ и тому подобнаго съ горъ сохранилось и до сихъ поръ въ Россіи (напр. въ

*) Lechicki pocretek polski, стр. 40, 126—134.

Вяткѣ) и у многихъ другихъ славянъ. Что это обычай весьма древній,— не подлежитъ никакому сомнѣнію. Миѳологическое значеніе яйца, какъ символа силы творящей и разрушающей, жизни и смерти, настоящаго и будущаго (для чего въ древнее время половину его окрашивали въ черный цвѣтъ),—извѣстно было въ индійской космогоніи, въ египетскихъ миѳахъ, у персовъ и финикіянъ. На греческихъ и римскихъ гробницахъ видимъ изображеніе яйца, какъ символа смерти *). У славянъ символика яйца соединяетъ древнее идолопоклонническое пониманіе съ новымъ христіанскимъ; здѣсь же, въ Краковѣ, означаетъ поминки по Кракусѣ, основателѣ столицы, а по новымъ понятіямъ— торжество Воскресенія Христова. Поэтому и здѣсь видимъ символы смерти и жизни. Во времена язычества, вѣроятно, здѣсь въ эти весенніе дни совершалась заупокойная тризна, хаутуры, ренкавки. Католическое духовенство, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, постаралось придать древнему обычаю христіанское значеніе. Оно-то и внушило народу понятіе, глубоко вкоренившееся, что въ дни радостнаго Воскресенія слѣдуетъ почтить и память умершихъ. Языческая тризна, вѣроятно, была здѣсь въ большомъ почетѣ, когда славянскіе Венедикинцы позаботились даже на этой же горѣ Кржеменкѣ, близь могилы Кракуса, воздвигнуть часовню св. Венедикта.

Историческая критика можетъ отвергать существованіе Ванды и Кракуса; но преданіе говоритъ громче исторіи: оно-то и передаетъ имена ихъ отдаленнѣйшему потомству; оно же сохранитъ навсегда, пока будетъ существовать польская рѣчь, знаменитую пѣснь, не лишенную и въ наше время политическаго смысла:

Wanda leży w naszej ziemi,
Co niechciała Niemca,
Lepiej męża mieć rodaka
Nizli cudzoziemca!

Пѣсню эту народъ поетъ уже много столѣтій.

III.

Византійская живопись и архитектура пользовалась, такъ сказать, правами гражданства въ Краковѣ. И до сихъ поръ сохранившіяся, самыя древнія иконы, относимыя къ XII и XIII столѣтіямъ—въ византійскомъ стилѣ. Византійскій стиль особенно сталъ преобладающимъ въ XIV столѣтіи, со временъ Ягайлы. Сынъ православной, благочести-

*) Bachoven, Gräbersymbolik der Alten-Basel, 1859. Лепковскій, O tradycyach narodowych. Krakow, 1860.

вой княгини Іуліаніи, онъ съ дѣтства присмотрѣлся къ византійской живописи въ Вильнѣ, въ Трокахъ, въ Кіевѣ, Полоцкѣ,—и пристрастился къ ней. Извѣстно, что имъ были выписаны въ Краковъ живописцы изъ подвластной ему Руси; они-то украсили живописью нѣкоторые костелы и палаты въ королевскомъ замкѣ на Вавелѣ. Они же списали портреты самаго Ягайлы и его семейства.

Значеніе византійскаго стиля было такъ велико въ Краковѣ, что, по мнѣнію профессора Лущкевича, образовалась даже византійско-краковская школа, существовавшая почти до временъ Боны Сфорчіи, супруги Сигизмунда I-го (Стараго), когда итальянскій стиль сталъ преобладающимъ.

Исчисленіе иконъ въ византійскомъ стилѣ, до сихъ поръ сохранившихся въ разныхъ костелахъ, заняло бы слишкомъ много мѣста. Мы укажемъ только на болѣе замѣчательныя иконы въ каѳедральномъ соборѣ на Вавелѣ, именно: св. Войтеха и св. Станислава. Въ этомъ же соборѣ сохранилось Распятіе, передъ которымъ обыкновенно молилась королева Ядвига, считающееся чудотворнымъ; придѣланное къ серебряной доскѣ громадныхъ размѣровъ, оно носитъ чистѣйшій отпечатокъ византійскаго стиля.

Въ слѣдующей главѣ мы укажемъ на самый достопримѣчательный памятникъ византійскаго стиля въ томъ же соборѣ, а здѣсь упомянемъ только, что въ богатой ризницѣ собора сохранился драгоцѣнный крестъ, по преданію взятый Болеславомъ Храбрымъ изъ Кіева и во всѣхъ актахъ и инвентаряхъ называемый Кіевскимъ. Перекладина этого креста до сихъ поръ сохранилась въ первобытномъ видѣ, прочія же части, надобно думать, были возобновляемы. Въ старинныхъ инвентаряхъ упоминается, что крестъ этотъ привезенъ изъ Кіева (olim metropoli Russiae). Стоимость этого креста обозначена въ 18,000 червонцевъ; но Сигизмундъ I-й велѣлъ его возобновить, что опять стоило 12,000 червонцевъ, такъ что вообще стоимость его составляетъ 30,000 червонцевъ. Кажется однако, что теперь едва ли онъ можетъ стоить и третью часть этой суммы, потому что драгоцѣнные камни давно уже замѣнены поддѣльными.

Наконецъ, въ древнѣйшемъ храмѣ въ Краковѣ, во имя Богородицы, сохранился древній кивотъ (la châsse) или скорѣе ящичекъ, съ изображеніемъ житія св. Козьмы и Даміана вырѣзаннымъ въ глубь и соотвѣтственными славянскими надписями *). Въ кивотѣ хранятся час-

*) Кивотъ этотъ, изъ мѣди вызолоченной, имѣетъ слѣдующія надписи: на верху, подъ рукояткой: «Господи Помози Самоилови кюзнецю и Елисѣіеви писцю Левонтѣіеви писцю».—Ниже, по краямъ, съ четырехъ сторонъ: «Святая Безмезника и Чюдотворца посѣтита насъ в болѣзнех наших туне пріяста тунеже и дадит—код Благодать пріемша и—сцѣлѣнѣю простирает здравье

тицы мощей (вѣроятно) св. Козьмы и Даміана. Не рѣшаюсь опредѣлять съ точностію времени, къ которому слѣдуетъ отнести этотъ кивотъ; сравнивая же надписи кивота съ палеографическими снимками, изданными Саввою, епископомъ можайскимъ, предполагаю, что эти надписи были сдѣланы между XI и XIII столѣтіями. Московское Археологическое Общество само опредѣлитъ значеніе и эпоху, къ которой слѣдуетъ отнести этотъ славянскій памятникъ, неизвѣстно какими судьбами попавшій и сохраняемый въ числѣ разныхъ драгоцѣнностей въ ризницѣ костела Богородицы *).

IV.

На скалистой горѣ Вавель,—гдѣ именно и обиталъ въ пещерѣ драконъ убитый Кракусомъ,—у подножія которой извивается рѣчка Висла, или у древнихъ славянъ Бѣлая рѣка, построенъ дворецъ королей польскихъ, сохранившійся доселѣ въ самомъ печальномъ видѣ и вмѣщающій нынѣ казармы австрійскихъ солдатъ.

Дворецъ, по преданію, основанъ тѣмъ же Кракусомъ. Историческое же его начало извѣстно съ 1265 года, при Болеславѣ Цѣломудренномъ. Вячеславъ, король чешскій и польскій, въ 1300 году воздвигъ крѣпостныя башни и увеличилъ замокъ. Съ тѣхъ поръ каждый изъ королей украшалъ и распространялъ зданіе. Въ особенности Сигизмундъ I перестроилъ дворецъ въ италіанскомъ стилѣ. Сигизмундъ III,

---

болящим врачи чюдотворца славная..... ны.... а ю посѣщѣніем гордын противных ни.... зложета мира исцѣляя—юща чюдесы»; стѣнка 1. a. отъ правой къ лѣвой сторонѣ: «Святая врача избавляета от трясавицѣ человѣа» — «Святая вра(ча) исцѣляета вельблуда разбѣснаго от дьявола» — «Святая врача исцѣляета слѣпыя и хромыя (внизу) хромець» —Святая врача исцѣляета слѣпыя и хромыя» — «Святая врача прѣкр(а)тивша іего от болѣзьни зубъ» — «Святыи Кузма и Демьянъ притася от мьзду» —Стѣнка противуположная съ другой стороны,—2. a: «Святыи Кузма и Демянъ изгонита змью» — «Святыи Кузма и Демьянъ исцѣляета жену слукую» — «Святая врача исцѣляета болящаго» — «Святая врача въскрѣшаета сына вдовича» — «Святая врача исцѣляета от различных недугъ» — «Святая врача исцѣляета бѣснаго»; стѣнка 3. a: «Дѣва рождество святою безьмезьнику—(внизу) баба»; стѣнка 4. a: «Успѣнье святою безмезьнику»; стѣнка 1. b: АГИѾС-Фролъ—АГИѾС Лаворъ—АГИѾС Гюрин—АГИѾС Самонъ—АГИѾС Авивъ—АГИѾС Спиридонъ—АГИѾС Николае—святыи Григорин чюдотворец—АГИѾС Борисъ—АГИѾС Глѣбъ—АГИѾС Елисѣи пророкъ—по тои сторонѣ все чюдотворци—; стѣнка 2. b: Святая безьмезника аравитьская—Кузма и Демьянъ—святая безьмезника купца Кузма и Демьянъ—АГИѾС—АГИѾС Кузьма—АГИѾС Пантелѣимонъ—АГИѾС Демьянъ—АГИѾС Киръ—АГИѾС Иѡанъ—АГИѾС Самсонъ—АГИѾС Фалелѣй—по тои сторонѣ то все безмезници—; стѣнка 3. b: слѣпии хромии исцѣляхуся ракою святою—; стѣнка 4. b: врачюета болящаго от главы.

*) Такъ какъ надписи не вырѣзаны въ глубь, а прописаны пунктиромъ, то я полагаю, что, не смотря на палеографическіе признаки письма, этотъ ящичекъ долженъ быть отнесенъ къ XVI или даже XVII вѣку. Простая, желтая мѣдь, изъ которой онъ сдѣланъ, подкрѣпляетъ мое предположеніе. У.

какъ извѣстно, перенесъ столицу въ Варшаву. Съ того времени и Вавельскія палаты опустѣли; пожары и войны много разрушали ихъ, а окончательно уже въ наше время австрійцы передѣлали въ казармы. Отъ прежняго величія едва уцѣлѣло нѣсколько собственно археологическихъ достопримѣчательностей, именно—весьма древніе гербы въ разныхъ мѣстахъ дворца, вдѣланные въ стѣну. Впрочемъ, наружный видъ сохранился, такъ что можно составить понятіе о прекрасной и величественной архитектурѣ его въ италіанскомъ стилѣ. Каменная стѣна, окружающая весь Вавель, башни, амбразуры и пр., возобновленныя австрійскимъ правительствомъ съ полнѣйшимъ соблюденіемъ прежняго рисунка, сооружены въ чистѣйшемъ готическомъ стилѣ.

Въ соединеніи съ королевскимъ дворцомъ находится каѳедральный соборъ: это Валгалла Польши. Здѣсь почиваютъ останки великихъ князей и королей польскихъ: династій Пястовъ, Ягеллоновъ, Визовъ, Сасовъ и другихъ, начиная съ XI столѣтія, а именно: Мечислава II, Казиміра I, Болеслава Смѣлаго, Владислава Германа, Болеслава Кривоустаго, Владислава II, Болеслава Кудряваго, Мечислава Стараго, Казиміра Справедливаго, Владислава III, Лешка Бѣлаго, Болеслава Цѣломудреннаго, Лешка Чернаго и Премыслава. Всѣхъ этихъ королей нѣтъ уже памятниковъ: они разрушены временемъ и пожарами; но уцѣлѣли еще до сихъ поръ великолѣпные саркофаги и мавзолеи: короля Владислава Локетка, Казиміра Великаго, Ягайлы, Казиміра Ягеллона, Яна Ольбрахта, Сигизмунда I, Сигизмунда Августа, Стефана Баторія, Сигизмунда III, Владислава III, Яна Казиміра, Михаила Вишневецкаго, Яна Собѣскаго и Августа II *). Здѣсь же нашла

*) Король Людовикъ похороненъ въ Венгріи; Александръ Ягеллонъ—въ Вильнѣ (гдѣ также почиваютъ двѣ супруги Сигизмунда Августа: Екатерина Австрійская и Варвара Радзивилъ); Генрихъ Валуа въ Сенъ-Дени и Станиславъ Лещинскій въ Нанси, во Франціи; Августъ III въ Дрезденѣ, Станиславъ Понятовскій въ Петербургѣ. Сердце Владислава IV похоронено въ Вильнѣ, какъ равно сердце Яна-Казиміра въ монастырѣ Сентъ-Жерменъ въ Парижѣ. Въ Императорской публичной библіотекѣ найденъ былъ, въ 1857 году, небольшой сундукъ, долго стоявшій въ неизвѣстности. Баронъ М. А. Корфъ обратилъ на него вниманіе и велѣлъ вскрыть: тамъ оказался небольшой гробикъ и въ немъ одна человѣческая кость—щека; по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что это были останки короля Лещинскаго, привезенныя наполеоновскимъ генераломъ, княземъ Михаиломъ Сокольницкимъ изъ Нанси и подаренныя Варшавскому Обществу Любителей Наукъ, откуда перевезены въ Петербургъ. Останки эти приказано было похоронить въ костелѣ св.-Екатерины въ Петербургѣ, въ гробѣ, гдѣ почиваютъ останки короля Станислава Понятовскаго. При этомъ, разумѣется, совершена была и торжественная панихида митрополитомъ Жилинскимъ. Покойный графъ Константинъ Тышкевичъ разслѣдовалъ это дѣло въ подробности на мѣстѣ, въ Нанси, въ 1860 году, и убѣдился, что, какъ удостовѣрили оффиціальные акты, какой-то садовникъ надулъ князя Сокольницкаго, вручивъ ему за большую сумму чью-то щеку. По этому случаю, власти города Нанси возбудили даже процессъ,—открыли гробницу Лещинскаго и убѣдились, что всѣ части останковъ короля на лицо. И такъ, дивною игрою судебъ, при останкахъ послѣдняго короля польскаго пріютилась и щека какого-то бѣднаго Лотарингца, надѣлавшая столько шуму.

послѣдній пріютъ Доброгнѣва Ярославовна, княжна русская, супруга Казиміра I, Вислава, княжна русская, супруга Болеслава Смѣлаго, Евдоксія, княжна русская, супруга Мечислава I, Альдона Гедиминовна, Софія, княжна Гольшанская, и многія другія. Вообще, супруги и лица королевскихъ родовъ почти всѣ здѣсь почиваютъ; но памятниковъ уцѣлѣло немного: Маріи-Казиміры, супруги Собѣскаго, Анны Ягеллонки, супруги Стефана Баторія, Цециліи-Ренаты, супруги Владислава IV, и нѣсколько другихъ. Вообще, въ каѳедральномъ соборѣ на Вавелѣ въ настоящее время сохранилось еще 20 памятниковъ и надгробныхъ надписей королей, королевъ и членовъ ихъ семействъ; 2 памятника кардиналовъ; 20—епископовъ; 67—разныхъ другихъ лицъ духовнаго званія и 11 памятниковъ полководцевъ и государственныхъ мужей. Всего нынѣ еще существуетъ 121 памятникъ, по 1794 годъ; въ томъ числѣ: XIV столѣтія 2 памятника; XV—3; XVI—36; XVII—54 и XVIII—22. Но съ 1794 года прибавилось еще нѣсколько памятниковъ, изъ коихъ обращаютъ на себя вниманіе великолѣпный саркофагъ князя Іосифа Понятовскаго и скромная гробница Ѳаддея Костюшки; кромѣ того,—нѣсколько другихъ, замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи. Довольно сказать, что есть памятники работы знаменитаго Торвальдсена.

Основаніе каѳедральнаго собора лѣтописцы относятъ къ 966 г. *). Владиславъ Германъ, около 1085 года, положилъ болѣе прочное начало зданію, которое съ того времени всѣ короли постоянно распространяли и украшали. Самая древняя часть каѳедральнаго собора,—это пещера (crypta, κρύπτη, krypta), въ которой прежде была часовня св. Леонарда, а нынѣ здѣсь стоятъ саркофаги Яна Собѣскаго и Маріи-Казиміры, Владислава IV и Цециліи-Ренаты, Михаила Корыбута, Вишневецкаго, великолѣпный и богатый саркофагъ котораго сооруженъ нынѣшнимъ императоромъ австрійскимъ Францемъ-Іосифомъ, князя Іосифа Понятовскаго и Ѳаддея Костюшки. По стилю, это подземелье,—со сводами, безъ оконъ, съ шестью колонками,—относятъ къ эпохѣ романской, конца X столѣтія.

Весь же храмъ, какъ онъ сохранился въ нынѣшнемъ видѣ, относится къ готическому стилю, съ послѣдующими пристройками всевозможныхъ стилей. Своды храма покрашены были голубою краскою съ золотыми звѣздами, стѣны же были украшены изображеніями апостоловъ и ихъ дѣяній, въ стилѣ византійскомъ (more graeco) **). Нынѣ стѣны и своды выбѣлены, и вообще храмъ въ большомъ запустѣніи, за недостаткомъ средствъ, хотя, по мнѣнію знатоковъ, древняя живопись

*) Длугошъ II, 95.

**) Лентовскій. Katedra na Wawelu, стр. 3.

могла бы быть очищена и возобновлена. Но этотъ замѣчательный польскій пантеонъ сохранилъ еще столько драгоцѣнныхъ памятниковъ, не только въ историческомъ, но и въ художественномъ отношеніи, что невольно приводитъ въ удивленіе записныхъ европейскихъ любителей и знатоковъ искусствъ. Часовня, напр. Сигизмундовская, съ памятниками Ягеллоновъ, памятникъ Казиміра Великаго, Казиміра Ягеллона,—замѣчательное произведеніе знаменитаго Вита Ствоша—и многія другія достопримѣчательности причисляются къ лучшимъ произведеніямъ искусства во всей Европѣ.

Для болѣе подробнаго исчисленія и описанія Вавельской святыни потребовались бы цѣлые томы.

Мы должны ограничиться только указаніемъ на двѣ часовни, особенно интересныя по своему историческому прошлому.

Одна изъ нихъ, во имя св. Троицы, основана была въ 1431 году, русскою княжною Софіею Андреевною (Сонькою), четвертою супругою короля Владислава Ягайлы, дочерью Андрея Ивановича, князя Гольшанскаго и Вяземскаго. Полагать можно, что часовня эта сначала была устроена по греческому обряду, что даже Елена Іоанновна, супруга Александра, именно здѣсь молилась; ибо извѣстно, что у нея была особая часовня на Вавелѣ *). Время и политическіе перевороты совершенно измѣнили эту часовню. Нѣтъ и слѣдовъ византійской живописи и другихъ украшеній, а безпристрастный польскій археологъ Іосифъ Мучковскій **) горько сѣтуетъ на Краковскій капитулъ, за его небрежность и недобросовѣстность, такъ какъ, по завѣщанію Софіи Андреевны, капитулъ обязанъ былъ пещись о сохраненіи часовни въ приличномъ благолѣпіи и о сохраненіи драгоцѣнныхъ ризъ, утвари и пр., этою королевою пожертвованныхъ. Нѣтъ ничего этого. Самая часовня была уже полуразрушенною. Исчезъ даже самый памятникъ королевы, еще находившійся въ 1682 году, какъ свидѣтельствуетъ ревизія епископа Андрея Тржебицкаго. Наконецъ, едва въ 1830 году графъ Дунинъ-Вонсовичъ, съ супругою Анною, урожденною графинею Тышкевичъ, возобновили эту часовню. Прахъ королевы Софіи и теперь покоится въ этой часовнѣ. Предполагали даже воздвигнуть новый памятникъ, но на предположеніи и остановились.

Другая часовня, на правой сторонѣ отъ входа, во имя св. Креста, до сихъ поръ называемая русскою, сохранила еще вполнѣ византійскую живопись. Уцѣлѣла даже славянская надпись, которая гласитъ, насколько мы могли ее прочесть:

Бл҃гоїзволеніемъ. мꙋдр҃тїю. бг҃а ѡц҃а всемогꙋщаго. пописана бысть сиѧ к(?)

*) Такъ думаетъ польскій современный историкъ Стадницкій, Dwoj bracia Jagielloni.

**) Dwie Kaplice Jagiellonskie стр. 13.

ан(?)лѣ(нї)елїх. великодержавного.....ѧ. пресвѣтлаго. казимира. за бжьеі. лїти коршлы. польского. і великшго кнзы литовского. і рꙋськшго. і кнжти. прꙋ-скаго пана. і дедича. і ины. многихъ земль ѡсподары. й его королевшє. прѣ-наснѣїшей паней. елизаветы. іспоко.....ьскаго вноука. пренанезвитыжнеї-шего цесары жикгимонта. пана земли. ракꙋськоє. ї чеськоє. р(?)горьскоі. полѣты нре(?)женыа бжьего. а. лѣтъ а о-концали шию. каплицю писмо. лїца. шкабра въ.....

Сарницкій, извѣстный писатель и собиратель надписей надгробныхъ въ XVI столѣтіи, ошибочно прочелъ эту надпись. Вмѣсто пописана, онъ прочелъ побудована; вмѣсто 1492 года, прочелъ 1471. За нимъ повторяли другіе, а наконецъ самая надпись едва была замѣтна,— такъ что послѣдніе археологи уже только ссылались на списокъ Сарницкаго. Надпись однако не исчезла, какъ и вообще византійская живопись, которою украшена эта часовня. Недавно бывшее Краковское Ученое Общество озаботилось возобновленіемъ этой замѣчательной часовни. Консерваторъ древностей великаго княжества Краковскаго Павелъ Попель, профессоръ археологіи Іосифъ Лепковскій, знаменитый живописецъ Матейко и архитекторъ, извѣстный археологъ, академикъ Ѳеофилъ Жебравскій усердно занялись этимъ дѣломъ. Галицкій народный сеймъ опредѣлилъ весьма порядочную сумму на возобновленіе; къ этому подоспѣли частныя приношенія (въ особенности Попеля)—и возобновленіе часовни почти уже окончено. Съ самаго начала, послѣ надлежащей и тщательной очистки живописи и надписей, снята была точная копія на прозрачномъ холстѣ (калька). Громадный этотъ трудъ исполненъ съ особеннымъ усердіемъ и тщательностью талантливымъ художникомъ Людовикомъ Лепковскимъ, а затѣмъ приступлено къ возобновленію, что и исполнено знатокомъ византійской живописи, долго изучавшимъ ее на востокѣ, Исидоромъ Яблонскимъ *.

Точную копію этой надписи, въ томъ видѣ, какъ она найдена послѣ отчистки и потомъ возобновлена, при семъ представляю.

Кеппенъ, осматривавшій эту часовню, когда она еще была въ плачевномъ видѣ, относилъ видѣнную имъ живопись къ XIV столѣтію **). Того же мнѣнія были и нѣкоторые другіе археологи ***). Историки

*) Къ сожалѣнію, такое прекрасное намѣреніе возстановить эту часовню и древнюю ея стѣнопись съ величайшимъ тщаніемъ и археологическою точностію, не вполнѣ осуществилось. Стѣнопись возстановлена, но сдѣлано много промаховъ противъ правилъ иконописанія и противъ правописанія надписей. Такъ напримѣръ, Св. Ѳеодосій Печерскій представленъ въ бѣлыхъ ризахъ, а вмѣсто словъ архан. Гавріилъ написано: АР—ѲГПАНР; вмѣсто Силы, написано: шилы и т. д. У.

**) Списокъ русскимъ памятникамъ 1822 г. VIII, 109.—Откуда Кеппенъ почерпнулъ извѣстіе, что часовня сгорѣла въ 1320 году, не знаемъ.

***) Spominki hóstoryczni artestyczne. Biblioteka Warzsawska 1857, III. 557.

же мѣстные относятъ ее ко временамъ Казиміра Ягеллона, т. е. къ XV столѣтію *). Впрочемъ, легко предположить, что постройка часовни можетъ относиться ко временамъ Ягайлы, а только живопись сдѣлана во времена Казиміра, какъ удостовѣряетъ надпись.

Извѣстный галицкій историкъ Денисъ Зубрицкій прямо говоритъ, что это была греческая церковь св. Креста, но ошибочно относитъ основаніе ея къ 1071 году **). Въ то время некому было здѣсь строить греческую церковь. Путаница эта происходитъ оттого, что не умѣли правильно прочесть надписи, и притомъ объясненіе Сарницкаго многихъ ввело въ заблужденіе.

Живопись изображаетъ группы ангельскихъ хоровъ, соотвѣтственно литургическому канону: «Тебе Бога хвалятъ ангелы, архангелы, престолы, господства, начала, власти, силы» и проч. Эта пѣснь и на сводахъ; въ промежуткахъ между ними размѣщены группы ангеловъ. Живопись изображаетъ 46 цѣльныхъ фигуръ и 59 головокъ. Къ сожалѣнію, часть живописи и надписи сокрыта на стѣнѣ и сводахъ, при которыхъ, уже въ новѣйшее время, воздвигнутъ громадныхъ размѣровъ памятникъ краковскому епископу Солтыку. Впрочемъ, надобно полагать, что мысль, заявленная еще въ бывшемъ ученомъ обществѣ о томъ, чтобы перенести отсюда этотъ неуклюжій и вовсе не соотвѣтствующій величію этой истинно-художественной часовни памятникъ, будетъ осуществлена со временемъ, и тогда представится возможность открыть и остальную живопись съ надписями.

Въ этой-то часовнѣ воздвигнутъ памятникъ Казиміру Ягеллону, одно изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ художественныхъ произведеній знаменитаго Вита Ствоша. Здѣсь, наконецъ, воздвигнутъ мавзолей и королю Ягайлѣ, неизвѣстнаго художника, по отдѣлкѣ далеко не подходящій къ памятнику Казиміра.

Въ сѣверной части часовни можно замѣтить мѣсто, гдѣ была дверь, такъ что надобно думать, что входъ въ нее былъ снаружи. теперь задѣланный. Обѣ эти часовни, т. е. св. Троицы и св. Креста, воздвигнуты въ стилѣ такъ называемомъ средне-готическомъ.

*) Хромолитографическій рисунокъ приложенъ Гр. Пшездецкимъ: Wzory sztuki średniowiecznej.

**) Rys do Historyi narodu Ruskiego w Galicii. Lwow. 1837, стр. 25.

СЕЛО ПРЕЧИСТАЯ-КАМЕНКА

НОВОТОРЖСКАГО УѢЗДА.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ)

Д. Чл. А. К. Жизневскаго.

Древнее село «Пречистая-Каменка» находится на рѣчкѣ Каменкѣ, впадающей въ р. Осугу, на торговомъ пути изъ Вышняго-Волочка въ Ржевъ, въ 28-ми верстахъ отъ Торжка. Въ этомъ селеніи находится 78 дворовъ и 526 жителей обоего пола. Нынѣшняя каменная пятиглавая церковь, во имя Успенія Пр. Богодицы, построена въ 1697 г., иждивеніемъ прихожанъ, вмѣсто бывшаго здѣсь деревяннаго храма. Каменная колокольня пристроена къ этой церкви впослѣдствіи. Изъ оставшейся, должно быть, отъ прежняго храма деревянной колокольни устроено помѣщеніе для сторожки и училища. Въ прежнее время, какъ упоминается въ вѣдомости, съ переписныхъ 1700 г. книгъ, находился здѣсь монастырь. До отобранія населенныхъ имѣній отъ монастырей и церквей, къ церкви села Причистой-Каменки было приписано 162 души крестьянъ; почему по штатамъ она была включена въ число соборовъ *).

---

*) Изъ дѣлъ Тверской Духовной Консисторіи видно: по штатамъ 1764 года, въ числѣ 22 соборовъ (владѣвшихъ болѣе 20 душъ крестьянъ) показанъ соборъ села Пречистой-Каменки. Объ немъ сказано:

«1) Между 22 соборовъ, во Ржевѣ Успенскій на Каменкѣ.

При немъ положено:

Протопопъ.	1	жалованья.	20	руб.
Священниковъ.	2	« « «	по 20	—
Діаконъ.	1	« « « «	15	—
Дьячекъ.	1	« « « «	10	—
Пономарь	1	« « « «	10	—

Въ томъ же росписаніи показано:

«2) Между 5 соборовъ:

Во Ржевѣ Успенскій же, при немъ положено:

Священникъ.	1	жалованья.	20	руб.
Дьячекъ	1	« « «	10	—
Пономарь	1	« « «	10	—

Кромѣ сего, пожаловано, въ видѣ особаго монаршаго благоволенія, сверхъ штата, соборамъ Успенскому на Каменкѣ. . . 15 руб.
и Успенскому во Ржевѣ. . . . . 10 —

Но въ 1775 г., по представленію преосвященнаго Платона, члена Святѣйшаго Синода, бывшаго тверскаго архіепископа, Высочайшею Собственноручною Ея Императорскаго Величества конфирмаціею, повелѣно: Положенное при Успенскомъ Соборѣ, что̀ на Каменкѣ, число священноцерковнослужителей и на оныхъ жалованье переложить на градской Успенскій соборъ что̀ во Ржевѣ, а положенное по Ржевскому собору переложить на Успенскій, что̀ на Каменкѣ.

Въ этой церкви сохранились слѣдующіе древніе предметы: колоколъ 1526 г., нѣсколько иконъ, священническая фелонь, стихарь и воздухи. Означенный колоколъ, вѣсомъ $7^1/_2$ пуд., довольно звонокъ, имѣетъ форму усѣченнаго конуса, темнаго цвѣта. На немъ имѣется нижеслѣдующая вполнѣ сохранившаяся надпись: «лѣта ѕ҃ад мѣсяца ꙗнваря̀ бо́жїею милостїю и҆ пречи́стыꙗ є҆го̀ богоматери честнаго̀ и҆ славнаго̀ є҆ѧ̀ ᲂу҆спе́нїꙗ по́мощїю а҆ми́(нь) въ ѕ҃ день на крещенїе господне сами́ты быꙗ сїи̑ ко́локолы въ пременнитомъ и҆ сла́вномъ гра́дѣ пско́вѣ во ѻ҆́бласть богоспасе́маго̀ гра́да торжкъ. коне́цъ лѣтопи́сца смотри̑ на бо́льшо́мъ ко́локолѣ». Въ этой надписи, между словами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, находятся небольшіе осьмиконечные кресты и кружки съ изображеніями. Въ 12 небольшихъ кружкахъ, величиною $^3/_4$ дюйма, изображены знаки зодіака, а именно: вверху помѣщены—овенъ, телецъ, близнецы и ракъ, а внизу—остальные восемь. Кромѣ сего, послѣ словъ: «въ 6-й день», находится въ кругѣ, величиною $^3/_4$ дюйма, изображеніе старческаго лица. Не есть ли это изображеніе Януса, употребленное для означенія мѣсяца января?

Меньшаго колокола нѣтъ. Объ исчезновеніи его сохранилось между крестьянами слѣдующее преданіе. «Товарищъ нашему колоколу, какъ сказывали наши старики», объяснялъ мнѣ одинъ пожилой крестьянинъ, «ушелъ, должно быть, на Баранью Гору *). Это случилось, будто бы, такъ. Однажды пономарь, отворивъ дверь на колокольню, увидѣлъ, какъ колоколъ катится съ лѣстницы. Тутъ пономарь, притворивъ дверь и задвинувъ засовъ, созвалъ народъ, которымъ снова былъ поднятъ колоколъ на колокольню. Но послѣ того снова исчезъ колоколъ, и никто уже его не видѣлъ. Божіимъ дѣломъ это случилось!» Есть однако молва, что меньшой колоколъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, перелитъ въ г. Твери, на колокольномъ заводѣ.

Въ числѣ древнихъ иконъ въ церкви села Пречистой-Каменки находится запрестольная икона Знаменія Божіей Матери, въ басменномъ окладѣ. Эта икона почитается народомъ за явленную. Она находилась здѣсь еще во время литовскаго разоренія. Преданіе сохранило повѣствованіе объ одномъ чудѣ, совершившемся тогда надъ ляхами, ругавшимися надъ святынею. Они ослѣпли и перебили другъ друга. Чудо это помѣщено въ одной книгѣ, подъ заглавіемъ: «Пресвѣтлая звѣзда, или о чудесахъ Божіей Матери», гл. 15-я, чудо 5-е. **)

По благочиннической же вѣдомости 782 г. въ Успенскомъ соборѣ, что̀ на Каменкѣ, показано:

Священниковъ	2
Діаконъ	1
Дьячковъ	2
и Пономарей	2

Приходскихъ дворовъ показано 286 и отмежевано земли 26 десятинъ.

*) Такъ называется село въ 9-ти верстахъ отъ Пречистой Каменки.

**) Свѣдѣніе это доставлено священникомъ В. П. Успенскимъ.

На счетъ явленія этой иконы, преданіе утверждаетъ, что икона явилась на находящейся возлѣ самаго села сопкѣ,—такъ называется земляное возвышеніе. Священники, обрадованные явленіемъ иконы, внесли ее въ церковь, но это не угодно было Владычицѣ, и икона, продолжаетъ преданіе, исчезла изъ церкви и появилась подъ Москвою, въ Красномъ Холму, гдѣ и списана съ явленной иконы копія, которая и находится нынѣ въ Пречистой-Каменкѣ.

Кромѣ образа Знаменія, есть двѣ древнія мѣстныя иконы: Успенія Богородицы и Спасителя, сѣдящаго на престолѣ. Эти иконы—временъ царя Ивана Васильевича Грознаго *). Мѣстный священникъ передалъ мнѣ, что до 1859 г. на этихъ иконахъ былъ окладъ изъ толстой мѣди, мелкой чеканной работы, съ вычеканенными на нихъ надписями: «сія риза чеканена при царѣ Иванѣ Васильевичѣ». Но старшій священникъ, вмѣстѣ со старостою, распорядились замѣнить ихъ ризами накладнаго серебра, при чемъ старыя ризы отдали мастеру, который обратилъ ихъ въ ломъ. Кромѣ этихъ иконъ, есть также древняя рѣзная икона Святителя Николая (Можайскаго), величиною около аршина, вдѣланная въ доску, на которой изображены чудеса. Эта икона, какъ говоритъ преданіе, находилась до литовскаго разоренія въ церкви близъ деревни Горицъ (нынѣ сельцо), въ 4-хъ верстахъ отъ села Пречистой-Каменки, но послѣ разоренія церкви поступила въ храмъ села Каменки. Отсюда въ настоящее время эта икона подымается жителями сельца Горицъ въ дома для молебновъ.

Упомянутыя выше древнія облаченія, священническая фелонь и стихарь, сдѣланы изъ краснаго атласа, съ наплечіемъ зеленаго бархата, шитымъ золотомъ. На наплечіи вышиты не большіе двухглавые орлы и какія-то бѣлыя птицы.

Въ ризницѣ находятся также три шитыхъ воздуха. Одинъ—атласный зеленый, окаймленный краснымъ атласомъ, а по оному узкимъ золотымъ гасомъ; на атласѣ, по срединѣ, вышитъ серебромъ, съ примѣсью черного шелка, гробъ Господень, а во гробѣ изображенъ бѣлымъ шелкомъ Іисусъ Христосъ лежащимъ, и кругомъ вышита золотомъ надпись: «Во гробѣ плотски, во адѣ же».... и проч. На другомъ покровѣ, по срединѣ, вышито бѣлымъ шелкомъ и серебромъ изображеніе Іисуса Христа въ видѣ Агнца въ чашѣ, шитой золотомъ и серебромъ; надъ нимъ вверху Господь Саваоѳъ и Духъ Святый въ видѣ голубя, по сторонамъ два ангела съ рипидами, по угламъ

*) По видимому, икона Спасителя была подновлена. Иконописецъ, который приглашенъ былъ для возобновленія этой иконы, по словамъ преданія, отозвался: «для того, чтобъ написать такую икону, нужно цѣлый мѣсяцъ имѣть постъ и кротость»; но по слабости своей, онъ отказался.

два серафима и два херувима. Всѣ эти изображенія шиты золотомъ и серебромъ, съ надписью на каймѣ: «пріидите, ядите, сіе есть тѣло мое», и проч. На третьемъ, по срединѣ, вышито серебромъ и золотомъ Знаменіе Божіей Матери, съ четырьмя вокругъ херувимами, а по угламъ—евангелистами, съ надписью кругомъ: «Владычица, пріими молитву рабовъ твоихъ», и проч. Все шитье, какъ изображеній, такъ и надписей, сдѣлано весьма отчетливо и искусно. Означенныя облаченія и воздухи, какъ объясняетъ мѣстный священникъ, опирающійся на преданіе, вышиты царевною Софіею, во время заточенія ея въ монастырѣ *). Но по словамъ одного причетника, находящагося при этой церкви около 50-ти лѣтъ, означенное облаченіе, какъ равно и бывшее другое, подобное же, только изъ бѣлаго атласа съ шитыми такъ же орлами,—по преданію, присланы въ даръ царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Упомянутыя фелони, подобно употребляемымъ въ древности, были круглыя; но лѣтъ 30 или 40 тому назадъ, по словамъ того же старика причетника, подрѣзаны спереди, для удобства въ служеніи. Въ одномъ стихарѣ съ подобнымъ шитымъ оплечіемъ, по ветхости стихаря, былъ погребенъ діаконъ этой церкви. Есть такъ же въ церкви два евангелія, печатанныя въ Москвѣ: одно въ полулистъ, на полубѣлой бумагѣ, въ 1663 году; другое въ большой листъ, на бѣлой бумагѣ, въ 1698 году.

Въ селѣ Пречистой-Каменкѣ и на земляхъ, прилегающихъ къ этому селу, находится 11-ть каменныхъ крестовъ. Я видѣлъ четыре такихъ четырехконечныхъ креста, одинъ въ церковной оградѣ, другой за селомъ, на дорогѣ къ деревнѣ Козловой, третій направо отъ этой дороги, въ полѣ (по направленію къ р. Каменкѣ), и четвертый на такъ называемой сопкѣ. Каменные кресты, величиною около аршина, толщиною болѣе 6-ти вершковъ, высѣчены изъ краснаго гранита. На нихъ имѣется изображеніе осьмиконечнаго креста, съ надписями—сверху: ЦРЬ СЛ҃ВЫ, и съ боковъ: ІСКС ХС҃О І. Н. Ц. ІК. Остальныхъ семи каменныхъ крестовъ я не успѣлъ видѣть, по случаю бывшаго въ то время проливнаго дождя. Говорятъ, былъ еще 12-й каменный крестъ, находившійся за рѣкою Каменкою, на землѣ сосѣднихъ крестьянъ; но они рѣшились скрыть его, изъ опасенія, чтобы этотъ крестъ не послужилъ крестьянамъ села Каменки доказательствомъ на принадлежность имъ той земли, на которой водруженъ крестъ. Мѣстное преданіе относитъ каменные кресты ко времени царя Ивана Грознаго.

Къ означеннымъ крестамъ, съ давняго времени, въ праздникъ Преполовенія совершается крестный ходъ. Объ этихъ крестахъ сохрани-

*) Подъ именемъ схимницы Елены.

лись различныя преданія. Одно преданіе говоритъ, что царь Иванъ Васильевичъ Грозный, намѣреваясь построить здѣсь городъ, поставилъ 12-ть каменныхъ крестовъ, донынѣ существующихъ, для означенія мѣстъ, на которыхъ предполагалось построить храмъ (Списокъ населенныхъ мѣстъ Тверской губерніи, XIX стр.). Другое преданіе, слышанное мною на мѣстѣ, повѣствуетъ, что царица (супруга Іоанна Грознаго), проѣзжая чрезъ село Пречистую-Каменку и почувствовавъ приближеніе родовъ, сдѣлала обѣтъ, что если она благополучно родитъ сына и онъ будетъ живъ, то построитъ на этомъ мѣстѣ городъ. Царица родила дочь,—и вмѣсто города поставила каменные кресты, знакъ безсмертной славы *), на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось построеніе церкви. Третіе преданіе говоритъ, что кресты эти поставлены на могилахъ православныхъ, погибшихъ во время литовскаго разоренія. Также есть предположеніе, не поставлены ли означенные кресты во время какого либо мороваго повѣтрія.

У самаго села, за огородами священноцерковнослужителей, находится небольшое продолговатое, овальное возвышеніе, называемое сопкою, разстояніемъ отъ церкви въ 80-ти саженяхъ, длиною около 20-ти саж. и шириною болѣе 7-ми саж.; на этомъ возвышеніи, какъ упомянуто выше, находится каменный крестъ. Около сопки имѣются слѣды рва и небольшаго вала, окружавшаго этотъ ровъ. Это возвышеніе все изрыто. Разсказываютъ, что одинъ изъ бывшихъ въ этомъ селѣ священниковъ, которому по раздѣлу церковной земли досталось это мѣсто, изрылъ его, отыскивая клады; но находилъ только множество костей. Кромѣ сего, мѣстные крестьяне берутъ съ этой сопки, для своихъ потребностей, песокъ; причемъ такъ же находятъ человѣческія кости. Между старожилами сохранилось преданіе, что на этомъ мѣстѣ было кладбище и часовня, которая разрушена во время литовскаго разоренія. Означенная сопка, по всему вѣроятію, должна быть принята за остатки славянскаго городка или городища, на которомъ впослѣдствіи могло быть устроено кладбище, какъ объ этомъ упоминаетъ преданіе.

При составленіи настоящей записки я воспользовался свѣдѣніями, обязательно доставленными, по моей просьбѣ, мѣстнымъ священникомъ В. Е. Константиновскимъ, который, между прочимъ, слышалъ, что были рукописи, принадлежащія церкви, въ которыхъ заключались вышеизложенныя свѣдѣнія, но, къ сожалѣнію, онѣ сгорѣли въ домѣ одного причетника, которымъ были взяты изъ церкви для прочтенія.

*) Слова мѣстнаго старожила, объяснявшаго мнѣ значеніе каменныхъ крестовъ.

Николай Михайловичъ Потуловъ

и

ЕГО ТРУДЫ ПО РАЗРАБОТКѢ ДРЕВНЕЦЕРКОВНАГО РУССКАГО ПѢНІЯ.

Д. Чл. Д. В. Разумовскаго.

Николай Михайловичъ Потуловъ, членъ сотрудникъ Русскаго Музыкальнаго Общества и дѣйствительный членъ Общества древнерусскаго искусства, занимаетъ въ новѣйшей исторіи церковнаго пѣнія почетное мѣсто своими обширными трудами надъ древнимъ пѣніемъ Православной Греко-россійской церкви. Къ такимъ трудамъ принадлежитъ, между прочимъ, предлагаемая здѣсь «Литургія св. Іоанна Златоустаго» и лѣвый ликъ изъ «Литургіи св. Василія Великаго», кіевскаго роспѣва.

Главная мелодія въ этомъ духовно-музыкальномъ твореніи (верхній голосъ) представляетъ собою точное воспроизведеніе печатныхъ богослужебныхъ книгъ Православной церкви, издаваемыхъ по благословенію Свят. Правительствующаго Сѵнода: она—ни расширена, ни сокращена и не измѣнена противъ подлинника своего. Г. Потуловъ старался преимущественно о томъ, чтобы въ массѣ придаточныхъ голосовъ сохранить музыкальное единство и строгое подчиненіе главной мелодіи. Онъ, гармонизируя церковный напѣвъ, ограничивается единственно консонансными аккордами почти всегда на тоникѣ или на ея терціи (медіантѣ), безъ всякихъ задержаній и предъемовъ (антиципацій) *).

Кн. В. Ѳ. Одоевскій, въ свое время подробно разбиравшій духовно-музыкальные труды г. Потулова, находилъ ихъ замѣчательными во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ писалъ о г. Потуловѣ: «его гармонизація **) нашихъ исконныхъ напѣвовъ, вполнѣ правильная по существующимъ для музыки общимъ естественнымъ законамъ, не имѣетъ нужды прибѣгать къ тѣмъ музыкальнымъ обычаямъ, которые ввелись на западѣ въ свѣтскую музыку (болѣе пятисотъ лѣтъ послѣ той эпохи, когда создались наши церковные напѣвы), и изъ свѣтской музыки перешли цѣликомъ въ музыку Латинской церкви. Гармонизація г. Потулова не имѣетъ нужды измѣнять ни насколько церковную мелодію, что̀ неизбѣжно, когда перелагатель рѣшается подсластить ее разными гармоническими хитростями, принадлежащими только и единственно музыкѣ свѣтской, оперной, драматической. Въ гармонизаціи г. Потулова сохранена, какъ святыня, каждая нота Сѵнодскихъ изданій и самый способъ ея соединенія съ словами (текстомъ свящ. пѣснопѣній); созвучія (аккорды) просты и вполнѣ сливаются съ напѣвомъ, не затмѣвая его; движеніе спутниковъ (контрапунктъ) не требуетъ исключительныхъ пѣвческихъ голосовъ или особыхъ талантовъ; всякій, сколько нибудь учившійся пѣнію, у кого есть хоть восемь нотъ въ голосѣ, не болѣе, можетъ участвовать въ хоровомъ исполненіи такихъ напѣвовъ; притомъ созвучія составлены такъ, что пѣніе можетъ исполняться, если угодно, лишь двумя голосами (напр. верхнимъ голосомъ и басомъ); прибавится третій—тѣмъ лучше; прибавится четвертый—еще лучше, еще полнѣе. Положимъ, что на клиросѣ не болѣе четырехъ, трехъ, даже двухъ человѣкъ: если поютъ они вѣрно, безъ прикрасъ, пѣніе достигаетъ назначенной ему цѣли;

---

*) Труды перваго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ, 1869 г. М. 1871 г., т. 2, л. 478, 479.

**) Употребляю это слово, чтобы избѣгнуть слова переложеніе, которое имѣетъ смыслъ сбивчивый и заставляетъ думать, что въ работу введено что либо ей чуждое (Прим. кн. Одоевскаго).

на клиросѣ до ста человѣкъ—пѣніе не измѣняется, а только дѣлается болѣе величественнымъ; но необходимости пѣть непремѣнно въ четыре голоса, необходимости имѣть въ своемъ распоряженіи многочисленный хоръ, какъ въ музыкѣ по новозападнымъ началамъ—здѣсь нѣтъ».

«Не нужно заботиться о томъ, есть ли у тенора si bemol, что̀ у такъ называемыхъ любителей музыки считается верхомъ музыкальнаго благополучія;—не обратятся ли у сопрано высокія ноты въ пискливый крикъ, которымъ насъ такъ часто угощаютъ?—У Потулова голоса̀, сообразно области церковной мелодіи, не выходятъ изъ естественныхъ предѣловъ, не насилуютъ ее, не искажаютъ безсмысленными прикрасами. Въ исполненіи его гармонизаціи нѣтъ той нелѣпости, которою такъ часто оскорбляется наше и благоговѣйное и художественное чувство. Мы не осуждены слушать пѣніе написанное для исключительныхъ голосовъ и для отлично ученыхъ пѣвцовъ,—а большею частію должны слушать пѣніе исполненное голосами самыми обыкновенными, или пѣвцами, поющими болѣе по инстинкту, нежели по наукѣ. Гармонизація Потулова въ точности совпадаетъ съ этимъ, свойственнымъ каждому пѣвцу, инстинктомъ, или, лучше сказать, съ тѣми естественными законами созвучій, которые врождены природою въ человѣка, доступны всякому, имѣющему въ груди хоть восемь звуковъ, и не нуждаются въ особой хитрости искусства. Такъ и слѣдуетъ быть музыкѣ, употребляемой въ церковномъ богослуженіи, особливо въ приходскихъ церквахъ, гдѣ большею частію на клиросѣ, при канонически поставленномъ пѣвцѣ, поютъ міряне по усердію, а не ради концертнаго блеска».

«Прибавимъ еще, что въ гармонизаціи Потулова каждое слово свящ. пѣснопѣнія ясно, отдѣльно слышится мірянамъ, и такимъ образомъ достигается цѣль, которую неоспоримо имѣли древніе отцы, создатели нашего церковнаго пѣснопѣнія, вводя въ напѣвы самыя простыя движенія нотъ, и ограничивая ихъ мелодическую область большею частію пятью и даже четырьмя звуками. Въ этомъ духѣ и направленіи гармонизированы Н. М. Потуловымъ главнѣйшіе отдѣлы нашего церковнаго круга; трудъ добросовѣстный, священно-художественный, трудъ многотрудный: ибо немалая была рѣшимость, въ работѣ столь огромной, механически тяжкой, отречься отъ удобствъ, представляемыхъ для гармонизаціи музыкою свѣтскою,—отречься отъ желанія увлечь слушателей опернымъ эффектомъ и выдержать во всей работѣ строгій, трезвый характеръ нашего церковнаго пѣснопѣнія, со всѣми его стѣснительными для нынѣшняго композитора условіями»*).

Всѣ эти мысли о духовно-музыкальныхъ трудахъ г. Потулова вполнѣ

*) День. М. 1864 г. № 17, статья кн. В. Ѳ. Одоевскаго: «Къ вопросу о древнерусскомъ пѣснопѣніи».

соотвѣтствовали существу самаго дѣла и вполнѣ вѣрно указывали на ту цѣль, къ которой стремился самъ композиторъ. «Я не думаю, писалъ онъ, чтобы въ настоящее время можно было возвратиться къ древнимъ греческимъ ладамъ, къ которымъ относится наше древнее пѣніе. Ухо наше такъ привыкло къ извѣстнымъ сочетаніямъ звуковъ и музыкальнымъ эффектамъ, что пѣть въ строгомъ греческомъ ладѣ было бы, по мнѣнію моему, то же, что говорить по-русски языкомъ отдаленныхъ столѣтій. Думаю также, что врядъ ли возможно слѣдовать за великими художниками западной церковной музыки, не исказивъ значенія нашего пѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣжденъ, что при богослуженіи нашемъ потребно пѣніе иного характера, иного строя, чѣмъ то, какое слышимъ въ нашихъ церквахъ. При такихъ убѣжденіяхъ и взглядѣ моемъ на древнее и существующее церковное гармоническое пѣніе наше, я осмѣлился взяться за трудъ не съ тѣмъ, чтобы преобразовать пѣніе наше,—этотъ удѣлъ можетъ достаться только какому нибудь вдохновенному таланту, генію,—но съ тѣмъ, чтобы вызвать хотя сужденія объ этомъ важномъ и многолюбимомъ мною предметѣ. Здѣсь я долженъ сказать, что въ переложеніи моемъ я не старался быть музыкальнымъ; ибо, по моему мнѣнію, въ древнемъ пѣніи нашемъ должно искать не музыки, а только выраженія того чувства, которое воодушевляетъ православнаго христіанина въ ту или другую минуту церковной службы. Я не находилъ возможнымъ всегда строго держаться греческихъ ладовъ, заботился преимущественно о сохраненіи въ цѣлости нашей обиходной ноты, избѣгалъ страстныхъ музыкальныхъ аккордовъ, пораждаемыхъ малыми седьмыми нотами, дѣйствующихъ на нервы и, по моему мнѣнію, мало приличныхъ тамъ, гдѣ человѣкъ ищетъ благоговѣйнаго, молитвеннаго настроенія» *).

Первые опыты своей гармонизаціи г. Потуловъ исполнялъ въ своемъ сельскомъ храмѣ (село Елизино, Пензенской губ.), собственнымъ хоромъ пѣвчихъ,—остаткомъ того великолѣпнаго хора, который, по господствовавшему въ то время обычаю, составилъ родной дядя его, Григорій Александровичъ Потуловъ. Этотъ хоръ въ половинѣ настоящаго вѣка, при дѣятельномъ участіи Н. М., сохранялъ еще въ себѣ слѣды если не прежней численности, то прежняго благоустройства. Преосвященный Варлаамъ, вскорѣ по вступленіи своемъ на Пензенскую каѳедру **), посѣтилъ село Елизино и, выслушавъ хоровое исполненіе переложеній г. Потулова, былъ пріятно пораженъ и состоя-

*) Собственноручная записка Н. М. Потулова находится между бумагами кн. В. Ѳ. Одоевскаго въ библіотекѣ Московской Консерваторіи.

**) Высокопреосвященнѣйшій Варлаамъ (Успенскій) былъ архіепископомъ Пензенскимъ съ 4 дек. 1854 г. по 7 октября 1862 г.; см. «Списки архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ іерархіи всероссійской» Ю. Толстаго. Спб. 1872 г., стр. 40 и 117.

ніемъ сельскаго хора, и церковнымъ характеромъ исполняемыхъ имъ переложеній. Это было около 1857 г. Съ этого времени почти десять лѣтъ г. Потуловъ постоянно усовершалъ свои духовно-музыкальныя работы, и только изрѣдка знакомилъ съ ними любителей церковнаго пѣнія. Хотя всѣ эти испытанія переложеній происходили въ Москвѣ, гдѣ г. Потуловъ находился на службѣ, но они все-таки были ни болѣе ни менѣе, какъ испытаніями частными, въ ограниченной средѣ немногихъ слушателей и любителей церковной древности. Съ пріѣздомъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго въ Москву въ 1862 г., составилось небольшое общество, оживленное любовію къ древнерусскому искусству и преимущественно къ русской музыкѣ и православному русскому богослужебному пѣнію. Здѣсь-то возникло прочное убѣжденіе, что кабинетныя занятія, при всей своей многоплодности, не могутъ достигать своей цѣли дотолѣ, пока православный русскій народъ не узнаетъ объ нихъ, не услышитъ ихъ и не составитъ объ нихъ своего сужденія. Занятія г. Потулова, по своему практическому направленію, болѣе всего имѣли нужду въ такомъ обсужденіи. Такъ явилась мысль исполнять переложенія г. Потулова въ храмѣ, при богослуженіи. Для осуществленія ея испрошено было архипастырское разрѣшеніе высокопреосвященнѣйшаго митрополита Московскаго, приглашенъ хоръ Сѵнодальныхъ пѣвчихъ *)—и изъ всѣхъ трудовъ г. Потулова избрано было переложеніе литургіи св. Іоанна Златоустаго, древняго кіевскаго напѣва.

Торжественное исполненіе переложеній г. Потулова при общественномъ богослуженіи началось 19 января 1864 г. въ одной изъ приходскихъ московскихъ церквей, и продолжалось въ ней непрерывно до 23 апрѣля того же года включительно **). Оно произвело самое сильное

*) Подъ управленіемъ регента И. В. Виноградова. Виноградовъ, сынъ дьячка, родился въ 1824 г.; обучался первоначально въ московскомъ Высокопетровскомъ духовномъ училищѣ; по увольненіи изъ него, опредѣленъ въ 3 станицу Сѵнодальнаго хора 18 марта 1837 г., и въ томъ же году 5 окт. посвященъ въ стихарь. За спаденіемъ съ голоса исключенъ изъ хора 1842 г. 30 янв., и чрезъ восемь лѣтъ потомъ (1850 г. 30 мая) снова опредѣленъ въ Сѵнодальный хоръ во 2-ю станицу, для обученія малолѣтнихъ пѣвчихъ; въ 1854 г. 19 ноября командированъ въ Придворную пѣвческую капеллу для приготовленія въ регенты и, по возвращеніи оттуда съ регентскимъ № 2 аттестатомъ, 19 ноября 1855 г. опредѣленъ исправляющимъ должность регента, а потомъ и дѣйствительнымъ регентомъ московскаго Сѵнодальнаго хора (Арх. Моск. Св. Синода Конторы. Дѣло 1857 г. № 69, о мѣрахъ къ усовершенствованію московскаго Синод. пѣвческаго хора). И. В. съ 1866 г. оставилъ службу при хорѣ и въ 1870 г. скончался.

**) Между замѣтками г. Потулова, оставшимися нынѣ во владѣніи супруги его Е. А. Потуловой, сохранилась слѣдующая: «Литургія древняго кіевскаго роспѣва исполнена въ первый разъ въ Москвѣ въ церкви св. Георгія, что близь Кудрина, на Всполье, по благословенію высокопреосвященнѣйшаго Филарета митрополита московскаго, 19 янв. 1864 г., хоромъ Синодальныхъ пѣвчихъ. Въ присутствіи владыки она исполнена въ залѣ его 24 февраля, и повелѣно пѣть въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ и исполнена въ первый разъ полнымъ хоромъ Синодальныхъ пѣвчихъ 15 марта того же 1864 года».

впечатлѣніе на всѣхъ слушателей, къ какому бы званію и состоянію они ни принадлежали *): были ли то православные, иновѣрцы, или даже простые чтители мнимо-русской церковной древности. Всѣ они осязательно чувствовали въ гармонизаціи г. Потулова глубокую христіанскую древность, ту могучую силу пѣнія, по которой оно освящено Отцами церкви для богослужебнаго употребленія. «Всѣмъ памятенъ», писалъ потомъ одинъ благочестивый слушатель, «всѣмъ памятенъ тотъ годъ, когда въ приходской Московской церкви, съ благословенія митрополита Филарета и, прибавимъ, съ одобренія присутствовавшаго кн. Одоевскаго, хоромъ московскихъ Сѵнодальныхъ пѣвчихъ, подъ управленіемъ Потулова исполнены были пѣснопѣнія въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ церковныхъ службъ, предъ многочисленными, удивленными и умиленными слушателями. То были собственно тѣ же пѣснопѣнія, какія мы читаемъ въ изданіи св. Синода; но въ ихъ исполненіи мы съ отраднымъ изумленіемъ встрѣтили уже духъ отдаленной древности, сочетавшійся съ условіями текущей нашей минуты. Образцы эти оцѣнилъ строгій умъ и высокій даръ почившаго Московскаго іерарха: православное чувство встрѣчало ихъ неподдѣльными слезами самаго простонародья при повтореніи въ Успенскомъ соборѣ. Съ тѣхъ поръ мы еще, слава Богу, не лишены права хотя по временамъ, хотя великимъ постомъ горячо молиться ихъ душою, словами и звуками; съ тѣхъ поръ въ Москвѣ, больше и больше расширяясь по кругамъ пѣвческимъ, навсегда остались извѣстны и чтимы такъ называемыя переложенія Потуловскія, или правильнѣе, подлинные образцы нашего храмоваго пѣнія въ условной ихъ гармонизаціи, какая только законна и возможна по своеобразнымъ особенностямъ нашей старины» **). Переложенія г. Потулова исполнялись потомъ довольно часто и не въ одной Москвѣ ***), а и въ другихъ городахъ православнаго Русскаго царства; они всегда и вездѣ оставляли по себѣ самое выгодное впечатлѣніе. Сельскій пастырь симбирской епархіи писалъ по этому случаю: «при неоднократномъ исполненіи переложеній г. Потулова съ небольшимъ хоромъ своихъ пѣвчихъ я замѣтилъ, что церковное пѣніе въ переложеніи г. Потулова дѣйстви-

---

*) Современные отзывы объ исполненіи переложеній г. Потулова находятся въ «Русск. Вѣдом.» 1864 г. № 18, въ статьѣ «Церковное пѣніе»; въ газетѣ «День» 1864 г., № 4: «Замѣтка о пѣніи въ приходскихъ церквахъ» и № 17 въ ст. «Къ вопросу о древнерусскомъ пѣснопѣніи».

**) П. А. Безсонова: «Знаменательные года и знаменитѣйшіе представители послѣднихъ двухъ вѣковъ въ исторіи русскаго церковнаго пѣснопѣнія». «Прав. Обозр.» 1872 г., январь, стр. 123, 124.

***) Переложенія г. Потулова исполнялись въ 1867 г. по случаю съѣзда Славянъ, въ 1869 г. для членовъ Археологическаго съѣзда и пр.

тельно производитъ неотразимое впечатлѣніе на простыя сердца и неиспорченный слухъ сельскихъ жителей» *).

Послѣ сего должно показаться весьма естественнымъ всеобщее желаніе видѣть переложенія г. Потулова въ печати: оно главнымъ образомъ принадлежало обществу слушателей, ревновавшихъ о распространеніи этого пѣнія **), и въ равной же степени поддерживалось обществомъ исполнителей богослужебнаго пѣнія, которымъ, кромѣ труда въ изученіи и исполненіи, предлежалъ еще нелегкій трудъ переписки своей партіи. Но всѣ эти желанія неожиданно встрѣтились съ препятствіями ***). Къ тому же, современныя обстоятельства, слѣ-

*) Письмо отъ 29 янв. 1874 г. находится нынѣ въ библіотекѣ Московской Консерваторіи, при бумагахъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго.

**) Въ журналѣ «День» 1864 г., въ статьѣ «О древнерусскомъ пѣснопѣніи», № 17, говорилось о трудахъ г. Потулова: «нельзя не пожелать, чтобы этотъ достойный во всѣхъ отношеніяхъ трудъ не замедлилъ явиться въ печати. Такое желаніе, сколько намъ извѣстно, заявляется большинствомъ публики, какъ слышавшей это пѣніе, такъ и не слышавшей его».

***) Они изложены въ письмѣ директора придв. Пѣвческой капеллы къ оберъ-прокурору св. Сѵнода отъ 10 мая 1865 г., № 194: «Высочайшими повелѣніями, сказано въ письмѣ, объявленными въ Указахъ 14 февраля 1816 г., 31 августа, 4 сентября и 10 декабря 1846 г. и въ маѣ 1850 года, и предписаніями г. министра Императорскаго Двора отъ 29 апрѣля и 23 августа 1846 года, возложены на директоровъ Придворной Пѣвческой Капеллы какъ цензура всѣхъ музыкальныхъ духовныхъ сочиненій, такъ и переложеніе и печатаніе всего круга стариннаго простаго церковнаго пѣнія и наблюденіе за правильнымъ пѣніемъ по изданнымъ по Высочайшему повелѣнію нотамъ. 2-го марта 1848 г. бывшимъ министромъ Императорскаго Двора кн. Волконскимъ подписанъ Высочайше утвержденный образецъ Обихода нотнаго пѣнія, съ добавленіемъ на немъ словъ: «собственность Капеллы». Съ того времени и до сихъ поръ початаются всѣ духовныя переложенія изъ обиходовъ на счетъ Капеллы и продаются желающимъ. А такъ какъ положенный въ правильную гармонію весь Обиходъ, по смыслу вышеозначенныхъ Высочайшихъ повелѣній, не можетъ быть измѣняемъ и перелагаемъ иначе, какъ по Высочайшему же повелѣнію: то ясно изъ того, что никакіе частные люди не могутъ ни перелагать простаго напѣва, ни печатать его и обращать въ свою пользу, точно такъ же, какъ и Обиходъ, взятый съ крюковаго пѣнія, Евангелія, Дѣянія Апостольскія и прочія изданія, употребляемыя при богослуженіяхъ, не могутъ быть частнымъ лицомъ издаваемы, кромѣ св. Сѵнода, котораго они составляютъ собственность. Музыкальныя же сочиненія, конечно, не подлежатъ этому правилу, и съ ними, какъ не входящими въ составъ Обихода, слѣдуетъ поступать, какъ изъяснено въ Высочайшихъ повелѣніяхъ, выше сего показанныхъ. Сверхъ того, согласно Высочайшему повелѣнію, объявленному г. министромъ Императорскаго Двора 5 марта 1847 г. за № 726, право обучать пѣнію въ церквахъ простому напѣву нотной музыки и сочинять новую можетъ имѣть только тотъ, кто выдержалъ въ Капеллѣ экзаменъ, и получилъ Высочайше утвержденный аттестатъ Придворной Капеллы, въ которой имѣется особый классъ для регентовъ, обязанныхъ по аттестату № 2 и 3 непремѣнно представлять переложенія изъ Обихода и вообще изъ всѣхъ крюковыхъ изданій, а по № 1, дается право сочинять. Слѣдовательно, если бы каждому ученику регентскаго класса дозволить употреблять свои переложенія, даже совершенно правильныя въ гармоническомъ отношеніи, а не такъ какъ употребляли пѣніе въ старину, когда гармонизація была въ дѣтствѣ, и даже, можно сказать, когда предки наши не имѣли о ней никакого понятія,—то вышло бы, что если бы 414 регентовъ, даже получившіе аттестаты и перелагавшіе обиходы, печатали хотя и на свой счетъ, то было бы 414 различныхъ напѣвовъ, не считая того безсмѣтнаго количества сочиненій и переложеній, которыя представляютъ мнѣ разные самоучки, воображающіе каж-

довавшія непрерывною и быстрою чередою сложились въ такомъ видѣ, что могли охладить самыя пламенныя желанія ревнителей церковной древности въ пѣніи. Вскорѣ скончался высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Московскій (1867 г.), покровительствовавшій г. Потулову и благословившій первое исполненіе ихъ въ Московскихъ храмахъ; скончался кн. В. Ѳ. Одоевскій (1869 г.), развившій въ современномъ обществѣ здравыя понятія о древнерусскомъ искусствѣ; скончался, наконецъ, и самъ дѣятель Н. М. Потуловъ (1873 г.), поставившій гармонизацію церковныхъ напѣвовъ на новый путь, совершенно неизвѣстный прежнимъ русскимъ композиторамъ-перелагателямъ.

По кончинѣ г. Потулова осталось немало переложеній,—плодъ многолѣтнихъ его занятій гармонизаціею богослужебныхъ напѣвовъ Православной Грекороссійской церкви. Въ числѣ ихъ находятся: 1) Воскресный Октоихъ, содержащій въ себѣ воскресныя стихиры, тропари и ирмосы на 8 гласовъ, разныхъ роспѣвовъ *); 2) Обиходъ разныхъ роспѣвовъ, состоящій изъ двухъ обширныхъ частей **);

дый о себѣ, что предметъ этотъ такъ легокъ, что онъ ему можетъ быть такъ же извѣстенъ, какъ и спеціалисту; а потому, такое послабленіе могло бы быть, между прочимъ, одною изъ причинъ къ распространенію раскола, точно также, какъ и не на своемъ мѣстѣ поставленная запятая, тогда какъ въ Высочайшихъ повелѣніяхъ, объявленныхъ г. оберъ-прокуроромъ св. Сѵнода 12 марта 1846 г. за № 2018 и г. министромъ Императорскаго Двора 5 марта 1847 г. за № 726 сказано, что Государь Императоръ повелѣть соизволилъ, чтобы пѣніе было повсюду единообразно, по изданнымъ отъ Придворной пѣвческой капеллы нотамъ, и если бы Государь Императоръ не имѣлъ этого въ виду, то во всѣхъ вояжахъ своихъ не приказывалъ бы отправлять впередъ своего уставщика, на обязанности котораго лежитъ приготовленіе какъ архіерейскихъ, такъ и другихъ хоровъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда Его Величество изволилъ пріѣзжать,—что было бы неисполнимо, если бы повсюду пѣніе не было бы единообразно съ употребляемымъ при Высочайшемъ Дворѣ». Подлинный списокъ находится въ библіотекѣ Московской Консерваторіи, между бумагами кн. Одоевскаго.

*) 1870 г. Въ этомъ Октоихѣ всѣ стихиры на «Господи воззвахъ», кромѣ богородичныхъ, изложены кіевскимъ роспѣвомъ, какъ простѣйшимъ, богородичны же—старымъ знаменнымъ или столповымъ. Тропари изложены греческимъ роспѣвомъ, и въ нѣкоторыхъ гласахъ—обычнымъ роспѣвомъ, согласно употребленію, принятому на практикѣ; ирмосы изложены знаменнымъ, греческимъ и обычнымъ, также согласно употребленію. Кромѣ того, въ каждомъ гласѣ приложено по одной самогласной стихирѣ малаго знаменнаго роспѣва, по образцу которой могутъ быть исполняемы всѣ прочія стихиры тѣмъ же роспѣвомъ.

**) 1870 г. Въ первой части Обихода помѣщены: литургія св. Іоанна Златоустаго и лѣвый ликъ изъ литургіи св. Василія великаго, всенощное бдѣніе, пѣснопѣнія св. великой Четыредесятницы (изъ часовъ, вечерни, литургіи преждеосвященныхъ Даровъ и великаго повечерія), пѣснопѣнія изъ утренней службы и паннихида. Во второй части Обихода собраны пѣснопѣнія разныхъ роспѣвовъ, антифоны, пѣснопѣнія вмѣсто Трисвятаго, прокимны дневные, пѣснопѣнія вмѣсто Херувимской пѣсни; а также, въ праздники и нарочитые дни, антифоны, тропари, кондаки, прокимны и задостойники, также разныхъ роспѣвовъ. Въ этомъ Обиходѣ, какъ замѣтилъ самъ г. Потуловъ, «альтовый голосъ постоянно поетъ ноту древняго напѣва, прочіе же голоса сопровождаютъ его въ трехзвучномъ съ нимъ сочетаніи. Мѣстами альтъ падаетъ весьма низко, а за нимъ и прочіе сопровождающіе его голоса, чрезъ что

3) Служба и Трипѣснцы Страстной седмицы разныхъ роспѣвовъ; 4) Трипѣснцы во святый и великій постъ, разныхъ роспѣвовъ. Всѣ эти произведенія г. Потулова тщательно переписаны его собственною рукою и составляютъ нынѣ не болѣе, какъ одинъ историческій памятникъ частныхъ трудовъ, относящихся къ церковно-пѣвческой области.

Время и обстоятельства, какъ учитъ многолѣтній опытъ, распоряжаются съ подобными памятниками своеобразно. Начало нынѣшняго столѣтія обиловало многими духовно-музыкальными композиторами; и между тѣмъ въ настоящее время вовсе нѣтъ возможности отыскать хотя одно изъ ихъ произведеній. Всѣмъ извѣстны имена Дехтерева, Верстовскаго, Варламова, архимандрита Ѳеофана, какъ духовно-музыкальныхъ композиторовъ. Можно даже иногда видѣть ихъ музыкальныя произведенія; но всѣ они написаны или съ описками, или съ намѣренными и ненамѣренными исправленіями и искаженіями, и въ своемъ настоящемъ видѣ не имѣютъ достаточныхъ основъ поддерживать ту славу, какая по праву могла принадлежать ихъ композиторамъ.

Сохраненіе отечественныхъ памятниковъ, къ какой бы отрасли знанія они ни принадлежали, составляетъ честь всѣхъ ревнителей русской славы. Сохраненіе музыкальныхъ трудовъ г. Потулова въ цѣлости обязательно уже потому, что они имѣютъ за собою авторитетъ первичной важности; ибо, какъ мы сказали выше, всѣ они писаны рукою самаго композитора и наполнены его примѣчаніями, полезными для пѣвческихъ хоровъ и ихъ управителей или регентовъ. Изданіе трудовъ г. Потулова въ свѣтъ безъ сомнѣнія оживило бы народное искусство и, какъ заявлено было на первомъ Археологическомъ Съѣздѣ *), послужило бы навсегда образцомъ гармонизированнаго православнаго пѣнія, назначеннаго для исполненія въ церкви. Нѣтъ, разумѣется, причинъ представлять музыкальному генію опредѣленную норму для его свободныхъ дѣйствій. Но онъ вѣрнѣе и прочнѣе станетъ на свой творческій путь, когда историческими и археологическими данными познакомится съ дѣятельностію своихъ предшественниковъ, и такимъ образомъ избавится отъ труда повторять дѣла, совершенныя уже ими въ музыкальной области цер-

---

пѣніе весьма затрудняется. Это положеніе альта удержано здѣсь для того, чтобы быть совершенно вѣрнымъ нотѣ церковныхъ книгъ. Облегчить же исполненіе—въ рукахъ управляющаго хоромъ (регента). Стоитъ только пѣть одною или нѣсколькими нотами выше противъ написаннаго. Но во всякомъ случаѣ, при настоящемъ положеніи голосовъ и для сохраненія характера пѣнія, повышеніе возможно отнюдь не болѣе, какъ на полтора тона или на малую терцію, причемъ, конечно, должно сообразоваться съ голосовыми средствами пѣвцовъ».

*) См. Труды перваго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1869 г. М. 1871. г., т. II, л. 478—479.

ковнаго пѣнія. Во всякомъ случаѣ, можно утвердительно сказать, что обширные труды г. Потулова—или совершенный образецъ гармонизированнаго православнаго пѣнія, и тогда изданіе ихъ составляетъ великую заслугу для православной церкви, или—памятникъ обширной дѣятельности отечественнаго композитора, и тогда изданіе ихъ, по полнотѣ своей и типическимъ особенностямъ, составляетъ эпоху въ церковно-музыкальной лѣтописи, характеризуетъ современную дѣятельность въ области церковнаго пѣнія и честно и славно сохраняетъ имя отечественнаго дѣятеля, посвятившаго церковному пѣнію самую зрѣлую пору своей жизни и относившагося къ своему дѣлу не только съ любовію, но и съ благоговѣніемъ, какъ къ важному и высокому служенію Православной Грекороссійской церкви.

БИБЛІОГРАФІЯ

Катакомба съ фресками, найденная въ 1872 году близь Керчи и описанная Владиміромъ Стасовымъ. (Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1872 годъ, съ атласомъ. Спб., 1875 г. стр. 235—339; рисунки на табл. I—XVIII).

I.

Обзоръ изслѣдованія о фрескахъ керченской катакомбы.

А. А. Котляревскаго.

Изслѣдованіе В. В. Стасова представляетъ въ высшей степени замѣчательную попытку объясненія пантикапейскихъ древностей съ точки зрѣнія науки сравнительной археологіи: доселѣ содержаніе керченскихъ катакомбъ почти исключительно было разсматриваемо съ точки зрѣнія памятниковъ эллинскаго искусства и потому достигало только весьма неважныхъ результатовъ, такъ какъ художественныя и матеріальныя драгоцѣнности катакомбъ вообще незначительны; г. Стасовъ предлагаетъ попытку ихъ разсмотрѣнія съ точки зрѣнія исторической и этнологической: по его словамъ, «это—историческіе документы неоцѣненные. Они возстановляютъ то, о чемъ молчитъ исторія, что было пропущено на ея страницахъ, или что исчезло съ нихъ, стертое, затерянное или поблѣднѣвшее подъ могучимъ дыханіемъ вѣковъ». Обозрѣвъ кратко, что было сдѣлано по этому предмету его предшественниками, г. Стасовъ излагаетъ ходъ открытій катакомбы 1872 г. и безуспѣшность своихъ попытокъ сохранить ея фрески, нынѣ почти совершенно уничтоженныя, въ дождевое наводненіе въ 1874 г. Къ счастію, во-время и точно снятыя на полотно кальки могутъ вполнѣ замѣнить этотъ утраченный памятникъ. Изслѣдованіе свое г. Стасовъ начинаетъ съ общаго разбора катакомбы, а потомъ переходитъ къ разсмотрѣнію частностей ея фресокъ. Основная мысль его та, что главнѣйшія изъ нихъ—не греческаго, не римскаго, а восточнаго происхожденія. Употребленіе катакомбъ не есть способъ погребенія греческій, а семитическій, распространившійся изъ малой Азіи въ другія страны. Керченская катакомба 1872 г. представляетъ въ этомъ случаѣ

довольно рѣдкій типъ, соединяющій важнѣйшія азіатскія особенности этого способа погребенія, какъ-то: потолокъ со спусками отъ средины, углубленіе для гроба покойника, особыя лежанки для другихъ членовъ фамиліи, ниши островерхой формы для вещей домашняго обихода, лампъ и др. сосудовъ. Живописная орнаментація потолка и стѣнъ также рѣзко указываетъ на восточное происхожденіе катакомбы; таковъ черный бордюръ, по которому идетъ нить желтыхъ, нанизанныхъ бусовъ, другой бордюръ подъ двумя главными фресками, состоящій изъ бѣлыхъ и черно-желтыхъ параллелограмовъ, постоянное наполненіе фона орнаментами, имѣющими форму сердца и окрашенными красною краскою, а также и плющевиднаго листа. Изслѣдованію этихъ растительныхъ орнаментовъ авторъ посвятилъ нѣсколько интереснѣйшихъ страницъ своего труда, при чемъ онъ очень удачно имѣлъ случай коснуться вопроса о происхожденіи европейскихъ игральныхъ картъ и предложилъ нѣкоторыя новыя данныя и соображенія къ его рѣшенію. Г. Стасовъ приходитъ къ убѣжденію, что красныя сердцевидныя изображенія на фонахъ керченской катакомбы—это розовые цвѣтки, и объясняетъ присутствіе ихъ и плющевыхъ листьевъ на фонѣ усыпальницы покойника восточнымъ значеніемъ розы и плюща, какъ религіознаго символа любви и смерти. Восточное же происхожденіе имѣютъ и другія орнаменты фресковыхъ фоновъ, именно—звѣзды и пальмовыя вѣтки, имѣющія значеніе символа побѣды. Растительность, изображенная въ разныхъ мѣстахъ керченскихъ фресокъ, слишкомъ неопредѣленна и фантастична по своимъ очертаніямъ, чтобы позволить себѣ естественно-историческое или географическое пріуроченіе; г. Стасовъ видитъ въ ней вообще сходство съ мотивами восточнаго искусства. Предметамъ царства животныхъ на керченскихъ фрескахъ посвящено нѣсколько любопытнѣйшихъ страницъ труда, тѣмъ болѣе, что въ рѣшеніи этого вопроса г. Стасовъ призвалъ къ отвѣту спеціалиста по части зоологіи вообще и гиппологіи въ особенности, акад. А. Ѳ. Миддендорфа. Животныя эти суть: птицы неопредѣленнаго характера, павлинъ, медвѣдь, кабанъ, олень, двѣ пантеры, левъ, собака и кони. По разсмотрѣніи всѣхъ подробностей, съ которыми изображены эти животныя на фрескахъ,—подробностей какъ живописныхъ, такъ и естественно историческихъ,—г. Стасовъ приходитъ къ убѣжденію, что пантикапейскія фрески изображаютъ тѣ же типы животныхъ, которые встрѣчаются въ восточномъ, преимущественно сассанидскомъ искусствѣ. Человѣческія фигуры помѣщены на пяти фрескахъ керченской катакомбы; онѣ представляютъ типы трехъ народностей, совершенно отличныхъ одна отъ другой по физическому типу, костюму и вооруженію.

Посредствомъ самаго тщательнаго сравненія перваго рода фресковыхъ типовъ съ типами, костюмами и вооруженіемъ Скиѳовъ, Даковъ, Сарматовъ, Готовъ и Парѳянъ, г. Стасовъ приходитъ къ убѣжденію, что они во многомъ схожи съ нѣкоторыми народными типами памятниковъ персидскихъ, времени Ахаменидовъ и Сассанидовъ, и представляютъ мѣстное пантикапейское населеніе азіатскаго происхожденія. Типы эти были уже извѣстны и изъ другихъ босфорскихъ памятниковъ: это люди хорошаго роста, пропорціонально сложенные, съ очень круглымъ лицомъ и умѣреннымъ носомъ, открытымъ лбомъ и густыми каштановыми волосами, идущими нѣсколько ниже ушей и кругло подобранными на концахъ. У кого надѣтъ шлемъ—волосъ вовсе не видать, борода и усы совершенно отсутствуютъ. Одежда состоитъ изъ короткаго кафтана съ узкими рукавами, идущаго до колѣнъ; талія схвачена узкимъ пояскомъ, кафтанъ быть можетъ былъ кожаный; штаны у всѣхъ довольно узкіе, идущіе до половины икры; на ногахъ сапоги, идущіе также до полъ-икры. Вооруженіе—чешуйчатый панцырь, шлемъ на подобіе сахарной головы, мечъ, копья и щиты. Сюда же принадлежитъ и военный значокъ, имѣющій извѣстную форму лабарума. Всѣ эти детали типа, костюма и вооруженія г. Стасовъ находитъ на многихъ произведеніяхъ ассирійскаго искусства. Второй типъ на фрескахъ—люди совершенно инаго племени, враги пантикапейцевъ, ими побѣждаемые. Это люди невысокаго роста, лицо у нихъ круглое, широкое, волоса густые, висящіе прямыми прядями до самой шеи; ни бороды, ни усовъ нѣтъ. Одежда—узкій кафтанчикъ съ узкими рукавами, штаны также узкіе, спускающіеся до самой щиколки. На ногахъ сапоги, заходящіе подъ штаны. У главнаго лица на плечахъ наброшенъ мятль. Вооруженіе состоитъ изъ прямаго меча на лѣвомъ боку и лука; ни панцырей, ни шлемовъ нѣтъ. Опредѣлить національность этихъ варваровъ пока нѣтъ средствъ: они отчасти походятъ на тѣ варварскіе типы, которые встрѣчаются на нѣкоторыхъ босфорскихъ монетахъ; вѣроятно, что это племена степныя: они представлены всегда конными и являются среди полной пустыни, лишенной всякой растительности. Третій типъ представляется однимъ только воиномъ; это человѣкъ малаго роста, широкоплечій, коренастый, съ большой головой, продолговатымъ лицемъ, длиннымъ носомъ, очень большимъ глазомъ и ухомъ и густыми, курчавыми, темными волосами на головѣ, бородѣ и усахъ. Платье, какъ кажется, кожаное, на туловищѣ нѣчто въ родѣ куртки съ длинными рукавами, на ногахъ довольно узкіе штаны, недостигающіе колѣнъ; вооруженіе—ромбоидальный щитъ и широкій длинный ножъ. Такіе типы встрѣчаются только на керченскихъ памятникахъ древности. Г. Стасовъ полагаетъ, что этотъ типъ принад-

лежитъ къ неизвѣстному (но Пантикапейцамъ очень знакомому) племени сѣверныхъ горныхъ обитателей. Разсмотрѣніемъ остальныхъ двухъ предметовъ—крылатаго генія, схожаго съ греческимъ Эротомъ, и червеобразной кольчатой фигуры, въ которой авторъ видитъ мѣшки съ цвѣтами или цвѣточныя похоронныя гирлянды,—заканчиваются изслѣдованія его и онъ переходитъ къ общему выводу.

Керченская катакомба, по его словамъ, была сооружена для погребенія пантикапейскаго воина, какого-то военачальника. Это доказываютъ фрески. Огромный ростъ, отличающій его на всѣхъ картинахъ, плащикъ за плечами, особенныя украшенія коня его, военный значокъ въ рукахъ—все это отличія, которыхъ нѣтъ у простыхъ воиновъ, сопровождающихъ его въ битвѣ. Левъ съ поднятой лапой и крылатый геній, идущій позади льва, быть можетъ, указываютъ на охоту, которой любилъ предаваться покойникъ. Это объясненіе тѣмъ вѣроятнѣе, что слѣдующая фреска и фрески на продольныхъ стѣнахъ представляютъ парки, наполненные звѣрями; здѣсь же, среди деревъ и травы, мы находимъ павлина, кабана, медвѣдя, двухъ пантеръ, оленя и собаку. Надъ головой покойника изображено небо съ небесными свѣтилами. Далѣе представляются два подвига покойнаго, на двухъ симметричныхъ фрескахъ (написанныхъ по обѣ стороны лежанки). На лѣвой фрескѣ, нашъ Пантикапейскій воинъ скачетъ влѣво, среди обширной степи, гдѣ едва замѣтна трава, а по краямъ виднѣются только одно тоненькое деревцо и степныя птички: здѣсь онъ поражаетъ копьемъ пѣшаго врага, дикаря, вооруженнаго лишь ножемъ и щитомъ. На правой фрескѣ, нашъ воинъ является опять верхомъ, и скачетъ вправо, среди песчаной, совершенно голой пустыни, лишенной всякаго рода растительности; при помощи предводительствуемыхъ имъ Пантикапейскихъ воиновъ, онъ съ двухъ сторонъ нападаетъ на враговъ, конныхъ степныхъ дикарей; самъ, съ двумя пѣшими воинами, онъ напалъ на нихъ спереди, а третій, конный, посланный въ обходъ, нападаетъ съ тылу, и результатомъ является то, что два врага, упавшіе съ коней, лежатъ уже на землѣ, раненые или убитые, а третій, повидимому ихъ предводитель, тоже, вѣроятно, не устоитъ противъ многочисленнаго непріятеля.

Время происхожденія фресокъ г. Стасовъ опредѣляетъ по сравненію съ другими предметами катакомбъ и керченскихъ надгробныхъ плитъ. Это время—между началомъ II и концомъ IV вѣка. Народъ представляемый фресками—туземные жители Пантикапеи, первоначально—азіатскіе выходцы, прибывшіе въ мѣстность со временъ очень отдаленныхъ. Фрески нашей катакомбы—это памятникъ возрожденія азіатскаго искусства подъ державой врага римлянъ, Митридата Великаго.

II.

Объясненіе Керченскихъ фресокъ.

С. А. Усова.

§ 1.

Изображенныя на табл. XII, XIV и XV какія-то звѣзды считаю просто украшеніями, ни въ какой связи съ происшествіемъ, написаннымъ на другихъ фрескахъ, не стоящими. Эти звѣзды, по моему мнѣнію, могутъ имѣть только чисто археологическое значеніе, т. е. могутъ помочь въ опредѣленіи вѣка и стиля той народности, къ которой принадлежалъ живописецъ, авторъ фресокъ.

§ 2.

Потолокъ (табл. XIII) и весь фонъ картинъ (табл. V, VI, VII, VIII, IX, X и XI) усѣяны какими-то сердечками, раздѣленными на двѣ половины: верхнюю, гдѣ выемка, ярко розоваго цвѣта, и нижнюю, гдѣ притупленный арех розовато-желтаго цвѣта. Вмѣстѣ съ сердечками разбросаны и зеленые листочки. На табл. XIII къ нѣкоторымъ сердечкамъ пририсованы стебли и какъ бы прицвѣтники, или вѣрнѣе, доли цвѣтной чашечки. А на табл. VII, слѣва, изображенъ какой-то кустъ, каждая вѣточка котораго заканчивается сердечкомъ. Тамъ гдѣ зелень соединена съ сердечкомъ, первая соприкасается съ желтою его частію, т. е. съ арех. Изъ сказаннаго ясно, что мы имѣемъ дѣло съ цвѣткомъ; притомъ, какъ на деревьяхъ листва замѣнена листомъ, весь цвѣтокъ замѣненъ однимъ лепесткомъ. Въ такомъ случаѣ, мы имѣемъ на табл. VII кустъ in situ, а остальныя цвѣтки сорваны и разбросаны. Форма лепестковъ чрезвычайно характеристична: это лепестокъ розы, въ которомъ и древніе, какъ напр. Плиній (21, 18, 73), и нынѣшніе ботаники отличаютъ двѣ части: верхнюю, съ выемкой,—folium, окрашенную обыкновенно розовымъ цвѣтомъ, и нижнюю—unguis, которою лепестокъ прикрѣпленъ, обыкновенно бѣлую. Какъ у древнихъ (по свидѣтельству Плинія), такъ и теперь, въ фармацевтическомъ дѣлѣ употреблялись и употребляются въ кушаньѣ, при приготовленіи розовыхъ масла, воды, конфектъ и пр., одни folia, unguis же, какъ негодный, обрывался, и его бросали. Изъ дикорастущихъ розъ на югѣ Европы одна сахаристая роза (Rosa gallica, L.) имѣетъ folium интенсивно-красного цвѣта, а unguis желтый. Полагаю, что изображены лепестки именно этой розы, о которой слѣдуетъ кстати замѣтить, что въ Греціи она зацвѣтаетъ весьма рано, какъ только просохнетъ земля, ранѣе обыкновеннаго шиповника (Rosa canina, L.), т. е. въ апрѣлѣ.

Я полагаю, что лепестки или цвѣтки розъ разсыпаны по фрескамъ не просто какъ узоръ, какъ цвѣты по ситцу, а ими изображено нѣчто. Лепестки и зеленые листики разбросаны именно по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ фресокъ, гдѣ современный намъ живописецъ написалъ бы воздухъ. Думаю я, что дѣйствительно пространство, гдѣ разсыпаны розовые лепестки и листики, представляетъ воздухъ, на слѣдующемъ основаніи: а) всѣ фигуры, за исключеніемъ генія (табл. VII), на этомъ пространствѣ находящіяся, не даютъ отъ себя тѣни, т. е. нѣтъ нѣсколькихъ черточекъ отъ ногъ, что сдѣлано вездѣ на землѣ, не покрытой травою (табл. VI, IX, X и XIII); б) на табл. XIII нарисована птица (сизая или черная), обращенная къ зрителю брюшкомъ и лапками, птица не лежащая, а летящая. Летаютъ птицы въ воздухѣ.

Какъ на знаменитой фрескѣ Орканьи «Тріумфъ смерти» въ правомъ нижнемъ углу воздухъ, замѣненный цвѣтками, изображаетъ воздухъ, наполненный ароматами цвѣтовъ, такъ и на керченскихъ фрескахъ, мнѣ кажется, розовымъ лепесткамъ и листьямъ, разбросаннымъ въ пространствѣ, безъ натяжки можно придать слѣдующее толкованіе: они изображаютъ весенній воздухъ, насыщенный ароматами распустившихся розъ.

§ 3.

На этомъ воздухѣ, или вѣрнѣе—на небѣ, изображены слѣдующіе предметы:

а) Повязки taeniae, игравшіе у Грековъ и Римлянъ такую большую роль при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. При погребеніяхъ ихъ постоянно употребляли, какъ символъ печали. Такія повязки, жгуты изъ сырой шерсти, перевязанные на равныхъ разстояніяхъ шнурами, изображены на весьма многихъ могильныхъ памятникахъ древности: саркофагахъ, пепельныхъ урнахъ и пр. (напр. Clarac, descrpition des antiques du Louvre I, № 325). Что здѣсь изображены (табл. V, VIII и XIII) именно печальныя, погребальныя повязки, доказывается тѣмъ, что къ нѣкоторымъ повязкамъ (табл. V и къ двумъ желтымъ на табл. XIII) прикрѣплены какіе-то ланцетовидные листочки. Эти листочки вовсе не похожи на другіе листики, разсыпанные и разбросанные по воздуху, а сильно формою своею напоминаютъ листы лавра (Laurus nobilis, L.), или, еще ближе, листы маслины (Olea europaea, L.); какъ тѣ, такъ и другіе дѣйствительно соединялись (по Clarac) только съ повязками погребальными. Отсюда, мы вправѣ принять эти повязки за символъ смерти. У Гергарда (Записки Берлинской Академіи 1836 г.) изображены погребальныя тенiи совершенно такія же, какъ на нашихъ фрескахъ.

б) На табл. V, VII и XIII нарисованы птички; реальнаго въ нихъ нѣтъ ничего,—на табл. XIII находятся онѣ рядомъ съ символическими повязками, и я полагаю, что въ этихъ птичкахъ мы должны видѣть символы жизни. Въ древнемъ мірѣ такой символизмъ существовалъ,—даже мотивъ, что птичка, символъ жизни, клюетъ (Clarac, l. c. № 487) листики лавра, какъ на табл. XIII, существуетъ.

в) На табл. VIII нарисована еще птица, которую А. Ѳ. Миддендорфъ назвалъ павлиномъ, замѣтивъ однакоже, что павлиновъ съ такой окраской не существуетъ.

Этотъ павлинъ идетъ по воздуху,—черточекъ, означающихъ тѣнь, нѣтъ и признака. Кромѣ того, хвостъ у этой птицы не павлиній, расширяющійся къ концу (какъ изображаются павлины и на древнихъ памятникахъ), а суживающійся, какъ хвостъ фазана, и окраска хвоста, красная, идетъ больше Жаръ-птицѣ, чѣмъ павлину. У Лактанція, писателя IV вѣка, посвятившаго особое стихотвореніе Фениксу, находимъ, что «Фениксъ, по фигурѣ, есть птица средняя между павлиномъ и обыкновеннымъ фазаномъ, ходитъ онъ легко, быстро и съ царскою важностію» (Lenz—Zoologie der Griechen etc, p. 343). Полагаю, что и на табл. VIII изображенъ Фениксъ—символъ возрожденія. Впрочемъ и павлинъ служилъ символомъ возрожденія, по крайней мѣрѣ такъ говоритъ Demmin.

г) Наконецъ, на томъ же небѣ изображены два генія крылатыхъ: одинъ—въ кафтанѣ и портахъ—съ двумя повязками въ рукахъ (табл. V), другой—нагой, съ наброшенною хламидою на плечахъ и съ двумя птицами, изъ которыхъ одна мертвая (табл. VII). Я сначала думалъ, что этихъ геніевъ можно отнести къ двумъ изображеннымъ на фрескахъ народностямъ; но впослѣдствіи я отказался отъ этого мнѣнія на слѣд. основаніи: нагой геній—женскаго пола и другой по одеждѣ тоже женщина (ср. табл. IX), и прическа у обоихъ одинаковая съ прическою женщинъ (табл. IX) главной народности, а не такая, какая у варваровъ (табл. VI и X). Думаю, что нагой геній можетъ изображать генія жизни,—съ двумя птицами—съ двумя полужизнями погребеннаго лица. Геній одѣтый соотвѣтствуетъ генію смерти, съ двумя теніями—двумя полусмертями того же лица. Вѣдь откуда нибудь взялись выраженія: полуживой, полумертвый, до полусмерти и пр.

Общее замѣчаніе. Всѣ предметы, изображенные въ воздухѣ, на небѣ (имѣютъ вовсе не реальное, а только символическое значеніе.

§ 4.

На фрескахъ мы видимъ три пейзажа, три изображенія мѣстности. Голая степь (табл. IX и X), лѣсъ съ полуфантастическими деревьями

и съ густою травою, какая обыкновенно растетъ по мочажинамъ (табл. VIII и XI), и травяная степь (табл. V и VII). На табл. VI и V дерево можетъ выражать опушку лѣса, граничащаго съ голою (табл. VI) и травяною (табл. V) степью. Опредѣлить деревья невозможно; вѣроятно, они просто выражаютъ лѣсъ. Но форма листа деревьевъ таблицъ V и VI напоминаютъ форму листа нѣкоторыхъ видовъ ольхи напр. Alnus pubescens, Ehr., тоже растущихъ на мочажинахъ; т. е. мы, вѣроятно, имѣемъ мѣстность степную, перерѣзанную балками, въ которыхъ растетъ лѣсъ.

Замѣтимъ, что на фрескахъ табл. IX и X изображена мѣстность тожественная, голая степь, гдѣ нѣтъ ни травинки. Мнѣ кажется, что случайно живописецъ не могъ написать этого, а что тожественнымъ пейзажемъ онъ хотѣлъ выразить связь между табл. IX и X, т. е. хотѣлъ выразить единство мѣста и времени изображенныхъ дѣйствій,— или иначе, табл. IX и X не двѣ картины, а одна.

Далѣе, фреска табл. V заканчивается справа однимъ деревомъ, а слѣдующая фреска табл. VI начинается слѣва также однимъ деревомъ; эти деревья совершенно одинаковы, тогда какъ деревья на другихъ фрескахъ (табл. VIII и XI) иного рисунка. Табл. VI отдѣлена отъ табл. IX двумя фресками аллегорическаго содержанія. Табл. VI, представляя мѣстность иную (дерево), однакоже вяжется своимъ концемъ, т. е. правою стороною, съ мѣстностью, изображенною на табл. XI, что, по моему мнѣнію, также указываетъ на связь между дѣйствіями, нарисованными на фрескахъ табл. V и VI съ одной стороны, и фресокъ табл. VI и IX съ другой; но эта связь показываетъ не единство мѣста и времени, а непрерывную во времени послѣдовательность дѣйствія.

§ 5.

Животныя (о лошадяхъ не буду говорить, ибо все, что можно о нихъ сказать, высказано Миддендорфомъ, въ статьѣ Стасова):

Табл. V. Два леопарда, пардуса, Felis leopardus, auct. F. Panthera, Pall. Оба въ совершенно условныхъ, геральдическихъ позахъ.

Табл. VII. Левъ, также въ условной позѣ. На хвостѣ нѣтъ кисти. Какъ для леопардовъ, такъ и для льва, живописецъ очевидно не имѣлъ живыхъ образцовъ.

Табл. VIII. Кабанъ, Sus scropha ferus auct. безъ клыковъ, слѣд. или самецъ съ обломанными клыками, или самка. Ростъ кабана какъ бы умышленно преувеличенъ живописцемъ. Медвѣдь, въ позѣ нѣсколько испуганнаго звѣря. Живописецъ, какъ бы умышленно, уменьшилъ ростъ медвѣдя.

Табл. XI. Олень, Cervus elaphus, самецъ.

Черная охотничья собака, canis venaticus.

Хотя изображенныя животныя реальны, но, по условности позъ, по неопредѣленности ихъ дѣйствій, можно предположить, что живописецъ придавалъ этимъ животнымъ только аллегорическое значеніе. Напр. Пардусъ—витязь (лихой), Левъ—герой, Вепрь—смѣльчакъ, Медвѣдь—варваръ, Олень—мирный житель, Собака—хищникъ. Такія аллегоріи не рѣдки въ древнемъ мірѣ. Такое значеніе имѣютъ животныя и въ геральдикѣ.

§ 6.

Народности.

А. Племя, къ которому принадлежало погребенное лицо, а также, вѣроятно, и живописецъ фресокъ.

а) Герой драмы—конный, въ шишакѣ, бронѣ, кафтанѣ, портахъ, сапожкахъ, съ короткой хламидой на плечахъ, вооруженъ только копьемъ (табл. VI и X).

б) Конные,—та же одежда и вооруженіе безъ хламиды (табл. X).

в) Пѣхота: 1) Знаменщикъ, та же одежда, безъ хламиды, безъ копья, мечъ, знамя—vexillum, не labarum, какъ говоритъ Стасовъ (табл. IX). 2) Воины—та же одежда, овальный щитъ, мечъ, два дротика съ петлей, amentum (табл. IX и X). На табл. X слѣва крайній воинъ-пѣхотинецъ, кажется, женщина: очертаніе грудей обозначено на бронѣ. 3) Юноша или дѣва (3 фиг. на табл. IX) и двѣ женщины (4 и 5 фиг. на табл. IX),—кафтанъ, порты, овальный щитъ, два дротика; кажется, меча нѣтъ. Головы не покрыты, волоса какъ бы причесаны, подстрижены, также какъ у геніевъ (табл. V и VII).

Всѣ мужчины бриты.

Б. Варвары (табл. X).

а) Вождь—конный, кафтанъ, порты, плащъ, лукъ и стрѣла, мечъ, съ рукоятью безъ эфеса.

б) Простые воины, то же платье, но безъ плаща; одинъ пѣшій; вооруженія не видно.

У всѣхъ головы непокрытыя, волосы не прибраны, клоками; всѣ бритые; можетъ быть, у отрубленной головы усы.

В. Варваръ (табл. VI).

Куртка или рубаха въ штаны, штаны въ длинные сапоги. Голова не покрыта, всклокоченные волосы. Усы и борода. Ромбоидальный щитъ, ножъ или кинжалъ.

Опредѣлить народности не могу, это дѣло историковъ-археологовъ. Мнѣ кажется, что мнѣніе Д. И. Иловайскаго имѣетъ за себя довольно вѣсскіе доводы.

§ 7.

Нѣкоторая утварь найдена въ нишѣ, изображенномъ на табл. V. Фрески или изображаютъ нѣчто связное, или же отдѣльныя картины. Въ первомъ случаѣ я полагаю слѣдуетъ читать фрески справа налѣво т. е. съ конца противуположнаго нишѣ, гдѣ были сосуды; ибо здѣсь—смерть, а она всему конецъ.

Впрочемъ, можно такой порядокъ вывести и изъ слѣдующихъ соображеній: вспомнимъ говорённое о связи фресокъ таблицъ V и VI, IX и X и VI и IX (см. § 4). Пѣхота (табл. IX) не могла придти на мѣсто битвы прежде конницы: гораздо естественнѣе предположить, что пѣхота подоспѣла тогда, когда уже конница вступила въ сраженіе, слѣд. естественно думать, что дѣйствіе фрески табл. X предшествуетъ дѣйствію таблицы IX.

Засада (табл. VI) должна предшествовать погребенію (табл. V).

Наконецъ, по связи табл. IX и VI (по пейзажу), весьма вѣроятно, что IX табл. должна предшествовать таблицѣ VI.

Слѣдовательно, порядокъ изображенныхъ происшествій таковъ: табл. X, IX, VI, V. Между этими картинами вставлены картины аллегорическія, имѣющія отношеніе къ происшествіямъ прежде перечисленнымъ, и порядокъ ихъ не можетъ быть инымъ, чѣмъ на картинахъ, изображающихъ дѣйствительныя происшествія.

§ 8.

Предлагаю объясненіе фрескамъ, но, понятно, вовсе не стою за его точность и доказательность. Въ подобныхъ объясненіяхъ всегда есть шаткость: вспомнимъ объясненія для Венеры Милосской, Флорентинскаго точильщика, Аполлона Бельведерскаго и пр. и пр.

I (ТАБЛ. XIII).

Время охоты, набѣговъ пора, весна наступила.
Воздухъ весеннихъ розъ молодыхъ ароматомъ насыщенъ.
Смерть или жизнь насъ въ будущемъ ждетъ—судьбою сокрыто,
Въ небѣ знаменія жизни, птички веселыя, рядомъ
Носятся съ символомъ смерти, грустной, могильной повязкой.

II (ТАБЛ. XI).

Мирно пасутся олени въ лѣсу, опасность не чуя,
Черные хорты рыщутъ вокругъ, выжидая добычи.
Хищные варвары такъ, съ весны наступленья, покоя,
Мира намъ не даютъ, совершая на станъ нашъ набѣги.

III (ТАБЛ. X).

Воины наши къ отпору готовы. Варваровъ въ полѣ
Встрѣтили мы, и дружно напали на хищниковъ дикихъ.
Варваровъ много убито. Вмѣстѣ съ конями своими
Много ихъ пало, окрасивши землю крови потокомъ.
Храбрая конница наша ихъ вождя окружила.
Кажется, нѣтъ спасенья ему,—побѣда за нами.
Но не дается даромъ побѣда, и, смерти избѣгнувъ,
Хищниковъ вождь стрѣлою витязю рану наноситъ.

IV (ТАБЛ. IX).

Вотъ и пѣшая рать, чтобъ врага пораженье докончить,
Намъ на помощь спѣшитъ. За хоруговью воины идутъ,
Вслѣдъ за ними и жены текутъ, помощницы въ мирѣ,
Храбрыхъ мужей сподвижницы храбрыя въ битвахъ кровавыхъ.
Врагъ ужъ разсѣянъ, и мы, отдохнувши, домой повернули.

V (ТАБЛ. VIII).

Острыхъ пару клыковъ притупившій въ бояхъ непрестанныхъ,
Смѣлый до дерзости вепрь, при встрѣчѣ съ медвѣдемъ трусливымъ,
Гибнетъ нерѣдко. Но, какъ фениксъ, изъ смертныхъ останковъ
Слава его возродится, тѣло же приметъ повязку.

VI (ТАБЛ. VII).

Гордый какъ левъ, отъ дружины отставши, раненый витязь
Къ стану одинъ возвращается, встрѣчи съ врагомъ не бояся.
Но могучъ не такъ, какъ бывалъ. Онъ въ битвѣ послѣдней
Силы своей половину растратилъ. У генія жизни
Птичка одна ужъ погибла, только полжизни осталось.

VII (ТАБЛ. VI).

Витязь ѣдетъ безъ всякой заботы. У лѣса опушки
Врагъ, за деревомъ скрывшись, какъ тать, его поджидаетъ.
Варвара витязь завидѣлъ и съ копьемъ наклоненнымъ
Смѣло бросился въ битву. Но копье не пробило
Щитъ угловатый,—направлено было слабой рукою.
Хитрый же врагъ булатный свой ножъ въ героя вонзаетъ.

VIII (ТАБЛ. V).

Геній смерти несетъ могильны повязки, герою,
Павшему честно въ бою, послѣдній долгъ отдавая.
Мы же, какъ пардусы славу и честь его охраняя,
Эту могилу воздвигли, чтобъ память о немъ не погибла.

Еще замѣчаніе, которое до извѣстной степени подрываетъ мое объясненіе. Между воинами главной народности несомнѣнно есть женщины; у всѣхъ представителей той же народности что-то женственное и въ лицахъ и въ позахъ. Какъ ни плохъ былъ живописецъ, все же сумѣлъ онъ дать лицамъ варваровъ выраженіе мужское. Оба генія женщины, точнѣе—дѣвочки. Кабанъ, вѣрнѣе всего, самка. У льва грива очень уже жиденькая, на концѣ хвоста кисти нѣтъ (половыхъ органовъ не видно).—не хотѣли-ли и здѣсь написать львицу? Собравъ все это вмѣстѣ, не выйдетъ ли изъ этого, что фрески изображаютъ какой нибудь эпизодъ изъ быта амазонокъ. Не забудемъ, что амазонки жили въ Скиѳіи, изображались онѣ, большею частію, въ кафтанахъ, узкихъ штанахъ, полусапожкахъ; что конныя вооружены были только копьемъ; что щиты у нихъ были не всегда полумѣсяцемъ, pelta, а и овальные; что на головѣ были шлемы, фригійскія шапки, либо ходили онѣ простоволосыми и пр. и пр.,—для фантазіи тутъ поле широкое, есть гдѣ разгуляться. А мнѣ и отдохнуть пора отъ дѣла и мало знакомаго, и не совсѣмъ сподручнаго.

III.

Нѣсколько замѣчаній о времени и народности Керченскихъ фресокъ.

Д. И. Иловайскаго.

Нельзя не отдать справедливости добросовѣстному изслѣдованію г. Стасова,—изслѣдованію, которое онъ посвятилъ объясненію фресокъ, найденныхъ въ 1872 году въ одной Керченской катакомбѣ. Сближеніе ихъ съ памятниками восточными, преимущественно иранскими, по моему мнѣнію, очень удачно. Сходныя черты въ костюмахъ, воо-

руженіи и орнаментахъ, встрѣчающіяся здѣсь, дѣйствительно указываютъ на связи съ востокомъ, съ Азіей, и на восточное происхожденіе самыхъ племенъ, представители которыхъ изображены на данныхъ фрескахъ. Но за этимъ общимъ положеніемъ возникаетъ неизбѣжный вопросъ, нельзя ли еще точнѣе опредѣлить: какія именно племена, какіе народные типы, какую эпоху имѣемъ мы предъ собою?

Время, къ которому должны быть отнесены означенныя фрески, г. Стасовъ полагаетъ между началомъ II и концомъ IV вѣка по Р. Х. По всѣмъ даннымъ, такое положеніе надобно считать вѣрнымъ, или весьма вѣроятнымъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ передъ собою послѣднюю эпоху Боспорскаго царства—эпоху династіи Савроматовъ. Извѣстно, что въ самомъ началѣ перваго вѣка по Р. Х. Боспорскимъ краемъ овладѣло сарматское племя Аспурговъ. Это было одно изъ тѣхъ Сарматскихъ племенъ, которыя издавна жили между Азовскимъ моремъ и Кавказомъ, и отчасти на Таманскомъ полуостровѣ, т. е. въ самыхъ предѣлахъ Боспорскаго царства. Князья Аспурговъ, захватившихъ это царство, по дошедшимъ до насъ монетамъ, носили по преимуществу имена Савроматовъ и Рескупоридовъ. Эти варварскіе князья однако уже настолько были знакомы съ эллино-римскою цивилизаціей и настолько искусны въ политикѣ, что въ началѣ они съумѣли пріобрѣсти покровительство самихъ римскихъ императоровъ, начиная съ Августа и Тиверія. Разумѣется, чтобы обезпечить за собою Боспоръ, они признали себя покорными вассалами римскихъ императоровъ, и показывали имъ особую преданность; это видно между прочимъ изъ того, что они къ своимъ именамъ присоединяли имена своихъ покровителей; отсюда мы встрѣчаемъ на монетахъ и подписяхъ Тиверія Юлія Савромата или Тиверія Юлія Рескупорида *). Но подчиненіе Риму продолжалось только до тѣхъ поръ, пока въ самой Римской имперіи не наступилъ смутный періодъ, т. е. до второй половины III вѣка. Тогда Савроматская династія не замедлила воспользоваться этими смутами, чтобы пріобрѣсти самостоятельность.

Находясь въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ міромъ эллино-римскимъ, подчиняясь вліянію его цивилизаціи, Савроматы въ то же время, очевидно, сохраняли нравы и преданія, вытекавшія изъ ихъ восточнаго происхожденія. Они заключали родственныя связи съ потомками Митридата Понтійскаго, который одно время, какъ извѣстно, владѣлъ Боспорскимъ царствомъ, и вслѣдствіе этихъ связей послѣдняя Боспорская династія можетъ быть равно относима къ Савроматамъ и

*) Любопытно, что князья Роксаланъ точно также поступали въ отношеніи къ нѣкоторымъ римскимъ императорамъ. Въ одной латинской надписи упоминается роксаланскій князь Элій Распарасанъ, повидимому современный Элію Адріану.

Ахеменидамъ. Я именно позволяю себѣ въ главныхъ фигурахъ, которыя изображены на фрескахъ, усмотрѣть представителей этой Савроматской эпохи въ Пантикапеѣ, и разныя бытовыя черты, здѣсь встрѣчающіяся, безъ сомнѣнія указываютъ на двойственное вліяніе, т. е. римское и восточное.

Герой этихъ фресокъ, т. е. лицо, погребенное въ данной катакомбѣ, есть конечно одинъ изъ предводителей, отличившійся своими подвигами въ войнахъ съ сосѣдними варварами; а извѣстно, что сосѣдніе варварскіе народы въ эту эпоху все болѣе и болѣе тѣснили Боспорское царство, пока впослѣдствіи не разрушили его окончательно. Типъ главнаго героя и его воиновъ, а также и вооруженіе ихъ, совершенно соотвѣтствуютъ извѣстіямъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей о народахъ сарматскихъ. А Сарматы, какъ это утвердительно можно сказать, принадлежали къ Арійской семьѣ и въ ближайшемъ родствѣ находились съ народами мидо-иранской группы. Означенные воины покрыты чешуйчатымъ панцыремъ, конусообразнымъ шлемомъ, и имѣютъ копья, у всадниковъ по одному длинному, а у пѣхотинцевъ большею частію по два короткихъ. На Траяновой колоннѣ мы именно встрѣчаемъ сарматскихъ всадниковъ, покрытыхъ такой же чешуйчатою бронею. Тацитъ говоритъ, что знатные Роксалане (а Роксалане было сарматское племя) носили чешуйчатые панцыри изъ желѣзныхъ бляхъ. Амміанъ Марцеллинъ сообщаетъ о Сарматахъ, что они были вооружены длинными копьями и носили полотняныя кирасы, на которыхъ была нашита роговая чешуя, сдѣланная на подобіе птичьихъ перьевъ. Конусообразные шлемы суть также одна изъ принадлежностей сарматскихъ народовъ: они встрѣчаются и на Сарматскихъ всадникахъ Траяновой колонны и у древнихъ Руссовъ. (А я, какъ извѣстно, доказываю, что древняя Русь тождественна съ Сарматами-Роксаланами). Эта форма шлемовъ, конечно, имѣетъ восточный характеръ: конусообразныя шапки преобладаютъ всегда у иранскихъ народовъ. У самого предводителя пантикапейскаго, сверхъ того, наброшенъ на плечи плащъ, развѣвающійся позади. Этотъ плащъ есть также одна изъ принадлежностей знатныхъ лицъ у сарматскихъ народовъ. Левъ Діаконъ именно упоминаетъ о такомъ плащѣ какъ объ одной изъ отличительныхъ чертъ Руси отъ Грековъ. Еще прежде того, Прокопій нѣчто подобное говоритъ о Болгарахъ. Я не утверждаю тождества Аспурговъ ни съ Болгарами, ни съ Роксаланами или Русью: я только говорю объ ихъ общей принадлежности къ Сарматскому семейству. Рядомъ съ общими чертами, встрѣчаемъ и нѣкоторыя отличія; напримѣръ, овальная форма и небольшой размѣръ щитовъ не походятъ на большіе и съуживающіеся щиты древней Руси. Впрочемъ, надобно взять въ рас-

четъ и разницу эпохъ: между IV и X вѣкомъ могли, конечно, произойти разныя перемѣны въ вооруженіи и привычкахъ сарматскихъ народовъ. Къ такимъ перемѣнамъ, напримѣръ, надобно отнести и употребленіе стремянъ. Извѣстно, что ни у Грековъ, ни у Римлянъ не было стремянъ. Ихъ мы не находимъ и на данныхъ фрескахъ. Тогда какъ древняя Русь уже употребляла ихъ; покрайней мѣрѣ, это можно сказать о IX и X вѣкахъ. Укажу на раскопки, произведенныя г. Самоквасовымъ въ Приднѣпровскомъ краю: въ могилахъ языческой Руси найдены между другими предметами и стремена. Интересно было бы встрѣтить какое либо разъясненіе объ этомъ предметѣ, т. е. откуда и съ какого времени стали входить въ употребленіе стремена?

Затѣмъ обращу вниманіе еще на отличительную черту типа, встрѣчающагося на означенныхъ фрескахъ. Пантикапейскіе воины являются здѣсь безъ всякихъ признаковъ бороды и усовъ; а изъ-подъ шлемовъ ихъ совсѣмъ не видно волосъ. Но бритые подбородки и оголенныя головы, какъ извѣстно, составляли принадлежность древнихъ Руссовъ и древнихъ Болгаръ; а оба эти народа принадлежали первоначально къ Сарматской группѣ и жили около Азовскаго моря, т. е. въ Сарматскихъ краяхъ. Разница съ типами фресокъ заключается только въ томъ, что на послѣднихъ отсутствуютъ и усы. Но во первыхъ, обычай бриться конечно видоизмѣнялся по разнымъ племенамъ; а во вторыхъ, не забудемъ разницу нѣсколькихъ столѣтій между данными фресками и временемъ Святослава; моды могли нѣсколько мѣняться. Самые Руссы X вѣка, по извѣстію Арабовъ, не всѣ брили бороду; нѣкоторые отпускали ее. Замѣчательно, что лица русскихъ воиновъ въ извѣстной рукописи XIV вѣка, заключающей сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, эти лица, также какъ на данныхъ фрескахъ, не имѣютъ ни бороды, ни усовъ. Кромѣ того, извѣстно, что Римляне брили не только бороду, но и усы, и можно также предложить вопросъ: не отразилась ли эта мода и на Боспорѣ Киммерійскомъ? Подъ шлемами Пантикапейцевъ, какъ я сказалъ, совсѣмъ не видно волосъ. По этому поводу напомню извѣстіе Лукіана, греческаго писателя II вѣка по Р. Х. Въ своемъ разсказѣ Токсарисъ онъ сообщаетъ, что Скиѳы и Алане походятъ другъ на друга и говорятъ близкими языками, но Скиѳы носятъ болѣе длинные волосы, и одинъ изъ героевъ расказа, Скиѳъ, выдающій себя за Алана, долженъ былъ обрѣзать свои волосы по алански. И дѣйствительно, извѣстныя намъ по памятникамъ фигуры Скиѳовъ обыкновенно снабжены длинными волосами и бородою. Алане принадлежали все къ той же группѣ народовъ Сарматскихъ, какъ боспорскіе Аспурги, какъ древніе Руссы и Болгаре. Извѣстно, что нашъ Святославъ имѣлъ оголенную голову съ чубомъ; языческіе болгарскіе князья, по

замѣчанію одного хронографа, были также «съ остриженными главами». А Прокопій еще въ VI вѣкѣ говоритъ, что Болгаре имѣли оголенныя щеки и подбородокъ, также подстриженную кругомъ голову, съ пучкомъ волосъ на верху.

Но кромѣ пантикапейскихъ воиновъ, покрытыхъ шлемомъ, мы видимъ еще три фигуры изъ того же ополченія, съ открытыми головами. Они также безъ бороды и усовъ, но имѣютъ волосы на головѣ, спускающіеся до ушей или немного ниже. Эти три фигуры не имѣютъ ни шлема, ни панцыря, а вооружены щитомъ и двумя копьями. Мнѣ сдается, что это фигуры женскія, особенно двѣ послѣднія, у которыхъ волосы какъ будто скручены назадъ, а на груди оттѣненно по два полукруга. Извѣстно, что именно у Сарматовъ женщины отличались воинственными привычками; что они ходили на войну вмѣстѣ съ мужчинами и носили мужское платье. У нѣкоторыхъ племенъ былъ даже обычай, что дѣвушка не можетъ выдти за мужъ, пока не убьетъ хотя одного непріятеля. Эти сарматскія женщины и послужили источникомъ для греческихъ сказаній объ амазонкахъ. Если обратимся къ Руси и Болгарамъ, то найдемъ у нихъ ту же сарматскую черту. По извѣстіямъ того же Прокопія, писателя VI вѣка, послѣ сраженій Византійцевъ съ Болгарами обыкновенно на полѣ битвы между павшими варварами находили женскіе трупы. Точно то же замѣтилъ и Левъ Діаконъ о Руссахъ Святослава. То же самое подтверждаетъ арабскій писатель Масуди о Болгарахъ въ X вѣкѣ. Онъ говоритъ слѣдующее: «когда они отправляются въ походъ, то строятся въ ряды; стрѣлки изъ лука образуютъ передній строй, а женщины и дѣти задній». (Гаркави, 126). По моему мнѣнію, извѣстіе это замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ керченскими фресками, именно съ IX таблицей атласа, на которой изображена пѣхота: впереди два воина въ шлемахъ и панцыряхъ, а позади три безъ панцырей и шлемовъ. Изъ послѣднихъ двѣ самыя заднія фигуры я принимаю за женщинъ, а третью, помѣщенную въ срединѣ, я готовъ считать за мальчика.

Что касается до остальныхъ фигуръ, т. е. до непріятелей Пантикапейцевъ, то г. Стасовъ по справедливости различаетъ между ними два типа. Первый, изображенный на таблицѣ X, близокъ къ той же Сарматской народности. У него также нѣтъ ни бороды, ни усовъ, но онъ отличается густыми, довольно длинными волосами. У воиновъ этого типа нѣтъ ни шлемовъ, ни панцырей, ни щитовъ, и даже у главной фигуры, т. е. у предводителя. На плечахъ у послѣдняго однако наброшенъ плащъ, похожій на сарматскій, а на лѣвомъ боку большой мечъ; вмѣсто панцыря ему повидимому служитъ кожаная кираса. Это по всѣмъ признакамъ какой-то сосѣдній, степной, конный народъ. Но

второй типъ, изображенный на таблицѣ VI, уже гораздо болѣе удаленъ отъ Пантикапейскаго. Онъ представленъ въ одномъ только лицѣ. Это—мужчина, съ рѣзкими чертами лица, густыми, отброшенными назадъ волосами и черною бородою. Онъ пѣшій, также безъ шлема и панцыря, но вооруженъ широкимъ ножемъ или кинжаломъ и ромбовиднымъ щитомъ. Мы можемъ предположить въ немъ представителя какаго либо изъ сосѣднихъ черкесскихъ, горныхъ племенъ. Очень можетъ быть, что здѣсь изображенъ поединокъ между Пантикапейскимъ предводителемъ и вождемъ непріятельскаго войска. Вмѣсто общаго сраженія, рѣшать дѣло поединкомъ было иногда въ обычаѣ у варварскихъ народовъ, и между прочимъ у народовъ прикавказскихъ. Напомнимъ единоборство тмутраканскаго князя Мстислава Чермнаго съ касожскимъ или черкескимъ княземъ Редедею. А гораздо ранѣе того, у Константина Багрянороднаго въ его соч. Объ управл. Имперіею, встрѣчаемъ разсказъ именно о единоборствѣ боспорскаго царя Савромата VII съ протевономъ или вождемъ Херсонитовъ Фарнакомъ. Это единоборство, рѣшившее судьбу ихъ войны, происходило, какъ надобно полагать, въ IV вѣкѣ по Р. Х.,—слѣдовательно въ эпоху, къ которой можно отнести данныя фрески. Но не этотъ эпизодъ здѣсь изображенъ. Единоборство съ Фарнакомъ окончилось смертью Савромата, тогда какъ здѣсь Пантикапейскій предводитель очевидно торжествуетъ; притомъ Савроматъ былъ пораженъ копьемъ; а у пѣшаго воина въ рукахъ только мечъ. Странно только одно, почему противники сражаются при неравныхъ условіяхъ: одинъ на конѣ и лучше вооруженъ, а другой—пѣшій, но за то со щитомъ, котораго нѣтъ у Пантикапейца. Можетъ быть, варваръ понадѣялся на свою силу и ловкость и самъ пожелалъ сражаться при этихъ условіяхъ. Но могло быть и то, что онъ уже потерялъ коня, и теперь, съ кинжаломъ въ рукѣ, готовится дорого продать свою жизнь.

Обращу также вниманіе ваше на слѣдующее обстоятельство. Изъ всѣхъ трехъ данныхъ типовъ мы не находимъ ни одного, который бы напоминалъ присутствіе въ тѣхъ странахъ народностей угорскаго, турецкаго или монгольскаго корня. Это подтверждаетъ высказанное мною мнѣніе о принадлежности настоящихъ Скиѳовъ и Сарматовъ къ Арійскому семейству и о томъ, что турецко-татарскіе народы появляются въ тѣхъ краяхъ довольно поздно,—приблизительно около VI вѣка (что, между прочимъ, важно и для рѣшенія вопроса о каменныхъ бабахъ).

Мнѣ остается еще сдѣлать одно сближеніе. Переходомъ къ нему можетъ послужить упомянутое мною выше извѣстіе Масуди о Болгарахъ. Извѣстіе это, по всѣмъ признакамъ, относится не столько къ

Дунайскимъ Болгарамъ, сколько къ Чернымъ, т. е. къ тѣмъ, которые жили на Кубани и на Боспорѣ Киммерійскомъ; ибо онъ говоритъ о язычникахъ, тогда какъ у Дунайскихъ Болгаръ въ его время уже процвѣтало христіанство. Въ своихъ изслѣдованіяхъ я именно доказывалъ, что Болгаре, приблизительно въ V вѣкѣ, завладѣли почти всѣмъ Боспорскимъ царствомъ, и жили здѣсь еще въ IX и X вѣкахъ, когда этотъ край былъ освобожденъ отъ Хазарскаго ига и покоренъ Русью и здѣсь основано извѣстное Тмутраканское княжество. Слѣдовательно, господство Сарматскихъ Аспурговъ здѣсь смѣнилось господствомъ Болгаръ и потомъ Руси,—племенъ тоже Сарматскихъ. Эта смѣна происходила постепенно; причемъ, кромѣ сходства нравовъ, мы можемъ видѣть, что на послѣднія племена продолжало дѣйствовать и вліяніе древней Боспорской цивилизаціи.

Масуди говоритъ, что у языческихъ Болгаръ сожигали мертвеца, или заключали его въ храмину вмѣстѣ съ женой и слугами. Но такой же двоякій обычай погребенія, т. е. чрезъ сожженіе и зарываніе трупа, существовалъ и у языческой Руси. Обрядъ сожженія подробнѣе всего описанъ у Ибнъ Фадлана. Между тѣмъ Ибнъ Даста, писатель X вѣка также какъ Масуди и Фадланъ, говоритъ слѣдующее о Руссахъ: «Когда умираетъ кто либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большаго дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ ту же могилу какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе—опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканеную монету. Наконецъ, кладутъ въ могилу живою и любимую жену покойника. За тѣмъ отверстіе могилы закладывается, и жена умираетъ въ заключеніи» (по переводу Хвольсона, стр. 40). Очевидно, Ибнъ Даста о Руси повторяетъ съ большими подробностями то же, что сказалъ Масуди о Болгарахъ Таврическо-Таманскихъ. Но Ибнъ Даста, по всѣмъ признакамъ, также говоритъ о Руси именно Тмутраканской или Таманской; онъ изображаетъ ее живущею на сыромъ, болотистомъ островѣ.

Но что же это за домъ или храмина, въ которой погребали знатныхъ Болгаръ и Руссовъ въ Таврическо-Таманскомъ краѣ?

Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ идетъ рѣчь о катакомбахъ, подобныхъ той, которой фрески мы имѣемъ передъ собою. Слѣдовательно весьма вѣроятно, что дальнѣйшіе розыски въ катакомбахъ Боспорскаго края приведутъ къ открытіямъ предметовъ изъ другой, болѣе поздней эпохи сравнительно съ Аспургіанской династіей Савроматовъ, то есть изъ эпохи Болгаро-Русской. Только едва ли въ катакомбахъ этой послѣдней найдутся подобныя фрески.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

№ 99. 1874 года, декабря 5 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Н. А. Артлебена, Е. В. Барсова, А. Н. Веселовскаго, К. К. Гёрца, В. О. Ключевскаго, А. А. Мартынова, П. И. Мельникова, С. Я. Никольскаго, Н. А. Попова, Н. П. Розанова, графа М. В. Толстаго и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Доложено о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Императорскаго Русскаго Географич. Общества сообщеніе, въ которомъ оно увѣдомляетъ, что Парижское Географическое Общество, учреждая въ Парижѣ, въ апрѣлѣ будущаго 1875 г., международный конгрессъ и при немъ выставку предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ Географіи, обратилось въ Импер. Русск. Географ. Общество съ просьбою содѣйствовать устройству этого предпріятія, и передать его приглашеніе принять участіе въ конгрессѣ тѣмъ русскимъ ученымъ обществамъ, занятія которыхъ имѣютъ отношеніе къ программѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію конгресса. Желая содѣйствовать успѣхамъ устройства международнаго конгресса и препровождая въ Моск. Археологич. Общество 5 экземпляровъ «Renseignements sur le Congrés International des sciences géographiques», Русское Географич. Общество сообщаетъ, что секретарь онаго уполномоченъ Парижскимъ обществомъ принимать заявленія лицъ, желающихъ быть членами конгресса, и подписныя деньги для доставленія по принадлежности.

Опредѣлено: составить коммиссію изъ гг. членовъ: предсѣд. графа А. С. Уварова, К. К. Гёрца и Д. И. Иловайскаго, для разсмотрѣнія программы

конгресса и обсужденія того, какое участіе можетъ принять Московское Археологическое Общество въ означенномъ конгрессѣ.

б) Отъ Дѣйств. чл. К. Н. Тихонравова письмо, при которомъ онъ представляетъ на разсмотрѣніе Общества составленный имъ «Сборникъ надписей съ древнихъ памятниковъ Владимірской губерніи» съ XIII по XVI столѣтія, въ числѣ 23 такихъ памятниковъ,—и «Указатель» къ нимъ: личныхъ именъ, географическій и предметный. К. Н. Тихонравовъ проситъ Общество сообщить ему: удовлетворителенъ ли будетъ Указатель въ томъ видѣ, какъ онъ имъ составленъ и не нужно ли его въ чемъ дополнить или измѣнить, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было теперь же передѣлать и продолжать его для памятниковъ XVI и XVII вѣковъ, въ томъ видѣ, какъ укажетъ Общество.

Предсѣдатель графъ Уваровъ заявилъ, что онъ съ удовольствіемъ привѣтствуетъ этотъ трудъ, какъ могущій послужить основаніемъ для будущаго, столь необходимаго и желаннаго, всеобщаго научнаго сборника древнихъ Русск. надписей, и что, по его мнѣнію, принятый г. Тихонравовымъ планъ труда вполнѣ удовлетворителенъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказалъ, что, кажется, необходимо было бы, чтобы всѣ древнѣйшія надписи до половины XVI в., или точнѣе-до 1560 г., были скалькированы или сняты фотографически, въ виду во 1-хъ того, что до этого времени могли еще удерживаться мѣстныя особенности въ начертаніи буквъ, а также въ виду того, что изображенія буквъ на памятникахъ вещественныхъ, по самому качеству матеріала, могутъ представлять нѣкоторыя отличія сравнительно съ обыкновенными письменными памятниками.

Опредѣлено: благодарить К. Н. Тихонравова за присланный имъ сборникъ и увѣдомить, что Общество, согласно заявленію г. предсѣдателя, находитъ вполнѣ научнымъ принятый имъ для своего труда планъ, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ снять, посредствомъ фотографіи или кальки, всѣ древнѣйшія надписи до 1560 года. Расходъ, сопряженный съ подобными снимками, Общество съ удовольствіемъ принимаетъ на себя

в) Во второмъ письмѣ, служащемъ дополненіемъ къ первому, К. Н. Тихонравовъ сообщаетъ: хотя присланный имъ въ Общество «Сборникъ надписей» начинается памятникомъ 1224 года, но есть три болѣе древніе памятника—XII в; это—княжескія гробницы въ Кидекшѣ, близь Суздаля, часовня близь Переславля и серебряный вызолоченный потиръ, въ переславскомъ Спасо-Преображенскомъ соборѣ, построенномъ въ 1152 г. вел. кн. Георгіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ; но на первыхъ двухъ памятникахъ надписи позднѣйшаго уже времени. Что же касается до надписи на потирѣ: «піите отъ нея вси»... то ее, по начертанію буквъ, можно отнести къ XII в., чему нѣкоторымъ образомъ служитъ подтвержденіемъ имѣющееся на потирѣ, вырѣзанное въ глубь, изображеніе св. Георгія, коему былъ тезоименитъ вел. князь, и приложилъ сосудъ въ соборный храмъ имъ созданный, о чемъ преданіе сохраняется и донынѣ. При этомъ К. Н. Тихонравовъ представилъ и литографированный снимокъ изображенія св. Георгія и надписей, вырѣзанныхъ на означенномъ потирѣ.

Опредѣлено: если рисунокъ присланный К. Н. Тихонравовымъ вполнѣ вѣренъ, то мнѣніе его о времени изготовленія Переславскаго потира подтверждается и палеографическими признаками надписи.

г) Предсѣдатель графъ Уваровъ сообщилъ о брошюрѣ, присланной ему г. Эрнестомъ Шантромъ (въ Ліонѣ): «Projet d'une légende internationale pour les cartes archéologiques préhistoriques». Докладъ г. Шантра, заключающій въ себѣ проектъ единообразнаго составленія археологическихъ картъ по всѣмъ странамъ, былъ представленъ международному конгрессу первобытной антропологіи и археологіи въ Стокгольмѣ, и разсмотрѣнъ особою коммиссіей. Теперь авторъ проекта излагаетъ различныя системы условныхъ знаковъ для археологическихъ картъ и въ заключеніе представляетъ образчикъ составленной имъ карты, въ которой показаны всѣ условные знаки, предлагаемые имъ для обозначенія различныхъ видовъ древностей; знаки эти для различныхъ эпохъ имѣютъ различные цвѣта. На съѣздѣ коммиссія, соглашаясь въ основѣ съ проектомъ г. Э. Шантра, назначила для окончательнаго рѣшенія вопроса особый комитетъ, въ который могутъ быть доставляемы всѣ относящіяся къ этому вопросу замѣчанія въ трехмѣсячный срокъ. При этомъ товарищъ пред. К. К. Герцъ высказалъ, что предлагаемая г. Шантромъ система знаковъ кажется ему довольно сложною. Предсѣдатель изложилъ также нѣкоторыя свои соображенія относительно упрощенія этихъ знаковъ и предложилъ, въ виду важности предложенія и для нашихъ археологическихъ картъ, обсудить этотъ предметъ съ точки примѣненія его къ русскимъ и славянскимъ древностямъ. При чемъ онъ высказалъ желаніе, чтобы Антропологическое Общество приняло участіе въ этомъ обсужденіи, такъ какъ многіе знаки прямо должны относиться до вопросовъ, чисто антропологическихъ.

Опредѣлено: составить коммиссію изъ гг. членовъ И. Е. Забѣлина, К. К. Гёрца и гр. А. С. Уварова, для обсужденія проекта о способѣ составленія международныхъ археологическихъ картъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отнестись въ Совѣтъ московскаго Общества Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи съ приглашеніемъ гг. членовъ онаго принять участіе въ обсужденіи этаго проекта.

3. Доложено о поступленіи въ Общество слѣдующихъ приношеній книгами:

Отъ Императорской Археологической коммиссіи: «Отчетъ Коммиссіи за 1870 и 1871 годы» и «Атласъ» къ этому отчету. Спб. 1874 г.

— Виленской Археографической коммиссіи: а) «VII томъ актовъ, изданныхъ этою коммиссіею: Акты городненскаго городскаго суда», 1874 г. б) «Писцовая книга бывшаго Пинскаго староства, составленная, по повелѣнію короля Сигизмунда Августа, въ 1561—1566 годахъ, Пинскимъ и Кобринскимъ старостою Лавриномъ Войною, съ переводомъ на русскій языкъ». Части 1 и 2. Вильна, 1874 г.

— Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Журналъ», ноябрь, 1874 г.

— Императорскаго Харьковскаго Университета: «Записки» Харьк. Университета, т. I. Харьковъ, 1874 г.

— Императорскаго Географическаго Общества: «Международный Гео-

графическій конгрессъ въ Парижѣ, въ апрѣлѣ 1875 г.» (изъ извѣстій Имп. Русск Географ. Общества, 1874 г. № 7).

— Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: «Протоколы засѣданій» этого Комитета: 4 декабря 1871 г., 26 февраля 1873 г. и 21 марта 1874 г.

Отъ Псковскаго Статистическаго Комитета: «Протоколы засѣданій» (5, 6 и 7) археографической коммиссіи, состоящей при этомъ Комитетѣ: 9 октября 1873 г., 18 марта и 21 апрѣля 1874 г.

— Д. члена А. А. Котляревскаго: «Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ, въ отношеніи славянской исторіи и древностей». Изслѣдованіе А Котляревскаго. Прага, 1874 г.

— Д. чл. Н. А. Попова: а) «Судьбы Уніи въ русской Холмской епархіи». Н. А. Попова. Москва, 1874 г. б) «Нынѣшнее состояніе православной церкви въ Сербіи». Н. А. Попова. Москва. 1874 г.

— Графа А. С. Уварова: «О существенныхъ и второстепенныхъ признакахъ народности могильныхъ насыпей». Гр. А. С. Уварова. М. 1873 г.

— Чл. корр. А. М. Сементовскаго: «О мѣрѣ и вѣсѣ, употребляемыхъ народомъ Витебской губерніи». Состав. А. М. Сементовскій. Изд. Витебск. Статистич. Комитета. Витебскъ. 1874 г.

— Д. чл. графа М. В. Толстаго: «Памяти А. А. Муравьева». Гр. М. Толстой (изъ ноябр. кн. Душеполезнаго Чтенія 1874 г.)

— Чл. корр. С. Я. Никольскаго: а) «Историческое описаніе пятницкой церкви во Владимірѣ». Священ. С. Никольскаго. б) «Указатель Москвы, или домовладѣльцевъ г. Москвы», безъ заглавнаго листа, неизвѣстно какого года.

— «Историческія черты о бывшемъ рыцарскомъ замкѣ Нейгаузенѣ». Дѣйств. члена Псковск. Губернск. Статистич. Комитета и состоящей при немъ археографич. Коммиссіи, Н. К. Богушевскаго.

— Эстонскаго ученаго Общества въ Дерптѣ: а) «Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpart 1872 und 1873». Dorpart, 1873 u. 1874. б) Verhandlungen der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpart. Siebenter Band, 3 und 4 Heft. Dorpart. 1873, und achter Band, 1 Heft. Dorpart, 1874.

— Альберта Камезины, изъ Вѣны: а) Die ältesten Glasgemälde des Chorherren-Stiftes Klosterneuburg und die Bildnisse der Babenberger in der Cistercienzser-Abtei Heiligenkreuz, gezeichnet und beschrieben von Albert Camesina. Mit XXVII Tafeln und 22 Holzschnitten. Wien, 1858. b) Glasgemälde aus dem zwölften Jahrhunderte im Kreuzgange des cistercienser Stiftes Heiligenkreuz in Wiener Walde. Von Albert Camesina. Mit XXXII photolithografirten Tafeln. Wien, 1859. c) Der Altarversatz im Regel Chorherren-Stifte zu Klosterneuburg. Ein Emaillmerk des XII Iahrhunderts angefertigt von Nicolaus aus Werdun. Aufgenommen und dargestellt von Albert Camesina. Beschrieben und erläutert vor Dr. Gustaw Heider. Mit Farbendruck nnd XXI lithographirten Tafeln. Wien. MDCCCLX. d) Die Darstellungen der Biblia Pauperum in einer Handschrift des XIV Iahrhunderts, aufbewahrt im Stifte St. Florian in Erzherzogthume österreichen ob der Enns. Herausge-

geben von A. Comesina. Erläutert von G. Heider. Mit XXXIV Tafeln. Wien, 1863.

— Sevent annual Report of the Trustles of the Peabordy Museum, of american Archaeology an Ethnologie, presented to the President and Fellows of Herward College, May, 1874. Cambridge, 1874.

4. Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ сообщилъ, что В. А. Самаряновъ изъ Костромы прислалъ къ нему свою статью подъ заглавіемъ: «Слѣды поселеній Мери, Чуди, Черемисы, Еми и другихъ инородцевъ въ предѣлахъ Костромской губерніи». Статья эта составлена главнымъ образомъ на основаніи нѣкоторыхъ доступныхъ автору мѣстныхъ архивныхъ данныхъ XVIII ст., отчасти же на основаніи знакомства автора съ современнымъ состояніемъ костромскаго края; важна она особенно въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ немало дополненій и подтвержденій того, что̀ въ видѣ только предположеній высказано было о томъ же самомъ въ изслѣдованіи «Меряне и ихъ бытъ», напечатанномъ въ трудахъ 1-го археологическаго съѣзда. Кромѣ того, г. Самаряновъ приложилъ къ своей статьѣ 8 картъ тѣхъ становъ, волостей и селъ въ различныхъ уѣздахъ Костромской губерніи, гдѣ, по мнѣнію автора, сохранились несомнѣнные слѣды поселеній вышеозначенныхъ инородческихъ племенъ и гдѣ, по всей вѣроятности, могутъ быть произведены не безплодно ученыя археологическія раскопки.

Опредѣлено: благодарить В. А. Самарянова за присланную статью и передать ее въ Редакціонный комитетъ.

5. Товарищъ предсѣд. К. К. Гёрцъ сообщилъ, что въ недавнее время найдена въ Керчи весьма любопытная ваза, съ обронным изображеніемъ спора Аѳины съ Посейдономъ. Открытіе это важно въ томъ отношеніи, что оно можетъ служить къ объясненію значительно поврежденнаго изваянія того же спора Аѳины съ Посейдономъ, находившагося на западномъ фронтонѣ Аѳинскаго парѳенона.

6. Д. чл. Е. В. Барсовъ прочелъ свою статью: «О драконахъ на древнерусскихъ памятникахъ». На одномъ изъ подобныхъ амулетовъ, принадлежащемъ референту, оказалась любопытная надпись: «и цѣлитіль всѣмъ болящимъ Христосъ Богъ нашъ». Референтъ объяснилъ, какъ удалось ему разобрать эту надпись, и за тѣмъ, предлагая свое объясненіе, отвергалъ мнѣніе относительно связи изображеній драконовъ съ доктриной Офитовъ. Онъ ставитъ двѣнадцати-главаго дракона въ связь съ миѳологіей природы и, соотвѣтственно двѣнадцати-главому змію въ миѳологическихъ сказаніяхъ, находитъ и въ подобныхъ амулетахъ олицетвореніе всѣхъ болѣзней, столь извѣстныхъ въ повѣсти Сисинія подъ именемъ 12 лихорадокъ, чему вполнѣ соотвѣтствуетъ и разобранная имъ надпись.

Г. Предсѣдатель, соглашаясь съ весьма важнымъ научнымъ значеніемъ разобранной референтомъ надписи на амулетѣ, возразилъ однако противъ той мысли, будто секта Офитовъ не отразила своего вліянія въ искусствѣ, и прямо указалъ на барельефъ съ изображеніемъ жреца, подносящаго хлѣбъ змію, поставленному на алтарѣ, и въ которомъ, стало быть, ничего другаго нельзя видѣть, какъ жертвоприношеніе змію, что̀ свойственно Офитамъ. На

это референтъ отвѣчалъ, что едвали можно рѣшительно утверждать, чтобы въ чемъ либо исключительно выразился культъ Офитовъ и, что, имѣя въ виду какъ непродолжительность существованія секты Офитовъ, такъ и нигилистическую доктрину ихъ, онъ не можетъ согласиться съ возраженіемъ гр. А. С. Уварова. При чемъ Е. В. Барсовъ добавилъ, что вполнѣ признаетъ громадное вліяніе гностиковъ на Христіанское искусство, но положительно сомнѣвается въ подобномъ вліяніи именно секты Офитовъ.

6. Секретарь Общества В. Е. Румянцовъ доложилъ о полученіи письма отъ В. Б. Антоновича съ изъявленіемъ благодарности за избраніе его въ Дѣйствительные члены и прочиталъ присланную имъ статью: «О мѣстоположеніи древняго кіевскаго Звенигорода», въ которой опровергается мнѣніе М. А. Максимовича, утверждавшаго, что кіевскій Звенигородъ находился на мѣстѣ нынѣшней деревни Звонковой, на берегу Ирпеня. В. Б. Антоновичъ, сводя всѣ тексты лѣтописи о Звенигородѣ, весьма убѣдительно доказываетъ, что городъ этотъ находился на мѣстѣ нынѣшняго городища Сиракова, на берегу небольшаго ручья Сираково.

7. Чл. корр. С. Я. Никольскій представилъ Обществу свою статью: «Золотыя ворота XII в. во Владимірѣ», и изложилъ свое мнѣніе о возможности возстановить видъ древнихъ Золотыхъ воротъ въ Кіевѣ, соображаясь съ формою Золотыхъ воротъ во Владимірѣ.

Опредѣлено: статьи гг. Барсова, Антоновича и Никольскаго передать въ Редакціонный комитетъ и благодарить авторовъ.

8. Г. Предсѣдатель сообщилъ, что англійскіе фотографы Фильпотъ и Джаксонъ во Флоренціи предприняли изданіе, посредствомъ фотографіи, всѣхъ памятниковъ, служащихъ для объясненія развитія художествъ. При этомъ гр. Уваровъ показалъ членамъ нѣсколько образцовъ этого изданія, при чемъ объяснилъ археологическое значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ для изслѣдованія развитія визант. иконографіи.

9. Предсѣдатель графъ Уваровъ и секретарь Общества В. Е. Румянцовъ предложили къ избранію:

а) Въ Дѣйствительные члены:

Н. И. Суворова, въ Костромѣ.

в) Въ Члены корреспонденты:

Н. Н. Корсунскаго, въ Ярославѣ.

В. А. Самарянова, въ Костромѣ.

Опредѣлено: по принятому порядку, балотировать ихъ въ слѣдующемъ засѣданіи.

№ 100. 20 декабря 1874 года. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ гр. А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Е. В. Барсова, Д. И. Иловайскаго, А. А. Мартынова, Д. В. Разумовскаго, Н. П. Розанова и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія (5 декабря).

2. Прочитано письмо А. П. Базилевскаго, изъ Парижа, съ изъявленіемъ благодарности за избраніе его въ члены корреспонденты Общества.

3. Доложено о поступленіи слѣдующихъ приношеній:

А) ВЕЩАМИ:

а) Отъ Д. чл. архимандрита Амфилохія: серебряная монета, чеканенная въ Золотой Ордѣ.

В) РИСУНКАМИ, КАРТИНАМИ И РУКОПИСЯМИ:

Отъ вдовы Н. В. Закревскаго: а) въ большой папкѣ, съ надписью «Рисунки и чертежи, относящіеся къ описанію Кіева»—121 рисунокъ большаго формата; кромѣ того, въ этой папкѣ 18 разнаго рода рисунковъ значительно меньшаго размѣра. Ко всему содержанію этой папки составленъ указатель самимъ авторомъ. б) Въ меньшей папкѣ, съ надписью «Описаніе Кіева» соч. Н. Закревскаго, разнаго рода плановъ, чертежей и рисунковъ 54. Тутъ въ маломъ видѣ—тѣ же рисунки, что̀ въ большой папкѣ; но кромѣ того—нѣсколько древнѣйшихъ плановъ Кіева, съ X вѣка по 1856 г. в) Въ одномъ пакетѣ кальки и рисунки Кіево-Софійскихъ и рисунки Ладожскихъ фресокъ; послѣднихъ—7, первыхъ—12. г) Другой пакетъ съ рукописями имѣетъ надпись: «Замѣтки и матеріалы по исторіи г. Кіева; замѣтки эти болѣе не нужны, но хранятся для справокъ». д) «Реестръ прочитаннымъ книгамъ» Н. Закревскаго, за время съ 22 мая 1831 г. до 1849 года, писанный по нѣмецки и по русски.

В) КНИГАМИ И БРОШЮРАМИ:

Отъ вдовы Н. В. Закревскаго: 36 названій книгъ или 78 томовъ, на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; и именно: а) историко-археологическаго содержанія 4 названія или 18 книгъ; въ томъ числѣ два экземпляра «Описанія Кіева», со множествомъ поправокъ и дополненій рукою автора—Н. В. Закревскаго; б) по языковѣдѣнію 5 названій или 6 книгъ; в) по естествовѣдѣнію, медицинѣ, математикѣ и техническимъ наукамъ 20 названій, или 36 книгъ; г) по богословію 4 названія, въ 4 книгахъ; д) по изящной словесности 3 названія, въ 3 книгахъ; е) философско-педагогическаго содержанія—одна брошюра.

б) При отношеніи отъ Росс. Император. дипломатическаго агенства и генеральнаго консульства въ Румыніи—экземпляръ изданнаго въ текущемъ году Нижнедунайскимъ епископомъ Мельхиседекомъ 1-го тома исторіи Романской епархіи: Chronica Romanului çi a Episcopei de Romanû. Partea anteea de la anulu 1392 pena la anulu 1714. Bucuresci, 1874.

Отъ графа А. С. Уварова: «Путешествіе академика Николая Іосифа Делиля въ Березовъ въ 1740 году». Академика П. Пекарскаго. Со снимками видовъ Березова, рисованныхъ въ 1740 г. Спб. 1865 г. (Изъ VI-го т. Записокъ Императорской Академіи Наукъ).

— Д. чл. В. Е. Румянцова: «Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи». Вып. 1-й, изданіе Московской Синодальной типографіи. Текстъ В. Е. Румянцова. М. 1872.

Г. Фундуклея: 2 экземпляра, краткій и полный, «Обозрѣнія Кіева, въ отношеніи къ древностямъ». Изд. по Высочайшему повелѣнію Кіевскимъ гражданск. губернаторомъ Ив. Фундуклеемъ. Кіевъ, 1847 г.

— Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія «Журналъ», декабрь 1874 г.

— Чл. корр. А. А. Хованскаго: «Филологическія записки». Вып. V, 1874 г. Воронежъ.

Опредѣлено: благодарить гг. жертвователей.

4. Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ показалъ: а) жерновый камень, найденный на поверхности одного кургана у села Хорошова, Новомосковскаго уѣзда Екатеринославской губерніи; при этомъ гр. Уваровъ замѣтилъ, что въ прежнее время находка подобныхъ камней на поверхности Скиѳскихъ могилъ обыкновенно предвѣщала богатыя находки внутри самихъ могилъ; б) фотографію съ византійскаго креста XII вѣка, принадлежавшаго покойному П. И. Севастьянову (описаніе креста находится въ книгѣ Лабарта «Histoire de l' industrie», III, p. 424).

5. Предсѣдатель гр. А. С. Уваровъ доложилъ о заключеніи Коммиссіи, назначенной протокольнымъ опредѣленіемъ Общества, сего 5 декабря, для обсужденія вопроса: какое участіе можетъ принять Московск. Археологич. Общество въ международномъ географическомъ конгрессѣ, имѣющемъ быть въ Парижѣ въ апрѣлѣ 1875 года. По разсмотрѣніи программы и всѣхъ документовъ, относящихся къ этому конгрессу, полученныхъ чрезъ посредство Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Коммиссія рѣшила, что Московск. Археологическое Общество не можетъ принять участія въ этомъ конгрессѣ.

6. Секретарь Общества прочелъ записку чл. корр. Т. В. Кибальчича о произведенной имъ, 20 іюня сего 1874 г., раскопкѣ кургана Цемкалиха, находящагося въ Конотопскомъ уѣздѣ Черниговск. губ., въ 3 верстахъ къ С. З. отъ м. Бахмачъ, по дорогѣ въ г. Борзнѣ. Курганъ этотъ выдѣлялся по своей величинѣ между множествомъ кургановъ, расположенныхъ вокругъ: онъ имѣлъ 120 шаговъ въ окружности и до 3-хъ саженъ въ вышину; къ С. представлялъ почти вертикальный откосъ и на вершинѣ имѣлъ углубленную по направленію отъ С. къ Ю. площадку, около 8 аршинъ. Прорытіемъ 5-аршинной ширины рва отъ С. къ Ю. до основанія, также снятіемъ насыпи крестообразно, въ курганѣ не было обнаружено обрѣза, указывающаго на существованіе могилы. Послѣ долгихъ тщательныхъ изслѣдованій стѣнокъ рва, г. Кибальчичу пришлось убѣдиться, что грунтъ кургана—насыпной; мелкіе обломки разныхъ боевыхъ принадлежностей и уголь попадавшійся во рву—памятники послѣднихъ военныхъ событій этой мѣстности. Не удовлетворившись его сторожевымъ назначеніемъ, г. Кибальчичъ, для точности изслѣдованія, пустился въ глубь материка, казавшагося совершенно нетронутымъ, и здѣсь-то, въ 3 аршинахъ къ югу отъ центра,

на глубинѣ 18 аршинъ отъ вершины кургана, на бѣломъ пескѣ, найденъ былъ человѣческій черепъ, безъ всякихъ признаковъ вещей. Куски черепа переданы на разсмотрѣніе антропологамъ, и о заключеніи ихъ будетъ доложено Обществу. Въ окрестностяхъ м. Бахмачъ много разсказывается о духѣ, нерасположенномъ къ народу, имѣвшемъ свое постоянное пребываніе въ раскопанномъ курганѣ: на вершинѣ его появлялись тѣни чудовищъ; изъ кургана получались плаксивые голоса, заявляя о своей неприкосновенности. Очевидцами разказывается, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Цемкалихи, въ 1873 г., рабочими съ Ландворо-Роменской желѣзной дороги, бравшими песокъ, случайно была открыта могила, гдѣ, возлѣ человѣческаго остава, найдены были: золотая шейная (витая) гривна, нѣсколько серебряныхъ вещей, глиняная лампочка (весьма обыкновенная въ гробницахъ Керчи) и глиняная, разбитая рабочими, посуда. Не было возможности собрать точныя свѣдѣнія объ этой интересной находкѣ, такъ какъ вещи эти были тотчасъ употреблены на разныя нужды, а мелочь, почернѣвшая на воздухѣ, была брошена на мѣстѣ нахожденія.

Опредѣлено: благодарить г. Кибальчича за доставленныя свѣдѣнія.

7. Д. чл. Д. И. Иловайскій устно изложилъ свои замѣчанія по поводу двухъ извѣстій паломника архіепископа Новгородскаго Антонія, изданнаго Археографическою коммиссіею въ 1872 г. съ примѣчаніями П. И. Савваитова. Во 1-хъ, что касается до извѣстія этого паломника относительно блюда, пожертвованнаго русск. княгинею Ольгою въ храмъ св. Софіи, то извѣстію этому, по мнѣнію Д. И. Иловайскаго, нельзя давать полной вѣры. Такого блюда Ольга не могла привезти съ собою изъ Кіева. Она могла пріобрѣсти его развѣ въ самомъ Царьградѣ, слѣдовательно это было произведеніе не русскаго, а греческаго искусства. Но самая принадлежность блюда Ольгѣ еще сомнительна: въ Византіи, какъ и вездѣ, было въ обычаѣ связывать разные предметы съ именами знаменитыхъ лицъ; о чемъ свидѣтельствуютъ и другія указанія того же паломника (напр. трубы І. Навина). Притомъ, прочіе извѣстные намъ паломники въ Царьградѣ ни слова неупоминаютъ объ этомъ блюдѣ при описаніи св. Софіи. Другое замѣчаніе Д. И. Иловайскаго относилось къ извѣстію того же паломника о церкви Бориса и Глѣба «на испиганьской странѣ». Подъ послѣднимъ надобно разумѣть Галату, т. е. предмѣстье Царьграда на другой сторонѣ Золотаго Рога. Въ договорѣ Олега и Игоря говорится, что русскіе торговцы останавливались въ предмѣстьи св. Мамы, которое лежало за Влахернами. А въ послѣдующіе вѣка, т. е. послѣ принятія христіанства, судя по извѣстію Антонія, русскіе купцы и паломники проживали именно въ Галатіи, гдѣ они имѣли свою церковь Бориса и Глѣба; такъ какъ эта церковь, посвященная національнымъ русскимъ святымъ, могла быть только русскою. Наконецъ Д. И. Иловайскій замѣтилъ, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ, текстъ у Антонія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перебитъ или спутанъ, на что издатели не обратили вниманія.

Вполнѣ соглашаясь съ двумя послѣдними замѣчаніями г. Иловайскаго, гр. Уваровъ возражалъ противъ его замѣчанія, будто кромѣ Антоніева

паломника нѣтъ другихъ упоминаній объ Ольгиномъ блюдѣ. Въ доказательство своей мысли, онъ указалъ на одну позднѣйшую (XVII в.) рукопись Московской Синодальной библіотеки, въ которой преданіе объ Ольгиномъ блюдѣ передается въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, какъ и въ паломникѣ Антонія. Отсюда видна живучесть этого преданія у русскихъ, что̀ и всего важнѣе для насъ въ вопросѣ объ Ольгиномъ блюдѣ. Далѣе графъ Уваровъ замѣтилъ, что, судя по описанію этаго блюда въ паломникѣ Антонія и въ Синодальной рукописи, оно могло быть не иначе, какъ только произведеніемъ византійскаго искусства: по этимъ описаніямъ, оно напоминаетъ другія такія же блюда, находившіяся въ св. Софіи, о которыхъ сохранились несомнѣнныя историческія свидѣтельства; слѣдовательно извѣстіе паломника объ Ольгиномъ блюдѣ врядъ-ли составляетъ вымышленное въ позднее время и несовременное преданіе.

8. Секретарь Общества В. Е. Румянцовъ сообщилъ нѣкоторые результаты своей работы по предпринятому имъ составленію «Указателя архитектурныхъ памятниковъ Московскаго періода». Указатель этотъ будетъ обнимать всѣ памятники древне-московскаго зодчества: церковнаго, гражданскаго— или, по старинному выраженію, палатнаго и хоромнаго—и военнаго или городоваго. По каждому изъ этихъ 3-хъ отдѣловъ зодчества должны быть показаны не только самые памятники, уцѣлѣвшіе въ цѣломъ или въ частяхъ, но и древніе рисунки съ этихъ памятниковъ, и даже рисунки зданій, не существовавшихъ въ дѣйствительности, но только воображаемыхъ, какъ напримѣръ, изображенія предполагаемыхъ храмовъ, городовъ, домовъ и т. п., встрѣчаемыя на древнихъ иконахъ и миніатюрахъ, такъ какъ эти изображенія даютъ наглядное понятіе объ архитектурныхъ формахъ и вкусахъ своего времени.

Объяснивъ объемъ и планъ предпринятаго имъ труда, референтъ опредѣлилъ тѣ особенности, которыми, по его мнѣнію отличаются архитектурные памятники избраннаго имъ періода.

Основная мысль этого сообщенія вызвала нѣкоторыя возраженія гг. членовъ: гр. А. С. Уварова, Д. И. Иловайскаго и Е. В. Барсова, который замѣтилъ о важности нѣкоторыхъ порядныхъ записей о постройкѣ церквей и присовокупилъ, что у благочиннаго Бѣлозерскихъ церквей находится не мало подобныхъ рядныхъ записей.

Опредѣлено: снестись съ И. П. Барсовымъ и просить его о высылкѣ въ Общество на время означенныхъ записей.

За тѣмъ г. Румянцовъ сообщилъ, что, съ цѣлію личнаго ознакомленія съ архитектурными памятниками въ Ростовскомъ краю, онъ предпринималъ нынѣшнимъ лѣтомъ поѣздку въ Ростовъ, Ярославль, Кострому и Вологду и успѣлъ запастись фотографическими снимками замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древне-церковной архитектуры этихъ городовъ. Въ настоящемъ своемъ рефератѣ онъ сообщилъ только о костромскихъ памятникахъ, относящихся къ XVI и XVII в. Изъ этого числа онъ показалъ членамъ фотографическіе снимки: Ипатіевскаго монастыря, Троицкой церкви за Богоявленскимъ монастыремъ, Воскресенской церкви на Дебрѣ, рисунокъ

сельской Троицкой церкви въ Лиркугѣ Костромскаго уѣзда—и кальки бывшихъ земляныхъ и деревянныхъ укрѣпленій стариннаго плана г. Костромы.

9. По неприсутствію въ настоящемъ засѣданіи надлежащаго числа дѣйствительныхъ членовъ, требуемаго Уставомъ для выборовъ, опредѣлено: балотировку лицъ, предложенныхъ въ члены въ предыдущемъ засѣданіи, отложить до будущаго засѣданія. Сверхъ означенныхъ лицъ, въ настоящемъ засѣданіи предложены къ выбору предсѣдателемъ и секретаремъ въ члены корреспонденты заграничные ученые: Леже, Рамбо, Ванкель, Камезина.

№ 101. 17 января 1875 года. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ гр. А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Е. В. Барсова, К. К. Гёрца, Л. В. Даля, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, В. О. Ключевскаго, Н. А. Попова, Н. П. Розанова и Секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія—20 декабря 1874 г.

2. Секретарь Общества доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ и статей:

а) Отъ Министра Народнаго Просвѣщенія гр. Д. А. Толстаго письмо отъ 4 января, за № 147, съ изъявленіемъ благодарности за поднесенный ему, отъ имени Общества, IV т. «Древностей».

б) Отъ Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи: отношеніе, въ которомъ оно, въ отвѣтъ на предложеніе Московскаго Археологическаго Общества, изъявляетъ готовность принять участіе въ совмѣстномъ обсужденіи проэкта г. Э. Шантра о принятіи однообразныхъ знаковъ для начертанія картъ доисторической археологіи.

в) Отъ кн. А. М. Дондукова-Корсакова: письмо, съ изъявленіемъ благодарности за избраніе его въ дѣйствительные члены Общества, съ приложеніемъ составленной имъ статьи, подъ заглавіемъ: «Забытая Русская старина», или О Рогвольдовомъ камнѣ.

г) Отъ Д. чл. К. Н. Тихонравова два отношенія, отъ 6 и 12 января. При первомъ онъ представилъ въ Общество продолженіе составленнаго имъ «Сборника надписей съ древнихъ памятниковъ Владимірской губерніи», вѣкъ XVI, и Указатель къ Сборнику, съ XIII по XVI вѣкъ. При этомъ, въ отвѣтъ на сообщенное ему заключеніе Общества (протоколъ 5-го декабря 1874 г.) о необходимости скалькировать или снять посредствомъ фотографіи древнѣйшія надписи до 1560 года, К. Н. Тихонравовъ высказываетъ полнѣйшую готовность исполнить это желаніе Общества, по полученіи отъ Общества наставленія: въ какихъ размѣрахъ должны быть фотографическіе снимки и удовлетворительны ли будутъ слѣпки, образцы коихъ могутъ быть представлены въ Общество, по полученіи увѣдомленія Общества. Во второмъ отношеніи, на основаніи представленнаго въ Владимірскій Статистическій Комитетъ членомъ онаго г. Добрынинымъ этнографи-

ческаго очерка Меленковскаго уѣзда, г. Тихонравовъ сообщилъ, что въ Меленковскомъ уѣздѣ названіе «кургановъ» неупотребительно и вообще мало извѣстно, а они называются «шелыхами». Шелыхъ на языкѣ народномъ имѣетъ значеніе кургана и вообще могильной насыпи.

Опредѣлено: письмо г. Министра Народнаго Просвѣщенія и отношеніе Общества Естествознанія принять къ свѣдѣнію, и послѣднее передать въ избранную Коммиссію изъ гг. членовъ: Гёрца, Забѣлина и гр. Уварова. Статьи же кн. Дондукова-Корсакова и г. Тихонравова передать въ Редакціонный Комитетъ и благодарить авторовъ. При этомъ г. Тихонравова извѣстить, чтобы, при изготовленіи фотографическихъ снимковъ съ древнихъ надписей, онъ имѣлъ въ виду форматъ небольшаго листа издаваемыхъ Обществомъ «Древностей».

3. Доложено о поступленіи слѣдующихъ приношеній

А. ВЕЩАМИ:

Отъ Чл. корр. А. Н. Минха: а) два куска древней кольчуги, выпаханной лѣтомъ 1870 г. около деревни Киселевки, Колѣнской волости, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Кольчуга эта, по дошедшимъ до г. Минха свѣдѣніямъ, была выпахана цѣлою и слившеюся отъ ржавчины. Нашедшій ее крестьянинъ продалъ находку, вѣсомъ около пуда, кузнецамъ, отъ которыхъ г. Минхъ успѣлъ добыть только два небольшіе куска, представленные имъ теперь въ даръ Обществу. б) Двѣ монеты, изъ числа выпаханныхъ въ значительномъ количествѣ около с. Ртищева, Сердобскаго уѣзда Саратов. губ., въ 1871 г.: находка эта тоже продана была нашедшимъ ее крестьяниномъ кузнецамъ, и г. Минху удалось пріобрѣсть только нѣсколько монетъ изъ этой находки. в) Двѣ старинныя серебряныя монеты изъ нумизматическаго собранія отца г. Минха, собраннаго имъ въ Тамбовской губерніи. При этомъ, въ своемъ отношеніи, при которомъ препровождены эти вещи, г. Минхъ высказываетъ: если Обществу угодно будетъ сдѣлать ему какія либо порученія по Аткарскому и Саратовскому уѣздамъ на предстоящее лѣто, то онъ съ удовольствіемъ приметъ таковыя на себя.

б) Александръ Ивановичъ Сапожниковъ лично представилъ въ даръ Обществу, изъ своего собранія, 37 монетъ, изъ коихъ двѣ золотыя, а остальныя серебряныя, и изъ послѣднихъ древнѣйшая принадлежитъ времени Александра Македонскаго.

Б. КНИГАМИ И БРОШЮРАМИ:

а) Отъ Императорскаго Казанскаго Университета: «Извѣстія и Записки» этого Университета, 1874, № 6, ноябрь—декабрь. Казань, 1874.

б) — Императорскаго Новороссійскаго Университета: «Записки» этого Университета, т. V. Одесса, 1874 г.

в) — Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества—«Извѣстія», т. V, № 2. Иркутскъ, 1874.

г) — Д. чл. А. А. Потебни, изъ его «Записокъ по русской грамматикѣ»: 1. Введеніе (перепечатано изъ Филологическихъ Записокъ). Воронежъ, 1874 г. 2. Составные члены предложенія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ. Соч. А. Потебни (перепечатано изъ Записокъ Импер. Харьков. Университета 1874 г.).

д) — Д. чл. К. Н. Тихонравова: «Содержаніе неоффиціальной части Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостей, за 1872 и 1873 годы».

е) — Юго-славянской академіи: «Starine». Knjiga VI, U Zagrebu. 1874 г.

ж) — Чл. корр. Хованскаго: «Филологическія записки». Вып. 2, 1874. Воронежъ.

з) — Чл. корреспондента А. Н. Неустроева: 10 брошюръ составленныхъ имъ Указателей къ разнымъ періодическимъ изданіямъ прошлаго XVIII столѣтія: 1) Библіографическое описаніе первыхъ LIV частей «Трудовъ» Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Спб. 1874 г. 2) «Экономическій магазинъ», сельско-хозяйственный журналъ, издававшійся въ 1780—1796 гг. Спб. 1874 г. 3) Библіографическій указатель академическаго журнала «Новыя ежемѣсячныя сочиненія 1786—1796 гг. Спб. 1874 г. 4) «Древняя Россійская Вивліоѳика» (второе изданіе 1788—1791 г.). Библіографическое описаніе. Спб. 1874 г. 5) Алфавитный указатель «Словаря историческаго», періодически, по листу, при Московскихъ вѣдомостяхъ изданнаго въ 1790—1798 гг. Спб. 1874 г. 6) Библіографическое указаніе «Политическаго журнала» за 1790—1802 гг. Спб. 1874 г. 7) Описаніе рѣдкаго нынѣ журнала «Россійскій магазинъ», изданнаго въ 1792—1794 гг. Ѳ. Туманскимъ. Спб. 1874 г. 8) Первый русскій медицинскій журналъ «Санктпетербургскія врачебныя вѣдомости» 1793—1794 гг. Библіографически описанный. Спб. 1874 г. 9) Библіотека ученая, экономическая и проч., издававшаяся П. П. Сумароковымъ въ 1793—1794 гг. въ Тобольскѣ. Библіографически описана. С. П. Б. 1874 г. 10) «Пріятное и полезное препровожденіе времени», литературный журналъ, издававшійся въ 1794—1798 гг. въ Москвѣ. Библіографически описанъ. Спб. 1874 г.

Присутствовавшаго въ засѣданіи А. И. Сапожникова г. Предсѣдатель благодарилъ лично отъ имени Общества; остальнымъ жертвователямъ опредѣлено письменно изъявить благодарность Общества; Члена же корр. Минха—благодарить не только за его даръ Обществу, но и за изъявленную имъ готовность принять на себя исполненіе порученій Общества по Аткарскому и Саратовскому уѣздамъ, присовокупивъ, что Общество не преминетъ воспользоваться его предложеніемъ.

4. Г. Предсѣдатель показалъ представленную въ засѣданіи г. Байеромъ монету Кіев. князя Владиміра Гедиминовича, изъ собранія графа Чапскаго въ С.Петербургѣ, совершенно одинаковую съ тою, какая въ 1873 г. была найдена въ Кіевской губерніи и о которой на Кіевскомъ съѣздѣ сдѣланъ былъ

докладъ г. Антоновичемъ, при чемъ для сличенія показаны были и фотографическіе снимки этой послѣдней монеты.

5. Г. Предсѣдатель прочелъ отчетъ г. К. Лишина о произведенныхъ имъ, прошлымъ лѣтомъ, по порученію и на счетъ Общества, курганныхъ раскопкахъ въ сѣверной части Херсонской губерніи, въ Елисаветград. уѣздѣ, на правомъ берегу рѣчки Кагарлыка, между деревнями Анновкой и Змунчиловыми Хуторами и по берегу р. Ингула, возлѣ г. Елисаветграда.

Отчетъ г. Лишина описываетъ слѣдующія разновидности кургановъ или могилъ означенной мѣстности: курганы, лежащіе по берегамъ рѣки,—курганы, расположенные группами,—курганы одиночные и курганы, представляющіе небольшія площадки. По выслушаніи описанія каждой изъ этихъ разновидностей, члены засѣданія, особенно И. Е. Забѣлинъ, высказали слѣдующія заключенія: что въ отчетѣ г. Лишина по всюду замѣтно преобладаніе общихъ соображеній и предположеній, которыя, если бы были и вполнѣ вѣрны, не могутъ быть убѣдительными безъ подробнаго и вполнѣ точнаго описанія всѣхъ частностей. Такъ, при описаніи кургановъ по берегамъ рѣки онъ вовсе не говоритъ, сколько именно этихъ кургановъ имъ раскопано, и слишкомъ обще и неточно говоритъ, что̀ именно въ нихъ найдено (ограничиваясь слѣд. выраженіями: «внутри этихъ могилъ, кромѣ камней съ неизвѣстною цѣлію, почти всегда встрѣчаются человѣческія кости (?), смѣшанныя иногда съ угольями и золою. Кромѣ того, попадаются слѣды (?) деревянныхъ гробовъ и глиняные сосуды различной (?) формы. За симъ слѣдуетъ предположеніе о двоякомъ назначеніи этихъ кургановъ). О находкахъ въ курганахъ, расположенныхъ группами, всѣ замѣчанія ограничиваются только слѣд. словами: «внутри ихъ всегда находятся человѣческія кости». (Затѣмъ говорится о какихъ-то подсыпкахъ этихъ кургановъ, сдѣланныхъ снаружи въ недавнее время (?), съ различными (?) цѣлями, мѣстными землевладѣльцами. О курганахъ одиночныхъ, изъ коихъ ни одинъ не былъ раскопанъ, говорится: «можно предположить (?), что и эти курганы не что иное, какъ могильныя насыпи». Также гадательно и неубѣдительно и слѣдующее общее заключеніе: «мнѣ кажется, что если и есть въ этой мѣстности курганы, не заключающіе въ себѣ человѣческихъ костей, то во 1-хъ, они должны быть очень рѣдки, и во 2-хъ, все таки въ нихъ должно быть положено что нибудь священное (?), для того, чтобы они получили право называться могилами (?)». Описаніе кургановъ четвертой разновидности—кургановъ съ площадками, хотя сдѣлано сравнительно тщательнѣе и подробнѣе, но также возбуждаетъ нѣкоторые вопросы, напр. относительно глубины, на которой найдены въ одномъ изъ этихъ кургановъ обломки (?) человѣческихъ костей, и почему именно затруднительно было довести до конца раскопку этого кургана? А въ заключеніи,—гаданіе о происхожденіи этихъ кургановъ-площадокъ,—и ни слова о другихъ какихъ либо находкахъ въ этихъ курганахъ, были-ли они въ нихъ или нѣтъ.

Во вниманіе ко всему этому опредѣлено: отнестись къ г. Лишину, и для разъясненія всѣхъ необходимыхъ подробностей просить его отвѣтить на вопросы, которые будутъ ему предложены.

6. Д. чл. Н. А. Поповъ прочелъ свою статью подъ заглавіемъ: «Археологическое Общество при Чешскомъ Музеѣ и его журналъ». Въ первой половинѣ своей статьи, референтъ довольно подробно изложилъ исторію этого Общества, и внѣшнюю исторію издаваемаго имъ журнала «Археологическихъ листовъ» и «Археологическихъ памятниковъ», начиная съ 8 декабря 1841 г., дня основанія Археологич. Общества при Чешскомъ Музеѣ, до настоящаго времени. Во второй половинѣ статьи представленъ также довольно подробный библіографическій обзоръ 9 томовъ «Памятниковъ», изданныхъ вышеозначеннымъ Обществомъ въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, съ 1854 по 1873 г.

Опредѣлено: благодарить автора, а статью его передать въ Редакціонный Комитетъ.

7. Товарищъ Предсѣдателя К. К. Гёрцъ передалъ въ Общество статью В. Ѳ. Миллера «о Днѣпровскихъ порогахъ» и прочелъ заключительный ея выводъ, что всѣ русскія названія этихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго не славянскія, а сѣверно-германскія. Вмѣстѣ съ тѣмъ К. К. Гёрцъ сообщилъ, что В. Ѳ. Миллеръ въ скоромъ времени обѣщаетъ представить и другую свою статью, въ которой, на основаніи данныхъ языкознанія, онъ думаетъ подвергнуть обслѣдованію вопросъ: «кто были Скиѳы?»

8. Секретарь Общества В. Е. Румянцовъ продолжалъ отчетъ о поѣздкѣ своей въ сѣверные города, для ознакомленія съ находящимися въ нихъ архитектурными памятниками Московскаго періода, и сообщилъ свои наблюденія надъ ними, сдѣланныя имъ въ Ростовской сторонѣ и, главнымъ образомъ, въ Ярославлѣ, а въ заключеніе показалъ нѣсколько фотографій съ наиболѣе замѣчательныхъ ярославскихъ церквей.

9. По неприсутствію въ засѣданіи надлежащаго числа дѣйствительныхъ членовъ, требуемаго Уставомъ для выборовъ, Опредѣлено: балотировку лицъ, предложенныхъ въ двухъ предшествовавшихъ засѣданіяхъ, отложить до слѣдующаго засѣданія. Сверхъ означенныхъ лицъ, въ настоящемъ засѣданіи предложенъ къ выбору предсѣдателемъ и товарищемъ предсѣдателя въ члены корреспонденты Всеволодъ Ѳедоровичъ Миллеръ.

№ 102. 1875 года, января 30 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: А. А. Авдѣева, архимандрита Амфилохія, Е. В. Барсова, Л. В. Даля, Д. И. Иловайскаго, А. Н. Попова, Н. А. Попова, Н. П. Розанова, гр. М. В. Толстаго, и Секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія—17 января.

2. Секретарь прочелъ письмо г. Гофмаршала Двора Государя Наслѣдника Цесаревича, отъ 15 января, за № 87, на имя г. Предсѣдателя гр. А. С. Уварова, въ которомъ сообщается, что Его Императорское Высочество, Августѣйшій Покровитель Московскаго Археологическаго Общества, въ милостивомъ вниманіи къ ходатайству онаго Общества, соизволилъ по-

жертвовать для библіотеки Общества экземпляръ «Древностей Россійскаго Государства», изданныхъ по рисункамъ академика Ѳ. Г. Сонцева.

Г. Предсѣдатель заявилъ, что онъ счелъ долгомъ немедленно же отвѣтить г. Гофмаршалу, и отъ имени Общества просилъ его выразить Его Императорскому Высочеству чувства глубочайшей благодарности за милостивѣйшій подарокъ.

3. Затѣмъ Секретарь доложилъ о другихъ приношеніяхъ въ даръ Обществу книгами:

а) Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Журналъ», январьская книга 1875 г.

б) — Императорскаго Московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи: «Извѣстія Общества», т. XIV. Протоколы засѣданій. Москва, 1874 г.

в) — Д. чл. архимандрита Амфилохія: «Древне-славянская псалтирь XIII—XIV вѣка, съ греческимъ текстомъ изъ толковой Ѳеодоритовой псалтири X вѣка». Трудъ архимандр. Амфилохія. Москва, 1874 г.

г) — Чл. корр. И. А. Голышева: «Часовня св. Николая чудотворца, близь погоста Нередичь-Никольскаго, Ковровскаго уѣзда».

д) — Чл. корр. В. И. Лѣствицына: «Церкви г. Ярославля въ 1781 году». Записка Ростовскаго архіепископа Самуила Миславскаго.

е) — Чл. корр. Т. В. Кибальчича: 3 старинныя книги на нѣмецк. языкѣ: «Consultatio», durch N. Hunnium, 1667 г.; «Церковная исторія», 1697 г.; «Библія перев. Лютера», 1720 г.; «Лексиконъ славяно-греко-латинскій, Московскіе типографіи справщика Ѳеодора Поликарпова», безъ трехъ начальныхъ и нѣсколькихъ послѣднихъ листовъ и безъ означенія года; «Елинно-россійско-французской лексиконъ, сочиненной іеромонахомъ Досиѳеемъ», т. I. А—Л. Въ Москвѣ, 1811 г.; «Разсужденіе, какія законныя причины Его Величество Петръ Великій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, къ начатію войны противъ короля Карла XII Шведскаго имѣлъ».

ж) — Н. И. Суворова изъ Вологды: «Путеводитель по Вологдѣ, съ указаніемъ на ея церковныя древности и другія достопримѣчательности». Вологда, 1874 г.

з) — Ванъ-Десселя изъ Брюсселя: Nouvelles annotations archéologiques, par M. C. Van-Dessel. Bruxelles, 1874.

4. Г. Предсѣдатель доложилъ о полученномъ имъ отъ Д. чл. А. К. Жизневскаго письмѣ, при которомъ препровождены г. Жизневскимъ въ даръ Обществу: а) фотографическій снимокъ съ памятника, извѣстнаго подъ названіемъ руническаго памятника, найденнаго въ 1835 году Ѳ. Н. Глинкою, на землѣ с. Кузнецова, Бѣжецкаго уѣзда; б) фотографическій снимокъ съ надгробнаго памятника 1499 года, вынутаго въ 1874 г. изъ пола престола Троицкой церкви въ Твери, за Тьмакой; в) фотографическій снимокъ съ плана Собора, существовавшаго до начала нынѣшняго столѣтія въ г. Старицѣ, построеннаго при царѣ Иванѣ Васильевичѣ въ 1561 году, и г) копія съ рукописной описи Старицкаго монастыря, по каковой описи принималъ въ 1606 году монастырь архимандритъ Діонисій.

Опредѣлено: изъявить жертвователямъ благодарность Общества; а рукопись и фотографическіе снимки, присланные г. Жизневскимъ, передать въ Редакціонный Комитетъ.

5. Д. чл. Е. В. Барсовъ прочелъ свою статью: о вліяніи христіанскихъ апокрифовъ на церковный обрядъ и иконопись. Послѣ общихъ замѣчаній о происхожденіи христіанскихъ апокрифовъ, о значеніи ихъ въ церковно-исторической наукѣ и объ отношеніи къ нимъ церкви западной и восточной, референтъ замѣтилъ, что въ нашей русской литтературѣ вопросъ объ отношеніи апокрифовъ къ церковнымъ пѣснопѣніямъ и искусству остается мало изслѣдованнымъ. Въ видѣ опыта, для уясненія этого отношенія, референтъ въ настоящемъ своемъ докладѣ ограничился одними только апокрифическими сказаніями о рождествѣ Богородицы, введеніи ея во храмъ, благовѣщеніи, рождествѣ Христовомъ и успеніи Богородицы и показалъ, что многіе мотивы этихъ апокрифическихъ сказаній, противъ которыхъ церковь обыкновенно вооружается теоретически, въ дѣйствительности восприняты ею или въ церковный обрядъ, или въ церковное краснорѣчіе, пѣснопѣніе и искусство. Такъ, относительно сказаній первоевангелія Іакова о рождествѣ Богородицы, референтъ замѣтилъ, что онѣ повторяются уже во II и III вѣкѣ по Р. Х., у Іустина мученика и Климента Александрійскаго. Въ IV же вѣкѣ сказанія эти уже настолько утвердились, что сооруженъ былъ храмъ и существовалъ уже праздникъ въ честь Рождества Богородицы. Содержаніе апокрифа почти буквально повторяется и у нѣкоторыхъ св. отцевъ, въ ихъ бесѣдахъ и поученіяхъ, на прим. у Тарасія патріарха Константинопольскаго, Дамаскина. Церковныя пѣснопѣнія воспроизводятъ тѣже преданія. Въ нихъ также воспѣвается, что Іоакимъ и Анна были бездѣтны и молились о томъ, чтобы Господь разрѣшилъ ихъ болѣзнь безчадія и «овъ убо молитву на горѣ творяше, ова же въ садѣ поношеніе носяше. И услышалъ Богъ Аннино стонаніе, и она вопіетъ: колѣна вся срадуйтемися Израилева! Се во чревѣ ношу и поношеніе безчадства отлагаю!» И искусство воспроизводитъ тотъ же апокрифъ. Еще въ 550 году императоръ Юстиніанъ воздвигъ храмъ въ честь Іоакима и Анны и украсилъ его ваяніемъ и живописью, по сказанію апокрифической исторіи о рождествѣ Богородицы. Папа Левъ III украсилъ подобными же изображеніями церковь св. Павла въ Римѣ. У насъ на фрескахъ Кіево-Софійскаго собора изображена Анна скорбящею предъ птичьимъ гнѣздомъ о своемъ неплодствѣ. Какъ греческіе, такъ и русскіе подлинники велятъ изображать икону рождества Богородицы согласно церковнымъ пѣснямъ.—Относительно разсказа первоевангелія Іакова о введеніи во храмъ пресвятой Богородицы, референтъ высказалъ, что разказъ этотъ повторяется въ VII вѣкѣ, въ словѣ Германа архіепископа Константинопольскаго, и самый праздникъ основанъ не ранѣе этого времени. Еще буквальнѣе онъ передается у Тарасія, также Константинопольскаго архіепископа, въ похвальномъ словѣ его на этотъ праздникъ. Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ повторяются тѣже преданія.... Изображенія этого праздника на иконахъ вполнѣ соотвѣтствуютъ содержанію церковныхъ пѣсень, и въ такомъ именно видѣ предписывается изобра-

жать его какъ въ греческихъ, такъ и русскихъ подлинникахъ. Относительно праздниковъ Благовѣщенія и Рождества Христова замѣчено референтомъ: хотя они имѣютъ свое твердое и истинное основаніе въ каноническихъ евангеліяхъ, но и къ нимъ также примѣшиваются апокрифическія преданія. Такъ напримѣръ, изображается Благовѣщеніе трояко: Благовѣщеніе во храмѣ, Благовѣщеніе у колодца и Благовѣщеніе съ веретеномъ. Оба послѣдніе момента описаны въ первоевангеліи Іакова. Такимъ же образомъ преданія, изображаемыя и воспѣваемыя въ церковныхъ пѣсняхъ, что Христосъ родился въ вертепѣ нерукосѣчномъ, что при этомъ была баба Соломія, что маги, приходившіе на поклоненіе Христу, были цари, что они пришли именно изъ Персіи, все это—преданія, взятыя изъ апокрифическихъ евангелій. Наконецъ, что касается преданій о смерти Богоматери, впервые встрѣчающихся въ апокрифическомъ сказаніи Іоанна Богослова (III или IV вѣка по Р. Х.), то онѣ поддерживаются и отчасти развиваются у Іоанна архіепископа Солунскаго, Дамаскина, Андрея Критскаго и др. Церковное пѣснотворчество вполнѣ соотвѣтствуетъ церковному краснорѣчію. Въ канонѣ Косьмы Маюмскаго на этотъ праздникъ изображается: какъ ликъ ангеловъ несется въ облакахъ на погребеніе Матери Божіей, какъ дерзновенному Евфонію ангеломъ отсѣкаются обѣ руки, какъ Христосъ беретъ ея душу, какъ тѣло ея возносится на небо и т. п. Но особенно точно и почти буквально повторяютъ апокрифическое сказаніе Іоанна Богослова такъ называемые «Блаженны» на Успеніе Богоматери. Что касается изображенія на иконахъ, то и греческіе и русскіе подлинники предписываютъ буквально воспроизводить эти преданія.

6. Приглашенный въ засѣданіе В. Ѳ. Миллеръ прочелъ свое изслѣдованіе: «Названія днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго», о которомъ въ предшествовавшемъ засѣданіи доложено было товарищемъ предсѣдателя К. К. Гёрцемъ.

Опредѣлено: статьи гг. Барсова и Миллера передать въ редакціонный Комитетъ и напечатать въ «Трудахъ» Общества.

7. Секретарь Общества В. Е. Румянцовъ сообщилъ о своей поѣздкѣ на сѣверъ Ростовской земли, въ Вологодскій край, для обзора тамошнихъ архитектурныхъ памятниковъ Московскаго періода.

№ 103. Въ открытомъ затѣмъ экстренномъ засѣданіи, въ присутствіи тѣхъ же членовъ, избраны:

а) въ дѣйствительные члены:

Николай Ивановичъ Суворовъ, въ Вологдѣ.

б) въ члены корреспонденты:

Николай Николаевичъ Корсунскій, въ Ярославлѣ; Василій Алексѣевичъ Самаряновъ, въ Костромѣ; А. В. Черниковъ-Анучинъ, въ Уфѣ; Александръ Викторовичъ Рачинскій, Егоръ Ивановичъ Перетятковичъ и Всеволодъ Ѳедоровичъ Миллеръ, въ Москвѣ; Ванъ-Дессель, въ Брюсселѣ; Леже и Рамбо, во Франціи; Ванкель и Камезина, въ Австріи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О БУМАЖНЫХЪ ОТТИСКАХЪ СЪ ДРЕВНИХЪ НАДПИСЕЙ И ВОСПРОИЗВЕДЕНІИ ИХЪ ИЗЪ ГИПСА.

Давно уже начали воспроизводить древнія надписи посредствомъ бумажныхъ оттисковъ, вдавливая бумагу въ углубленія или укрѣпляя ее на выпуклости самыхъ камней. Эти fac-simile имѣютъ неопровержимое превосходство надъ всякими рисунками, потому что не могутъ искажать характеръ стиля, по которому только и можно узнать, когда именно построенъ тотъ или другой памятникъ, если нѣтъ достовѣрныхъ указаній о времени ихъ происхожденія.

Бумага, употребляемая для оттисковъ, имѣетъ видъ гипса, но, къ несчастію, она не прочна и легко мнется, или скоро портится отъ сырости. Поэтому всѣ любители и знатоки древностей съ удовольствіемъ узнаютъ, что эти хрупкія коллекціи, составляющія единственные археологическіе запасы, которые можно привозить изъ дальнихъ путешествій, могутъ быть воспроизводимы изъ гипса или штукатурки, благодаря остроумному изобрѣтенію одного французскаго художника, г. А. Деверіа. Хотя давно уже описанъ способъ полученія бумажныхъ оттисковъ, но такъ какъ онъ довольно еще малоизвѣстенъ, а между тѣмъ могъ бы быть съ успѣхомъ употребленъ путешественниками, то мы изложимъ его въ короткихъ словахъ.

Для такихъ оттисковъ выбираютъ бумагу неклеєную, которая употребляются при книгопечатаніи. Она должна быть тоньше для мелкихъ надписей и грубѣе, и даже очень толста—для барельефовъ и большихъ памятниковъ. Ее намачиваютъ водою посредствомъ губки, или кладутъ между двумя мокрыми кусками полотна, потомъ сырую накладываютъ на надпись, которая должна быть сперва хорошо прочищена. Затѣмъ бумагу вдавливаютъ осторожно сухою тряпкою, или щеткой съ довольно длиннымъ волосомъ, но не слишкомъ мягкимъ, дабы малѣйшія подробности могли отпеча-

таться. Если щетка немного повредитъ бумагу, то ее опять прижимаютъ сухою тряпкою. Если же углубленія въ памятникѣ слишкомъ велики, отъ чего бумага разрывается, тогда слѣдуетъ прорванныя мѣста прикрыть еще слоемъ сырой бумаги, пока слѣпокъ не выйдетъ безъ поврежденій. Послѣ этого бумагу снимаютъ осторожно съ надписи и высушиваютъ на гладкой поверхности. Если надпись длинна, то къ первому снимку прибавляютъ другой, не забывая поставить номера, для обозначенія порядка.

Этотъ минутный способъ даетъ двойной оттискъ надписей, прямой и обратный, что̀ очень удобно для печатанія. Когда снимаютъ оттиски съ поверхностей вертикальныхъ и совершенно гладкихъ, тогда необходимо укрѣпить бумагу нѣсколькими облатками и снять ихъ, какъ только оттискъ будетъ изготовленъ, для того, чтобы бумага снималась вездѣ одновременно. Когда бумажные оттиски высохнутъ, ихъ кладутъ въ портфёль или въ ящикъ, остерегаясь слишкомъ плотнаго сдавливанія, и такимъ образомъ можно легко ихъ перевозить, предохраняя только отъ сырости. Воспроизведеніе подобныхъ оттисковъ изъ гипса никогда не удавалось, но наконецъ г. Деверіа добился полнаго успѣха и получилъ такіе же прекрасные снимки, какъ и самые оттиски. Способъ г. Деверіа весьма простъ. Онъ сперва размягчаетъ оттискъ тонкимъ слоемъ чернаго мыла, густо распущеннаго въ водѣ. Лишь только бумага снова получила гибкость, которую имѣла при сниманіи надписи, ее осторожно обмазываютъ льнянымъ масломъ и обливаютъ потомъ распущеннымъ гипсомъ, оставляя необлитыми всѣ края бумаги на цѣлый сантиметръ ширины, дабы гипсъ не прилипалъ къ столу. Когда гипсъ затвердѣетъ, бумага, если снимать ее осторожно, отстанетъ отъ слѣпка какъ скорлупа. Гипсъ поглощаетъ масло и часть мыла, а частицы ихъ, остающіяся на бумагѣ, не мѣшаютъ ей просохнуть и поступить обратно въ портфёль, если пожелаютъ сохранить ее.

Мы укажемъ еще на два простыхъ способа, для уменьшенія хрупкости снимковъ и для довольно плотнаго ихъ затверденія: во первыхъ, ихъ можно пропитывать растворомъ кремневаго поташа; во-вторыхъ, хорошо смѣшать и растереть съ сухимъ гипсомъ (до его употребленія) большую щепотку квасцовъ въ порошкѣ съ двумя горстями гипса. Такой смѣси, хорошо изготовленной, достаточно для того, чтобы затвердѣли предметы, вылѣпленные изъ подобнаго состава.

3 6105 013 561 432
Stanford University Libraries